Пауло Коэльо

ПЯТАЯ ГОРА

Пятая гора
Пауло Коэльо

Аннотация
Пауло Коэльо. Пятая гора
Предисловие автора
Пролог
Часть первая
Часть вторая

Аннотация

В девятом веке до н. э. финикийская принцесса Иезавель приказала казнить всех пророков, отказывающихся поклониться языческому божеству Ваалу. Илия бежит из Израиля в город Сарепту, где неожиданно находит свою любовь. Но вскоре все надежды и мечты рассеиваются как дым и Илию вновь затягивает водоворот событий, угрожающих его жизни.

«Пятая гора» — это волнующая история избранника Божьего, которому надлежит пронести свою веру через самые страшные испытания.

Пауло Коэльо
Пятая гора

Посвящается А. М., воину Света, и Мауро Саллешу

Предисловие автора

Главная мысль моей книги «Алхимик» заключена во фразе, которую, обращаясь к пастуху Сантьяго, произносит царь Мелхиседек: «Когда чего-нибудь желаешь очень сильно, вся Вселенная помогает тебе этого достигнуть».

Я верю в это всем сердцем. Между тем прожить жизнь и добиться воплощения своей судьбы означает пройти целый ряд этапов, смысл которых нередко недоступен нашему пониманию. Цель этих этапов — каждый раз возвращать нас на путь нашей Судьбы или же преподнести нам уроки, которые помогают осуществить свое предназначение. Думаю, что смогу лучше проиллюстрировать эти слова, рассказав один эпизод из своей жизни.

12 августа 1979 года я лег спать, зная в точности одно: к тридцати годам я достиг пика своей карьеры. Я работал художественным директором студии *CBS* в Бразилии. Некоторое время назад меня пригласили в США на встречу с владельцами компании, занимающейся звукозаписью. Я был уверен, что мне предоставят полную свободу

для осуществления всех моих планов. Конечно, моя заветная мечта — стать писателем — отодвигалась в сторону, но какое это имеет значение? В конце концов, реальная жизнь совсем не похожа на ту, какой я ее себе представлял. В Бразилии нельзя прожить, занимаясь только литературой.

В ту ночь я окончательно решил отказаться от своей мечты — нужно было так или иначе приспосабливаться к жизни. Если моя душа будет противиться этому, я попытаюсь схитрить: время от времени буду сочинять слова к музыке или писать статейки для какой-нибудь газеты. В остальном же, я был убежден, что, хотя моя жизнь пошла по другому пути, она не стала менее интересной и в мире музыки меня ожидало блестящее будущее.

Как только я проснулся, раздался телефонный звонок: это был президент компании. Из его слов стало ясно, что меня только что уволили без всяких объяснений. В течение последующих двух лет я стучался в разные двери, но так и не смог получить работу в этой области.

Завершая работу над «Пятой горой», я вспомнил и этот случай, и другие проявления неизбежного в моей жизни. Всякий раз, когда мне казалось, будто я достиг вершины, что-нибудь случалось

— и я летел вниз. Я спрашивал себя: почему так происходит? Неужели я осужден вечно приближаться к заветной черте, но никогда не достичь ее? Неужели Бог так жесток, что посылает мне мираж — оазис на горизонте — только лишь для того, чтобы я умер от жажды посреди пустыни?

Мне понадобилось много времени, дабы понять, что это не так. Одни события происходят в нашей жизни для того, чтобы вернуть нас на истинный путь Судьбы. Другие нужны для того, чтобы мы применили в жизни свои познания. А некоторые события призваны научить нас.

В книге «Паломничество» я хотел показать, что эти уроки не всегда связаны с болью и страданием. Достаточно отнестись к ним серьезно и внимательно. Понимание этого стало истинным благословением на моем жизненном пути. Но я так и не смог до конца понять смысл некоторых событий моей жизни, хотя был достаточно собранным и внимательным.

Случай, описанный выше, можно считать одним из таких примеров. Я был настоящим профессионалом, вкладывал в работу всю свою душу. Некоторые свои идеи я до сих пор нахожу довольно удачными. Но неизбежное случилось именно в тот момент, когда я был спокоен и уверен в

себе как никогда. Думаю, многие люди пережили нечто подобное. Неизбежное коснулось жизни каждого человека на Земле. Одни выстояли, другие отступились, но каждый пережил свою трагедию.

Зачем? Чтобы ответить себе на этот вопрос, я отправился вместе с Илией в Акбар.

Пауло Коэльо

* * *

И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк
не принимается в своем отечестве.
Поистине говорю вам: много вдов было
в Израиле во дни Илии,
когда заключено было небо три года
и шесть месяцев, так что сделался
большой голод по всей земле,
и ни к одной из них не был послан Илия,
а только ко вдове в Сарепту Сидонскую.

Евангелие от Луки 4: 24–26

Пролог

К началу 870 года до н. э. государство, называвшееся Финикией — израильтяне же именовали его Ливаном, — уже почти три столетия не знало войн. И жители его по праву гордились своими свершениями: страна их, не обладая политическим могуществом, волей-неволей должна была развить в себе завидную способность договариваться и ладить с соседями, ибо только это могло стать залогом выживания в мире, раздираемом постоянными войнами. Союз, заключенный около 1000 года до н. э. с израильским царем Соломоном, позволил построить самый современный по тем временам флот и развивать торговлю. С той поры Финикия неуклонно расцветала и богатела.

Ее корабельщики добирались уже до таких отдаленных мест, как Испания, плавали в Атлантике, и есть предположения — правда, не подтвержденные, — что это они оставили надписи, сохранившиеся на юге и северо-востоке Бразилии. Они перевозили стекло, древесину кедра, оружие, железо, слоновую кость. Жители

крупных городов Тира, Сидона и Библоса знали математику, умели производить астрономические вычисления, владели секретами виноделия и уже двести лет писали с помощью некоего набора условных значков, который греки называли *алфавитом.*

В начале 870 года до Рождества Христова в городе Ниневия собрался военный совет. Ассирийские полководцы решили двинуть свои войска на покорение стран, расположенных вдоль средиземноморского побережья. И первой жертвой завоевателей избрана была Финикия.

В начале 870 года до Рождества Христова в конюшне на окраине города Галаада, с минуты на минуту ожидая неизбежной смерти, прятались двое.

Часть первая

— Я служил Господу моему, а Он предал меня в руки врагов моих, — сказал Илия.

— Бог есть Бог, — отвечал левит. — Он ведь не говорил Моисею, плох Он или хорош, но сказал всего лишь: «Я есмь». Он — это все сущее под солнцем: и молния, разрушающая дом, и рука человеческая, этот дом восстанавливающая.

Они вели эту беседу лишь затем, чтобы отвлечься от снедавшего их страха: в любую минуту воины, распахнув двери конюшни, могли обнаружить этих двоих. Тогда им предстоял бы единственный выбор: либо поклониться Ваалу — верховному божеству финикийцев, — либо пойти на казнь. Воины обшаривали дом за домом, а найденных пророков обращали в свою веру или убивали.

Левит, возможно, выбрал бы первое, а для Илии выбора и вовсе не было: все это началось из-за него, и Иезавель во что бы то ни стало желала получить его голову.

— Ангел Господень повелел мне обратиться к царю Ахаву и предупредить его: не будет дождей в

Израиле, покуда жители его не перестанут поклоняться Ваалу, — сказал Илия, словно извиняясь за то, что пришлось послушаться ангела. — Но Бог правду видит да не скоро скажет: к тому времени, когда начнут проявляться последствия засухи, Иезавель истребит всех, кто останется верным Господу.

Левит промолчал, размышляя, как поступить — поклониться ли Ваалу или умереть во имя Господа.

— Кто есть Бог? — продолжал Илия. — Не он ли рукою воина заносит меч над головами тех, кто не желает изменить вере предков? Не он ли возвел чужеземную царевну на престол израильский, так что все эти злосчастья постигли наше поколение? Не он ли истребляет правоверных, ни в чем не виноватых людей, которые следуют Моисееву закону?

А левит тем временем принял решение и выбрал для себя смерть. И рассмеялся, потому что мысль о смерти больше не страшила его. Обернулся к юному пророку, сидевшему рядом, и попытался успокоить его:

— Спроси у Господа, раз ты усомнился в мудрости его решений. Я уже готов принять свой удел.

— Не может Господь желать, чтобы нас безжа-

лостно умертвили, — стоял на своем Илия.

— Господь может все. Если бы Он творил лишь то, что нам, скудоумным, представляется добром, то не был бы всемогущ и правил бы лишь частью Вселенной, и, стало быть, существовал бы кто-то еще более сильный, и этот кто-то направлял бы Его действия и следил за ними. Что ж, в этом случае ему бы я и поклонялся.

— Но если наш Господь всемогущ, отчего не избавит от страданий тех, кто любит Его? Почему не спасет нас вместо того, чтобы вверить власть и славу врагам Своим?

— Понятия не имею, — ответил на это ему левит. — Но причина наверняка есть, и я надеюсь вскоре узнать ее.

— Значит, у тебя нет ответа на этот вопрос.

— Нет.

Они помолчали. Холодная испарина выступила на лбу Илии.

— Тебя мучает страх, — заметил левит, — а вот я примирился со своей участью. Я выйду и покончу с этими муками. Всякий раз, когда снаружи доносится крик, я терзаюсь мыслями о том, как будет, когда придет мой час. И покуда мы сидим в этом узилище, я умирал уже сто раз, а ведь мог бы умереть только однажды. Раз уж суждено мне

быть обезглавленным, так пусть случится это поскорее.

Левит был прав. Илия слышал те же крики и, как ни крепок был духом, тоже испытывал страдание.

— Пойдем вместе. Перед смертью не надышишься.

И он встал, и распахнул дверь, впустив солнечный свет в конюшню, где сидели двое.

* * *

Левит взял его за руку, повел за собой. Если бы не крики, то и дело раздававшиеся на улице, казалось бы, что дело происходило в ничем не примечательном городе и в самый обычный день — солнце припекало не слишком, а ветерок, налетая от далекого побережья, навевал прохладу. На пыльных улицах стояли глинобитные дома.

— Наши души готовы принять ужас смерти, а день такой славный, — промолвил левит. — А ведь часто бывало, что, когда я чувствовал себя в ладу с Богом и с миром, стоял ужасный зной, ветер из пустыни швырял мне в глаза песок, так что в двух шагах от себя я ничего не видел. Не всегда Его замысел согласуется с нашими чувствами, но одно я знаю твердо — на все это у Него

есть причина.

— Меня восхищает крепость твоей веры.

Левит задумчиво поглядел на небо. Потом обернулся к Илии:

— Не восхищайся чрезмерно. Дело в том, что я сам с собой побился об заклад. Я утверждаю, что Бог — есть.

— Но ведь ты — пророк. Тебе дано слышать голоса, не внятные другим. Ты знаешь, что за пределами нашего мира существуют и другие миры.

— Может быть, все это — лишь плод моего воображения.

— Но ведь ты видишь знамения, — в тревоге возразил Илия и снова услышал в ответ:

— Может быть, все это — лишь плод моего воображения. На самом деле, у меня нет ничего действительного, кроме моего спора с самим собой. Я сказал себе, что все вокруг создано Всевышним.

* * *

На улице не было ни души. Затворясь в домах, люди ждали, когда воины Ахава исполнят поручение чужестранной царевны — истребить пророков Израиля. Илия, шагая рядом с левитом, чувствовал, что из-за каждой двери, из каждого

окна за ним наблюдают чьи-то глаза, — и терзался своей виной за все происходящее.

— Но я ведь не просил сделать меня пророком, — размышлял он. — Быть может, и впрямь все это — не более чем игра воображения.

Но он помнил, что случилось в мастерской, и знал, что это не так.

* * *

Он с детства слышал голоса и разговаривал с ангелами. И пришла пора, когда родители отвели сына к израильскому первосвященнику, а тот, подробно расспросив мальчика, объявил его пророком, «человеком духа», который воспламеняется, услышав Божий глас.

И еще много времени протекло в беседах со священником, прежде чем тот сказал родителям Илии: ко всему, что будет сказано им, надлежит отнестись серьезно.

А выйдя из этого дома, отец и мать попросили сына никогда и никому не рассказывать о том, что он видит или слышит, ибо пророк связан с властью, а это чревато опасностью.

Впрочем, Илия никогда и не слышал такого, что могло бы заинтересовать владык мирских и духовных. Он разговаривал только со своим анге-

лом-хранителем и получал от него наставления лишь о том, что касалось его собственной жизни. Иногда случались у него видения, смысл которых он постичь не мог, — виделись ему далекие моря, горы, населенные странными существами, колеса с глазами и крыльями. А когда видения исчезали, он, покорный воле родителей, старался забыть их как можно скорее.

И потому голоса и видения посещали его все реже. Отец и мать были довольны и больше не говорили об этом. Когда же пришло ему время жить своим трудом, дали Илии денег на плотницкую мастерскую.

* * *

С почтением глядел он на других пророков — они проходили иногда по улицам Галаада в одежде из звериных шкур, перетянутых кожаными поясами, и утверждали, что Господь призвал их, чтобы вести избранный народ. Илия понимал, что это — не его стезя: никогда не сможет он впасть в неистовство от безумной пляски или самобичевания, как неизменно случалось со всеми, кого «воспламенял Божий глас», ибо страшится боли. Никогда не пройдет по улицам, горделиво показывая рубцы и шрамы от ран, нанесенных

себе в этом умопомрачении, ибо слишком робок для этого.

Илия считал себя самым обычным человеком, да так оно, наверно, и было: он и одевался как прочие, и терзал только душу свою — но теми же страхами и искушениями, что и простые смертные. Чем больше работал он в мастерской, тем реже слышались ему голоса, а потом они и вовсе исчезли: у человека взрослого и делом занятого нет для этого времени. Родители были им довольны, и жизнь их текла в мире и согласии.

И со временем тот давний разговор со священнослужителем стал лишь далеким воспоминанием. Илия не мог поверить, что Господу Всемогущему нужно разговаривать с людьми, чтобы заставить их исполнять свои повеления. Все, что случилось тогда, в детстве, было всего лишь праздной выдумкой. В его родном Галааде были люди, которых считали безумцами. Их речи были бессвязны, и сами они не в силах были отличить голос Господа от бредовых речей. Жили на улицах, предсказывали скорый конец света, питались подаянием милосердных прохожих. И все-таки ни один священник не поверил, будто их «воспламеняет Божий глас».

Илия в конце концов решил, что священни-

ки сами не вполне уверены в том, что говорят. «Избранники Божьи» появлялись оттого, что страна двигалась неведомо куда, оттого, что брат восставал на брата и ежечасно возникали новые правители. Где уж тут отличить безумцев от пророков.

* * *

Узнав о женитьбе царя на тирской царевне Иезавели, он сначала не придал этому значения. Случалось и раньше, что цари Израиля брали в жены чужестранок, и после этого воцарялся долгий мир, бурно расцветала торговля с Ливаном. Мало заботило Илию, верят ли жители сопредельной страны в выдуманных ими богов, поклоняются ли они, например, животным или горам: лишь бы честно вели дела — все прочее не в счет.

Он продолжал покупать древесину кедра из Ливана и продавать вещи, что выделывал в своей мастерской. Хотя ливанские купцы были немного спесивы и любили гордо именовать себя «финикиянами» — ибо отличались от местных цветом кожи, — но ни один из них не пытался воспользоваться той смутой, что бушевала в Израиле. Платили по справедливости, а о постоянных

междоусобных войнах и о прочих невзгодах израильтян предпочитали помалкивать.

* * *

А Иезавель, взойдя на престол, попросила Ахава сделать так, чтобы его подданные поклонялись теперь не Господу, а богам Ливана.

Но и такое тоже случалось прежде. Илия — хоть чрезмерная уступчивость Ахава и возмущала его — исполнял закон Моисея и поклонялся Богу Израиля. «Ничего, — думал он. — Иезавель обольстила нашего царя, но ей не хватит сил заставить целый народ изменить свою веру».

Однако Иезавель была не такой, как другие женщины, — она верила, что Ваал привел ее в этот мир, чтобы обратить иные народы. Терпеливо и хитроумно награждала она и одаривала всех, кто отрекся от прежней веры и стал поклоняться новым богам. Ахав повелел воздвигнуть в Самарии храм — капище Ваала, а в нем соорудить жертвенник-алтарь. Храм начали посещать паломники, и мало-помалу вера ливанская распространялась по стране все шире.

«Ничего, — думал Илия. — Это пройдет. Может быть, захватит одно поколение, а потом сгинет».

* * *

Но тут случилось нежданное. Однажды под вечер, когда он работал у себя в мастерской, свет вдруг померк, и вокруг Илии замерцали мириады белых точек. Голова у него разболелась с небывалой силой; он хотел было присесть, но не смог и шевельнуться.

Нет, это не игра воображения.

«Я умер, — подумал он в первую минуту. — И теперь узнаю, куда отправляет нас Господь после смерти».

Одна из этих искорок засверкала очень ярко, и внезапно неведомо откуда и как бы отовсюду разом прозвучало:

«И сказал Илия Фесвитянин, из жителей Галаадских, Ахаву, жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по Моему слову».

А в следующее мгновение все стало как прежде: плотницкая мастерская, предвечерний свет, голоса игравших на улице детей.

* * *

В ту ночь Илия не сомкнул глаз. Впервые за

долгие годы вернулись к нему те ощущения, что испытывал он когда-то в далеком детстве, но теперь говорил с ним не его ангел-хранитель, а «Нечто» гораздо более могущественное и сильное. Со страхом Илия подумал, что, если не повинуется, все начинания его будут прокляты.

И наутро решил выполнить то, о чем было ему сказано. Ведь в конце концов он всего лишь должен подать весть о том, что не имеет к нему отношения. Как только поручение будет выполнено, голоса перестанут тревожить его.

* * *

Нелегко было добиться, чтобы царь Ахав принял его. Много-много лет назад, когда на трон воссел царь Соломон, пророки играли важную роль в делах страны. Они имели право жениться, заводить детей, но должны были неизменно оставаться в распоряжении Господа, чтобы владыки земные не сбивались с верного пути. Легенды гласили, что благодаря им, избранникам Божьим, много битв было выиграно, а Израиль выжил и устоял, ибо, если правители его отдалялись с предначертанной им стези, пророки возвращали их на праведный путь.

И придя во дворец, сказал Илия, что засуха

будет опустошать страну до тех пор, пока народ не перестанет поклоняться финикийским богам.

Царь не придал его словам значения, однако Иезавель, сидевшая рядом с Ахавом и внимательно слушавшая все, что говорил Илия, принялась расспрашивать его. И он рассказал о том, как померк свет, как нестерпимо разболелась голова, как показалось, что время остановилось, пока он слушал ангела. И, рассказывая, Илия мог вблизи рассмотреть царицу, о которой все говорили, и убедиться, что она и вправду необыкновенно хороша: точеное тело, черные волосы, спускавшиеся до пояса, зеленые глаза, блиставшие на смуглом лице. Сейчас они пристально глядели на Илию, а тот не мог понять, что выражает этот взгляд, как не мог и представить себе, какие последствия вызовут его слова.

Он вышел из дворца с сознанием исполненного долга и с намерением воротиться к себе в мастерскую. А покуда шел, со всем пылом своих двадцати трех лет возжелал Иезавель. И попросил Бога, чтобы когда-нибудь в будущем послал ему женщину из Ливана, ибо они прекрасны собой, кожа их смугла, а зеленые глаза исполнены тайны.

* * *

Остаток дня он провел за работой и ночью спал крепко. А наутро, еще затемно, его разбудил левит: Иезавель убедила царя, что пророки — помеха и угроза росту и усилению Израиля. И воины Ахава получили приказ казнить тех, кто не захочет отказаться от священного предназначения, которое дал им сам Господь.

Впрочем, Илии права выбора не предоставили — его велено было убить.

Покуда два дня и две ночи они с левитом прятались в конюшне на южной окраине Галаада, четыреста пятьдесят *раби* были убиты на месте. А большая часть тех, кто расхаживал по улицам, стегая себя плетью и предрекая конец света из-за всеобщего упадка нравов и безверия, согласились перейти в новую веру.

* * *

Раздался глухой удар, потом вскрик. Илия, потревоженный в своих раздумьях, обернулся к спутнику:

— Что это?

Но ответа не получил: левит рухнул наземь: из

груди его торчала стрела.

А стоявший впереди воин уже готовился снова натянуть тетиву. Илия оглянулся по сторонам — все окна и двери закрыты, солнце сияет на небе, и веет легкий ветер с моря — он столько слышал о нем, но никогда не видал. Убежать? — Но ведь стрела настигнет его прежде, чем он успеет завернуть за угол.

«Если суждено мне погибнуть от стрелы, то пусть она поразит меня не в спину», — подумал он.

Воин уже поднимал лук. Илия к собственному удивлению не чувствовал страха, ни безотчетного желания выжить — он вообще не испытывал никаких чувств: ему казалось, будто все это определено давным-давно, а он и этот лучник лишь исполняют роли в драме, которую не они сочинили. Он вспомнил о детстве, о том, как хорошо было в Галааде и утром, и под вечер, вспомнил, что в мастерской ждет его брошенная работа. Вспомнил мать с отцом, которые так не хотели, чтобы сын их стал пророком. Вспомнил зеленые глаза Иезавели и улыбку царя Ахава.

Подумал о том, как глупо умирать в двадцать три года, даже не познав женщину.

Прянувшая с тетивы стрела прочертила воздух,

прожужжала мимо правого уха Илии и воткнулась в придорожную пыль у него за спиной.

А воин уже вкладывал новую и прицеливался. Но вместо того чтобы выстрелить, он пристально поглядел в глаза Илии.

— Я — самый меткий стрелок во всем войске Ахава, — сказал он. — Уже семь лет, как я не давал промаха.

Илия поглядел на мертвого левита.

— Эта стрела предназначалась тебе. — Руки, державшие лук, дрожали. — Илия, ты — единственный пророк, обреченный на смерть: все прочие могут спастись, приняв веру Ваала.

— Что ж, заверши начатое.

Собственное спокойствие удивило его. Столько раз, прячась в конюшне, представлял он свою гибель, а теперь видел, что напрасно мучился: еще мгновение — и все будет кончено.

— Не могу, — ответил воин. Руки его ходили ходуном, не давая прицелиться. — Уходи прочь, сгинь с глаз моих, ибо я думаю, что сам Господь отклоняет стрелы мои от цели. И Он проклянет меня, если мне все же удастся убить тебя.

И вот тогда, в тот миг, как Илия понял, что может выжить, вновь охватил его страх смерти. Еще есть возможность когда-нибудь увидеть море,

встретить женщину, зачать ребенка, докончить работу.

— Не тяни, убей меня скорее, — сказал он воину. — Видишь — сейчас я спокоен. А чуть промедлишь — снова начну тосковать по всему, что утрачу.

Тот оглянулся по сторонам, убедившись, что никто их не видит. Потом опустил лук, спрятал стрелу в колчан и скрылся за углом.

Илия почувствовал, как ослабели ноги — страх набросился на него со всей силой. Надо немедля бежать, скрыться из Галаада, чтобы никогда больше не предстать перед воином с натянутым луком, нацеленным тебе в сердце. Он ведь не сам выбрал себе такую судьбу и к Ахаву отправился не затем, чтобы похвастать перед соседями — я, мол, разговаривал с царем. Не он виноват, что перебили пророков. Не он ответствен даже и за то, что однажды почувствовал, как замерло время, что увидел: мастерская превратилась в черную дыру, где мерцают бесчисленные светящиеся точки.

И подобно тому, как делал это воин, Илия тоже огляделся по сторонам. Никого. Он хотел было удостовериться, что левиту уже ничем нельзя помочь, но вернувшийся страх пересилил, и,

пока никто не появился на улице, Илия бросился бежать.

Много часов кряду шел он, выбирая заброшенные дороги, покуда не достиг берега мелкой речушки Хораф. Он стыдился своей трусости, но радовался тому, что жив.

Он утолил жажду, сел на берегу и только теперь осознал, в каком положении оказался: завтра ему захочется есть, а как снискать себе пропитание в пустыне?!

Он вспомнил о своем ремесле, которое пришлось бросить, о мастерской, которую пришлось оставить. Кое с кем из соседей он дружил, но все равно — рассчитывать на них нельзя: слух о его бегстве уже наверняка распространился по городу, и все теперь ненавидят его за то, что сумел спастись, тогда как по его вине истинно верующие люди обрели мученическую кончину.

Все, что он делал до сих пор, разрушено — хотя он полагал, что всего лишь исполняет волю Господа. Завтра — а может быть, через несколько дней или недель — постучат в дверь его мастерской ливанские купцы, и кто-то им скажет: хозяин бежал, оставя за собой страшный след: сотни невинно убиенных пророков. А может быть, скажут, что он пытался уничтожить богов,

оберегавших землю и небо, и весть об этом пересечет границы Израиля, и тогда можно навек проститься с мечтой о женитьбе на той, кто красотою равна дочерям Ливана.

* * *

«Но ведь есть корабли».

Да, есть корабли. Преступников, взятых на войне пленных, всякого рода беглых брали в корабельщики, ибо занятие это еще опасней, чем быть воином. В битве на сухопутье всегда остается возможность убежать и выжить, а морские пучины бездонны, населены чудовищами, так что, когда стрясется беда, не остается никого поведать о ней.

Да, есть корабли. Но они принадлежат финикийским купцам. Илия — не пленный, не каторжанин, не беглый. Он — тот, кто осмелился возвысить свой голос против Ваала. Если это выяснится, его обезглавят и выбросят за борт, ибо моряки поклоняются Ваалу, насылающему шторма и бури.

Стало быть, в сторону моря идти нечего. На север путь заказан, там — Ливан. И на восток — тоже: там уже на протяжении жизни двух поколений кипит междоусобная распря нескольких

племен Израилевых.

* * *

Илия вспомнил, какое спокойствие осеняло его душу, когда солдат готовился пустить стрелу. Что такое смерть в конечном счете? Всего лишь мгновение. Даже если он почувствует боль, она тотчас же исчезнет, и Господь примет его в лоне Своем.

Он лег наземь и долго смотрел на небо. Подобно левиту, тоже хотел заключить с самим собой пари. Нет, не о том, существует ли Бог — в этом он не сомневался, — а о смысле собственной жизни.

Он видел горы, видел землю, выжженную непрекращающейся засухой, о которой возвестил ему ангел, но благодаря тому, что много лет подряд шли благодатные дожди, все еще сохранявшую кое-где свежесть. Видел Хораф, чьи воды скоро обмелеют. Исполненный благоговения и любви, он прощался с миром и просил Бога упокоить его душу, когда настанет время.

В чем смысл моего бытия, спросил он себя и не нашел ответа.

Куда же мне идти, спросил он себя и обнаружил, что обложен со всех сторон.

Что ж, завтра он возвратится и предаст себя в руки врагов, хотя страх смерти вновь вернулся

к нему.

Он попытался возвеселить свою душу мыслью о том, что еще несколько часов будет жить. Не получилось, ибо он только что обнаружил, что человек — едва ли не всегда — лишен способности принимать решение.

Проснувшись наутро, Илия вновь взглянул на Хораф.

Завтра или через год река пересохнет, и в ложе реки вместо воды останутся мелкий песок и круглые камешки. Останется название, и жители по-прежнему будут говорить о Хорафе как о реке, а указывая кому-нибудь дорогу, пояснять: «...Это на берегу ближней реки». Путники придут сюда, увидят мелкий песок и круглые камешки и подумают: «Видно, когда-то, в незапамятные времена, здесь протекала река». Не будет только самого главного и единственного, что делает реку рекой, — не будет струения ее вод, утоляющих жажду.

Вот и души — в точности как реки и растения — нуждаются в особом орошении надеждой, верой, смыслом жизни. Когда этого не происходит, душа засыхает, хоть тело и продолжает жить, и люди могут тогда сказать: «Видно, когда-то и в нем была человеческая душа».

Но сейчас было не время размышлять об этом. Илия снова вспомнил свой разговор с левитом перед тем, как они вышли из конюшни: зачем умирать тысячу раз, если довольно и одного? Ему сейчас достаточно дождаться стражников Иезавели. Они придут, в этом нет никаких сомнений, ибо не так уж много мест, куда можно убежать из Галаада. Злоумышленники неизменно стремились в пустыню — где всего через несколько дней их настигала смерть — или на берега Хорафа, где их вскоре могли обнаружить и схватить.

Так что в скором времени стражники будут здесь. И он обрадуется, увидев их.

* * *

Он выпил немного воды, чистой и прозрачной. Умылся и отыскал тень, где можно будет дождаться прихода стражников. Человеку не совладать с судьбой — он вот попробовал и проиграл.

Несмотря на то что священник признал в нем пророка, он решил заняться плотницким ремеслом, и вот — Господь вернул его на уготованную ему стезю.

Что ж, не он первый попытался изменить предначертания Бога. У него был друг, обладавший прекрасным голосом, которому родители

не разрешили стать псалмопевцем, считая, что это роняет честь семьи. Девочка, с которой он в детстве дружил, была одарена чудесными способностями танцовщицы, но отец с матерью не позволили развивать этот дар, боясь, что царь возьмет ее ко двору — а ведь никто не знает, сколько продлится его правление. Да и жизнь при дворе считалась предосудительной и грешной — девушку потом никто замуж не возьмет.

«Человек рожден обмануть свой удел». Бог влагает в души только невыполнимые задачи.

Почему?

Потому, наверно, чтобы не пресеклась традиция.

Нет, это скверное объяснение. Жители Ливана достигли большего, нежели мы, ибо нарушали обычай мореплавателей. Весь мир строил корабли одного и того же типа, а они решили сделать что-нибудь другое. Много кораблей погибло в море, но ливанцы все же добились совершенства и теперь стали первыми в мире купцами. Они дорого заплатили за то, чтобы приспособиться, но дело того стоило.

Быть может, человек изменяет своей судьбе оттого, что Бога не случилось поблизости. Кто, как не Он, вселил когда-то в души людей мечты о

временах, когда все было возможно, вселил — и отправился заниматься иными делами. А мир преобразился, и жизнь сделалась трудней, Господь же не стал изменять мечты человеческие.

Бог — далеко. И все же если иногда Он отправляет своих ангелов разговаривать с пророками, значит, здесь, на земле, еще осталось что-то такое, к чему надо приложить руки. Так каков же ответ?

«Быть может, дело в том, что отцы наши ошибались и боятся, как бы мы не повторили их ошибки. Или, быть может, они никогда не ошибались и не знают, как помочь нам, если мы окажемся в затруднительном положении».

Это уже ближе.

Рядом с ним несла свои воды река, кружили в поднебесье вороны, какие-то растения отстаивали свое право жить на этой бесплодной песчаной почве. Если бы они слышали, как говорили его предки, что услышали бы они?

А вот что. «Река, отыщи иное русло своим чистым водам, отражающим сияние солнца, а не то пустыня вскоре иссушит тебя», — сказали бы речные божества, если бы существовали. «Вороны, в лесах вы найдете себе пропитание скорей, чем среди песка и камней», — сказали бы пти-

чьи божества. «Растения, бросайте свои семена подальше, ибо в мире множество плодородных и на славу орошаемых земель», — сказал бы бог лугов и полей.

Однако и у реки, и у растений, и у воронов — один из них как раз присел неподалеку — хватило отваги делать то, что другие реки, птицы, цветы считали невозможным.

Илия поглядел на ворона.

— Я учусь науке постижения. Хотя плодами ее не воспользуюсь, потому что обречен на смерть, — сказал он ему и, казалось, услышал в ответ:

— Видишь, как все просто. Нужно всего лишь не бояться.

Илия рассмеялся, оттого что наделил бессловесную тварь даром речи. Этой забавной игре научился он у женщины, которая пекла хлеб. Он решил продолжить: задавать вопросы и самому себе отвечать на них, наподобие всезнающего мудреца.

Но ворон взлетел. Илия же по-прежнему ждал прихода воинов, потому что семи смертям не бывать. Довольно будет и одной.

* * *

День минул, и ничего не произошло. Неужели забыли, что злейший враг Ваала — еще жив? Почему Иезавель, которая наверняка знает, где он, не преследует его?

«Потому что я видел ее глаза и понял, что она мудра. Если я умру, то стану мучеником за Господа. А если меня будут считать всего лишь беглецом, то прослыву трусом, не верящим в собственные слова».

Именно таков и был замысел царицы.

* * *

Незадолго до того как стемнело, ворон — может быть, тот самый? — опустился на то же место, где сидел утром, и выронил — не нарочно — кусочек мяса, который держал в клюве.

Илия счел это чудом. Он кинулся к дереву, схватил мясо и съел его. Он не знал и не хотел знать, откуда оно взялось, — ему просто хотелось немного утолить голод.

Но ворона не спугнуло его резкое движение.

«Он знает, что я умру с голоду, — подумал Илия. — Он кормит свою добычу, чтобы потом

устроить себе настоящее пиршество».

Иезавель тоже подкармливает веру в Ваала историей о бегстве Илии.

И так вот некоторое время провели они — человек и ворон, — разглядывая друг друга. Илия вспомнил свою утреннюю игру.

— Знаешь, мне хочется поговорить с тобой, ворон. Сегодня утром я подумал, что и души нуждаются в пище. Если моя душа еще не умерла с голоду, значит, ей есть еще что сказать.

Ворон был неподвижен.

— А если так, я должен выслушать ее. Потому что больше мне говорить не с кем.

Илия представил, что он — ворон, и как бы от его лица спросил:

— Чего ждет от тебя Господь?

— Ждет, что я стану пророком.

— Так говорят священники. Но это вовсе не значит, что именно этого желает Бог.

— Нет, именно этого. Не зря же появился у меня в мастерской ангел. Не зря он велел мне пойти к Ахаву. Не зря слышались мне в детстве голоса…

— …которые каждый слышит в детстве, — перебил ворон.

— Но не каждый видел ангела.

На этот раз ворон не ответил. Но спустя неболь-

шое время птица — а верней сказать, собственная душа Илии, грезившего наяву от зноя и одиночества, какие бывают только в пустыне, — нарушила молчание.

— Помнишь ту женщину, что пекла хлеб? — спросил он себя.

* * *

Еще бы не помнить. Она попросила его изготовить несколько деревянных подносов. А дожидаясь, покуда Илия выполнит заказ, сказала, что, выпекая хлеб, по-своему выражает присутствие Бога.

— И я заметила, что ты испытываешь то же самое чувство. Ибо ты работаешь, а на устах у тебя улыбка.

Женщина делила весь род людской на тех, кто радуется тому, что делает, и тех, кто жалуется. Они уверяют, что проклятие, насланное Богом на Адама, есть единственная истина: «*Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей*». Они не получают удовольствия от работы, а в праздники, когда полагается отдыхать, томятся от скуки. И слова Господа они твердят в оправдание своей никчемной жизни. И не помнят, что Он сказал Моисею:

«*И даст тебе Господь изобилие на земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе*».

* * *

— Да, еще бы мне не помнить ту женщину! Она угадала: мне и в самом деле отраден был мой труд. — Каждый собранный им стол, каждый сколоченный им табурет помогал ему лучше постигать, крепче любить жизнь. И он понял это только теперь. — Женщина сказала, что разговаривает с теми вещами, которые создает, и я, помнится, был удивлен, когда понял, что столы и стулья способны отвечать — ибо я вкладывал в них лучшее, что есть в моей душе, и взамен получал мудрость.

— Если бы ты не был плотником, ты не мог бы вкладывать душу в предметы неодушевленные, не мог бы притвориться, будто это ворон говорит с тобой, не мог бы понимать самые лучшие, самые разумные его мысли, — был ответ. — Там, в мастерской, открыл ты, что священное пребывает везде и во всем.

— Мне всегда нравилось делать вид, что я разговариваю со столами и стульями, которые мастерю. И разве этого не достаточно? Женщина была права, когда разговаривала с предметами и

вещами, ибо она открывала мысли, которые никогда не приходили мне в голову. И когда я начал сознавать, что Богу можно служить и так, появился ангел… А что было потом, тебе известно.

— Ангел появился, потому что ты был готов, — ответил ворон.

— Я был хорошим плотником.

— Это входило в твое обучение. Когда человек движется в сторону своей судьбы, ему приходится много раз менять направление. Бывает, что внешние обстоятельства столь сильны, что он в страхе принужден сдаться. Все это — часть науки, которую ты постигал.

Илия внимательно слушал голос своей души.

— Однако нельзя терять из виду желанное. Даже если бывает, что порой поверишь: мир сильней тебя. Нельзя сдаваться — в этом весь секрет.

— Я никогда и не помышлял сделаться пророком, — молвил Илия.

— Нет, помышлял. Просто был уверен, что это невозможно. Или опасно. Или немыслимо.

Илия вскочил на ноги.

— Зачем говорю я себе то, чего не желаю слышать? — крикнул он.

И ворон, испуганный его резким движением,

улетел.

* * *

А наутро вернулся. Илия не стал продолжать разговор, а всего лишь наблюдал за птицей — та где-то умудрялась добывать себе пропитание и ему приносила остатки.

Таинственная дружба возникла между ними: Илия начал учиться у ворона. Он убедился, что тот где-то находит в пустыне еду, и понял, что если сумеет сделать то же самое, протянет еще несколько дней. Когда ворон кружил в воздухе, человек знал: где-то рядом есть добыча, бросался туда и пытался поймать. Поначалу мелкие зверьки ускользали от него, но постепенно появился у Илии нужный навык и необходимое проворство. Ветки служили ему дротиками, а в земле выкапывал он ловушки, прикрывая их слоем песка и веток. Когда в них попадалась дичь, Илия делился ею с вороном, а какую-то часть оставлял про запас.

Однако столь тягостным и мучительным было его одиночество, что он снова начал притворяться, будто разговаривает с птицей.

— Кто ты? — спросил ворон.

— Я — тот, кто познал душевный мир, — отве-

тил Илия. — Я могу жить в пустыне, заботиться о себе самом и созерцать бесконечную красоту Божьего творения. И еще я открыл, что душа моя лучше, чем я думал прежде.

И еще месяц охотились они вместе. И вот однажды ночью, когда глубокая печаль объяла душу Илии, он снова спросил себя:

— Кто ты? — и ответил: — Не знаю.

* * *

И еще одна луна умерла, а потом народилась в небе. Илия чувствовал, что тело его стало крепче, а разум — ясней. В ту ночь он повернулся к ворону, сидевшему на том же суку, что и всегда, и ответил на вопрос, который задавал себе уже давно:

— Я — пророк. Однажды, работая в мастерской, я увидел ангела, и с тех пор непреложно знаю, на что способен, хотя бы весь мир твердил мне обратное. Я развязал кровавую бойню в родном городе, ибо бросил вызов возлюбленной моего государя. Я нахожусь сейчас в пустыне, как прежде находился у себя в мастерской, потому что моя душа сказала мне так: человек должен пройти через множество испытаний, прежде чем исполнится его удел.

— Ну да, теперь знаешь, кто ты, — отвечал ворон.

И в ту же ночь, когда Илия, вернувшись с ловли, хотел зачерпнуть воды из Хорафа, увидел он, что река пересохла. Но он был так утомлен, что решил лечь спать.

И во сне явился ему — давно уж такого не случалось — ангел-хранитель и молвил так:

— Ангел Господень говорит с твоей душой:

«Пойди отсюда и обратись на восток и скройся у потока Хорафа, что против Иордана.

Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там».

— Моя душа внемлет тебе, — отвечал во сне Илия.

— Тогда просыпайся, ибо ангел Господень велит мне уйти. Он сам будет говорить с тобой.

Илия в страхе вскочил. Что случилось?

И вот, хоть была ночь, место озарилось светом, и ангел Господень явился ему.

— Что привело тебя сюда? — спросил он.

— Ты привел меня сюда.

— Нет. Иезавель и воины ее заставили тебя бежать. Никогда не забывай этого, ибо предназначение твое — отомстить за Господа твоего.

— Я — пророк, иначе не слышал бы голо-

са твоего, и ты бы не сошел ко мне, — сказал Илия. — Несколько раз менял я направление, как случается всем. Но теперь я готов пойти в Самарию и низвергнуть Иезавель.

— Ты обрел свой путь, но не сможешь низвергать, покуда не научишься возводить. Я приказываю тебе:

«Встань, и пойди в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине вдове кормить тебя».

А наутро Илия стал искать ворона, чтобы проститься с ним. И впервые за все то время, что провел он на берегу Хорафа, ворон не прилетел.

* * *

Несколько дней шел Илия, пока не добрался до обширной равнины, где располагался город Сарепта, жителями ее именуемый также Акбар. Чувствуя, что силы его на исходе, заметил он одетую во все черное женщину, собиравшую хворост. Растительность в той долине была скудной, так что приходилось довольствоваться мелкими сухими ветками.

— Кто ты? — спросил он.

Женщина взглянула на чужестранца, не вполне понимая, что он говорит.

— Дай мне воды утолить жажду, — продолжал Илия. — Дай мне ломоть хлеба утолить голод.

Женщина отставила в сторону свою вязанку, но продолжала молчать.

— Не бойся, я один, я измучен голодом и жаждой и так обессилен, что опасности ни для кого не представляю.

— Вижу, что ты нездешний, — наконец промолвила она. — По речам твоим и выговору ты, наверно, из царства Израильского. А иначе ты бы знал, что у меня нет ничего.

— Ты — вдова, так сказал мне Господь. Я еще бедней, чем ты. Если не дашь мне глотка воды и крошки хлеба, я сейчас умру.

Женщина испугалась — откуда бы страннику знать о том, кто она?

— Стыдно должно быть мужчине просить пропитания у женщины, — сказала она, немного оправясь.

— Исполни просьбу мою, — молил Илия, зная, что иссякают последние силы. — Я приду в себя и буду трудиться для тебя.

Женщина засмеялась.

— Несколько мгновений назад ты говорил правду: я — вдова, и муж мой погиб в кораблекрушении. Я никогда не видела моря, но знаю, что

оно подобно пустыне: убивает тех, кто бросает ему вызов.

И продолжала:

— А потом уста твои изрекли ложь. Я давно уже ничего не стряпаю, и это так же верно, как то, что Ваал живет на вершине Пятой горы. В кадке моей лишь горсть муки, и на донышке масла в кувшине.

Илия почувствовал, как земля качнулась у него под ногами, и понял, что сейчас лишится чувств. Собрав остаток сил, он взмолился в последний раз:

— Мне неведомо, веришь ли ты в сны и даже — верю ли в них я. Но знай — Господь велел мне прийти сюда и повстречать тебя. Случалось в моей жизни такое, что заставляло меня усомниться в Его мудрости, но в существовании Его — никогда. И Бог Израиля велел мне сказать женщине, которую повстречаю я в Сарепте, такие слова:

«Мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет, до того дня, когда Господь даст дождь на землю».

И, не успев объяснить, как возможно такое чудо, потерял сознание.

А вдова глядела на распростертого у ее ног человека. Она-то знала, что Бог Израиля — всего лишь

суеверие, что финикийские боги не в пример могущественней, ибо они превратили ее народ в один из самых почитаемых в мире. Но душа ее возрадовалась: обычно она просила милостыни у людей, а сегодня — впервые за долгие годы — кто-то нуждается в ней. И оттого она почувствовала себя сильнее: ведь есть такие, кому приходится еще хуже.

«Если кто-то просит у меня милости, значит, я еще чего-то стою, — думала она. — Исполню его просьбу, облегчу его муки. Мне и самой случалось терпеть голод, мне ли не знать, как разрушает он душу».

И, взяв в доме своем ломоть хлеба и кувшин с водой, вернулась. Стала на колени, приподняла голову странника, смочила ему губы. И вскоре Илия пришел в себя.

Вдова протянула ему хлеб, и он стал молча есть, поглядывая на равнину, на горную гряду, чьи безмолвные вершины уставлены были в самое небо, на красные стены города Сарепты.

— Приюти меня, ибо в моей отчизне гоним я, — сказал Илия.

— Какое преступление ты совершил? — спросила она.

— Я — пророк Господа моего. Иезавель прика-

зала истребить всех, кто откажется поклоняться финикийским богам.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три года.

Вдова с жалостью смотрела на него: длинные, давным-давно не мытые волосы, редкая еще бородка, которую отпустил он словно бы для того, чтобы выглядеть старше. Как этот бедолага умудрился бросить вызов могущественной Иезавели?!

— Если ты враг Иезавели, то враг и мне. Она — царевна Сидонская, и предназначение ее — выйдя замуж за вашего царя, обратить его народ в истинную веру. Так говорят знающие ее.

С этими словами она указала на одну из вершин горной гряды, окаймлявшей равнину:

— Наши боги обитают на вершине Пятой горы уже много-много лет и сохраняют мир в нашей стране. Израиль меж тем живет в крови и страданиях. Как вы можете по-прежнему веровать в Бога Единого? Дайте Иезавели исполнить ее предназначение, и мир осенит ваши города и веси тоже.

— Мне был голос Господа, — отвечал на это Илия. — А вы, финикийцы, никогда не поднимались на вершину Пятой горы и не знаете, кто

живет там.

— Того, кто отважится на это, испепелит небесный огонь. Боги не любят чужих.

Она вдруг осеклась. Вспомнила, что ночью видела во сне слепящий свет, из которого словно бы исходил голос, произнесший: *«Сегодня ты встретишь чужестранца — прими его».*

— Приюти меня, ибо мне некуда приклонить голову, — настойчиво повторил Илия.

— Я ведь уже сказала тебе, что бедна. Я едва могу прокормить себя и сына.

— Господь просит, чтобы ты позволила мне остаться. Он никогда не бросит в беде тех, кого любит. Исполни мою просьбу. Я буду работать на тебя. Я плотник, я умею изготовлять поделки из кедра и найду, чем добыть себе пропитание. И моими руками исполнит Господь свое обещание: *«…мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю»*.

— Если даже я и соглашусь, мне нечем тебе платить.

— И не нужно. Господь призрит.

И женщина, помня в смятении чувств сегодняшний сон, решила согласиться, хоть и знала, что предоставляет пищу и кров врагу царевны

Сидонской.

* * *

Об этом очень скоро стало известно соседям. Пошли толки, что вдова, не уважая память мужа, который погиб, пролагая новые торговые пути для отчизны, взяла к себе в дом чужестранца.

И узнав об этих слухах, она поспешила объяснить, что приютила израильского пророка, умиравшего от голода и жажды. И распространилась по городу весть о том, что у вдовы прячется от гнева Иезавели израильский пророк. И выборные от горожан пришли к верховному жрецу.

— Приведите чужестранца, — распорядился тот.

И было сделано по слову его. В тот же день доставили Илию к тому, кто вместе с начальником войск и правителем определял все, что происходило в Акбаре.

— Что тебе нужно в нашем городе? — вопросил жрец. — Разве ты не понимаешь, что мы — враги твои?

— На протяжении многих лет я имел дело с вашими купцами и всегда уважал ваш народ и обычаи. А здесь я потому, что в отчизне моей меня преследуют.

— Причина мне известна, — сказал жрец. — Тебя заставила скрываться женщина?

— Я в жизни не видел никого прекрасней этой женщины, хоть беседа наша длилась всего несколько минут. Но сердце у нее каменное, а зелеными ее глазами смотрит на мир враг, задавшийся целью уничтожить мою страну. Я не бежал — я дожидаюсь, когда наступит время для возвращения.

Жрец рассмеялся.

— В таком случае приготовься остаться в Акбаре навсегда, ибо время это никогда не наступит. Мы не воюем с твоей страной — мы всего лишь хотим мирными средствами распространить нашу веру по всему миру. И не собираемся уподобляться вам, творившим такие зверства в захваченном вами Ханаане.

— Убивать пророков — это, по-вашему, мирные средства?

— Если обезглавить чудовище, оно перестает существовать. Ценою жизни немногих можно будет навсегда избежать войн за веру. И — мне рассказывали об этом купцы — все это затеял пророк по имени Илия. Затеял, а потом скрылся.

Жрец окинул его пытливым взглядом и добавил:

— По описаниям он похож на тебя.

— Это я и есть, — ответил Илия.

— Что ж, превосходно. Добро пожаловать в город Акбар. Когда нам что-нибудь понадобится от Иезавели, мы разочтемся с нею твоей головой — монетой самого крупного достоинства. А до тех пор сыщи себе какое-нибудь дело, которое тебя прокормит, ибо места для пророков у нас тут нет.

Илия уже собирался уйти, когда жрец добавил:

— Сдается мне, юница из Сидона оказалась могущественней твоего Бога Единого. Она сумела воздвигнуть капище Ваалу, и твои бывшие единоверцы преклоняют перед ним колени…

— Все будет так, как заповедано Господом, — отвечал Илия. — Случаются в нашей жизни невзгоды и горести, избежать которых нельзя. Но просто так они не происходят — должна быть для того причина.

— Какая причина?

— А на этот вопрос ответить невозможно, пока не грянут эти невзгоды. Лишь когда минуют они, становится понятно, чем навлекли мы их на себя.

* * *

Когда же Илия вышел, жрец призвал к себе выборных, побывавших у него утром, и сказал им так:

— Не тревожьтесь. Обычай предписывает нам оказывать гостеприимство чужестранцам. Кроме того, здесь он у нас под присмотром, и каждый его шаг нам известен. Чтобы уничтожить врага, нет способа лучше, чем прикинуться его другом. В свой срок мы выдадим Илию Иезавели, и город наш получит за него много золота. А за это время постараемся узнать, как уничтожить его мысли. Ибо сейчас знаем лишь, как истребить его плоть.

И хотя Илия веровал в Бога Единого и мог стать врагом Иезавели, жрец потребовал распространить на него право убежища. Все знали древний обычай: если город отказывал какому-нибудь чужестранцу в приюте и защите, та же участь постигала и детей тех, кто пренебрег традицией. А поскольку большая часть их плавала по всему миру на бесчисленных торговых кораблях, никто из акбарцев не осмеливался нарушить закон гостеприимства.

Кроме того, не за горами был тот день, когда голову израильского пророка обменяют на горы

золота, которые даст за нее царевна Сидонская.

* * *

Вечером же Илия ужинал со вдовою и ее сыном. Поскольку пророк сделался теперь ценным товаром, сулящим большие барыши, ливанские купцы прислали вдове еды, которой должно было хватить на неделю.

— Похоже, что Господь Израиля держит Свое слово, — молвила вдова. — С тех пор как не стало моего мужа, никогда еще не был так полон мой стол.

Илия мало-помалу осваивался в Сарепте. Как и все его жители, он стал называть город Акбаром. Он познакомился с правителем, с начальником войска, с ремесленниками-стеклодувами, чьи изделия славились по всей округе. А когда его спрашивали, как он оказался в Акбаре, Илия отвечал правду: Иезавель задалась целью извести всех пророков в Израиле.

— Да ты изменник своей отчизны и враг нашей, — говорили ему. — Однако мы — народ торговый, а потому знаем, что чем человек опасней, тем дороже стоит его голова.

Так минуло несколько месяцев.

На краю долины появились и стали лагерем ассирийские дозоры. Были они немногочисленны и опасности никакой не представляли, но тем не менее начальник гарнизона предложил правителю принять меры.

— Они не причинят нам вреда, — сказал тот. — Должно быть, ищут кратчайший путь для доставки своих товаров. Если решат пройти нашими дорогами, то заплатят подать — наша казна пополнится. Зачем нам враждовать с ними?

И вдобавок занемог — безо всякой видимой причины — сын вдовы. Соседи сочли, что виной тому присутствие чужеземца, и вдова попросила Илию покинуть ее дом. Но он не ушел, потому что Господь еще не позвал его. И тогда распространились слухи о том, что своим появлением он навлек на город гнев богов Пятой горы.

Успокоить жителей, внушив им, что отряды ассирийцев угрозы не представляют, правителю было нетрудно. А вот успокоить их в отношении Илии теперь, когда слег сын вдовы, оказалось более сложным.

* * *

И выборные от города, придя к правителю, сказали ему:

— Мы можем построить дом для израильтянина за городскими стенами. Так мы не нарушим закон гостеприимства и защитим себя от гнева богов. Ибо им не по нраву, что мы приютили у себя чужеземца.

— Не трогайте его, — отвечал правитель. — Пусть живет где живет. Мне не нужны осложнения с Израилем.

— Какие осложнения? — спросили выборные. — Ведь Иезавель, гонительница всех пророков, поклоняющихся Богу Единому, желает уничтожить их всех до одного.

— Наша царевна наделена отвагой и хранит верность богам Пятой горы. Но хоть сейчас власть ее велика, не забывай, что она — не израильтянка. Завтра может впасть в немилость у Ахава, и тогда ярость соседей падет на наши головы. Если же мы покажем, что относились к нему хорошо, они будут снисходительны.

Выборные ушли недовольными, ибо помнили, как священник обещал им, что Илию — когда-нибудь — обменяют на золото. А теперь они, хоть и знали, что правитель неправ, ничего не могли сделать. Обычай предписывал почитать царствующую династию.

А вдалеке, на краю долины, меж тем появля-

лись все новые и новые шатры ассирийцев.

Начальник акбарского войска тревожился, но не находил поддержки у правителя и верховного жреца. Он пытался сделать так, чтобы его воины постоянно упражнялись в искусстве боя, хотя не то что у них, а даже у их дедов не было опыта ведения войны. Ибо войны остались в далеком прошлом Акбара, и сопредельные страны намного обогнали его и в области военной науки, и в вооружении.

«Акбар всегда умел договариваться о мире, — говорил правитель. — Мы и на этот раз не допустим вторжения. Пусть чужестранные державы сражаются между собой: у нас есть оружие невиданной мощи, и оружие это — деньги. Когда в конце концов наши соседи обескровят друг друга, мы завезем в их города наши товары».

Пусть и на этот раз удалось ему убедить горожан, что ассирийцев бояться нечего. Но все равно ползли по городу слухи о том, что это израильский пророк навлек проклятие богов на Акбар. И опасность, которую представлял собой Илия, делалась все более зримой.

* * *

Пришел день, когда сыну вдовы стало совсем худо: он уже не вставал с постели и никого не узнавал. На закате Илия и вдова преклонили колени по обе стороны от его кровати.

— Господи Всемогущий, Ты, что отвел от меня погибельную стрелу и привел меня сюда, сделай так, чтобы мальчик выздоровел. Он ни в чем не виноват перед Тобой, он не отягчен моими грехами и грехами родителей своих, спаси же его, Господи!

Мальчик уже не шевелился, губы его посинели, а глаза быстро тускнели.

— Молись своему Богу Единому, — просила вдова. — Ибо одной лишь матери ведомо, что душа ее ребенка расстается с телом.

Илия хотел сжать ей руку, сказать, что она не одна в этот час и что Всемогущий Бог должен услышать его молитву. Он — пророк, он смирился со своей участью на берегах Хорафа, и ангелы должны принять его сторону.

— Я выплакала свои слезы, — продолжала она. — Если у Него нет сострадания, если Ему нужна чья-то жизнь, пусть возьмет мою, а сын мой пусть как прежде ходит по улицам Акбара.

Илия изо всех сил старался сосредоточиться на молитве, но горе матери было так велико, что, казалось, не вмещается в комнату и рвется наружу сквозь стены, сквозь окна и двери.

Он прикоснулся к руке мальчика — жар, томивший больного два предыдущих дня, спал, и это был дурной знак.

* * *

В то утро в доме побывал жрец и, подобно тому как делал он это две недели подряд, приложил к груди мальчика припарки из целебных трав. Вчера и позавчера женщины Акбара пользовали больного снадобьями, лечебная сила которых была проверена много раз на протяжении веков. Каждый день они собирались у подножья Пятой горы и приносили жертвы, молясь, чтобы душа мальчика не рассталась с телом.

Тронутый общим горем, некий египетский купец, оказавшийся в Акбаре проездом, вручил, не взяв за это ни гроша, редкое и очень дорогое средство — красный порошок, который надо было давать больному с едой. Легенда гласила, что секрет изготовления этого порошка в незапамятные времена открыли египетским знахарям боги.

Илия все это время непрестанно молился.

Ничего не помогало.

* * *

— Я ведь знаю, почему тебе разрешили остаться, — слабым от бесконечных бессонных ночей голосом произнесла вдова. — За голову твою назначена награда, и когда-нибудь ты будешь отправлен в Израиль в обмен на горы золота. Но если ты спасешь моего сына, клянусь Ваалом и всеми богами Пятой горы, тебя не схватят. Я научу тебя, как тайными тропами, по которым никто не ходит уже лет двадцать, покинуть Акбар.

Илия промолчал.

— Помолись своему Единому Богу, — снова воззвала к нему вдова. — Если Он спасет моего сына, клянусь отречься от Ваала и уверовать в Него. Объясни Ему, что, дав тебе приют, когда ты в нем так нуждался, я поступила в полном соответствии с тем, что Он заповедал.

Илия помолился, вложив в молитву все силы души. И в этот миг мальчик шевельнулся и слабым голосом произнес:

— Я хочу выйти отсюда.

Слезы радости навернулись на глаза вдовы.

— Иди, сын мой. Пойдем, куда ты захочешь. Делай что нравится.

Илия попытался было взять его на руки, но мальчик отстранился:

— Я сам.

Медленно поднялся и двинулся в другую комнату. Ступил шаг, другой — и как подкошенный рухнул наземь.

Илия и вдова подбежали к нему. Мальчик был мертв.

На мгновение оба лишились дара речи. Потом женщина издала вопль, истошный и пронзительный:

— Будьте прокляты боги, отнявшие душу моего сына! Будь проклят человек, принесший несчастье в мой дом! Сын мой! Мальчик мой! За то, что я исполняла волю небес, за то, что была великодушна с чужестранцем, боги лишили меня сына!

На крики пришли соседи, увидели распростертого на полу мальчика. А женщина все кричала, кричала и хотела ударить израильского пророка, стоявшего рядом, — а он точно окаменел и даже не пытался защититься. Женщины принялись успокаивать вдову, мужчины немедленно скрутили Илию и потащили его к правителю.

— Этот человек за добро воздал злом. Он навел порчу на дом вдовы, и сын ее умер. Мы оказали гостеприимство негодяю, проклятому богами.

А израильтянин плакал и вопрошал: «Господи Боже, зачем решил Ты принести горе женщине, которая была добра ко мне?! Если Ты забрал душу ее сына, то, значит, я не исполнил предназначенное Тобой и заслуживаю смерти!»

* * *

В тот же день собрался совет горожан Акбара, первоприсутствующими на нем были правитель и жрец. Илию доставили на суд.

— Ты дерзнул за любовь воздать ненавистью. И потому повинен смерти, — сказал правитель.

— Хотя твоя голова стоит очень дорого, мы не можем возбудить гнев богов Пятой горы, — сказал жрец. — Ибо потом за все золото мира не удастся вернуть мир в этот город.

Илия стоял, опустив голову. Он знал, что заслуживает самых страшных пыток, потому что Господь от него отступился.

— Ты взойдешь на вершину Пятой горы, — продолжал жрец. — Будешь молить прощения у оскорбленных тобою богов. И они поразят тебя небесным огнем. А если нет — то, значит, им угодно, чтобы мы покарали тебя нашим судом и правосудие свершилось нашими руками. Тогда завтра тебя казнят так, как принято у нас.

Илия хорошо знал, как принято казнить в Акбаре: у приговоренного вырывали из груди сердце, а потом ему отрубали голову. Согласно древнему поверью, человек без сердца не попадет в рай.

— Господи, почему Ты избрал меня? — возопил Илия, хоть и знал, что стоявшие вокруг него люди не поймут, о каком выборе говорит он. — Разве не видишь, что я не в силах исполнить то, что Ты требуешь?!

Ответа не услыхал никто.

Жители Акбара вереницей шли за стражниками, которые вели израильтянина к подножью Пятой горы. Летели камни, звучала брань. Воины с трудом сдерживали негодующую толпу. Через полчаса шествие достигло цели.

Приговоренный и стража остановились перед каменными алтарями, куда испокон века люди возлагали жертвы, где оставляли свои просьбы и дары. Все знали легенды об исполинах, живших там, все помнили судьбу тех, кто нарушил запрет и был испепелен огнем с небес. А путники, проходившие ночью по равнине, клялись, будто слышали громоподобный хохот богов и богинь, пировавших на вершине.

Не все верили в это, но никто не осмеливался преступить запрет, бросив вызов богам.

— Ступай, — сказал стражник, толкнув Илию древком своего копья. — Погубивший ребенка заслуживает злейшей из казней.

* * *

Илия переступил запретную черту и начал подниматься по склону. А когда смолкли за спиной яростные крики акбарцев, присел на камень и заплакал, подумав, что с того памятного дня в мастерской, когда окутала его тьма, пронизанная мириадами искр, он неизменно приносит своим ближним одни несчастья.

Бог Единый потерял в Израиле своих приверженцев, а культ финикийских богов теперь, наверное, укрепился. Еще в первую ночь, проведенную на берегу Хорафа, Илии пришло в голову, что Господь избрал его, чтобы сделать мучеником, как избирал прежде многих других.

Но нет: Господь послал ему тогда зловещую птицу ворона, и тот приносил ему пищу, пока не пересох Хораф. Почему ворона, а не голубку? Почему не ангела? Быть может, все это было всего лишь бредом человека, у которого от зноя помутилось в голове? Или попыткой унять страх? Илия теперь уже ни в чем не был уверен. Быть может, Зло избрало его своим орудием? Иначе

почему Господь приказал ему идти в Акбар, а не вернуться в Галаад и покончить с Иезавелью, причинившей столько горя Его народу?

Да, в ту пору он чувствовал себя трусом, но продолжал исполнять то, что было велено. Он как мог старался ужиться с этим странным народом, чьи обычаи и нравы были так отличны от израильских. И вдруг, когда ему стало казаться, что он исполняет предназначенное ему, — умер сын вдовы.

«Почему же я?»

* * *

Он поднялся, прошел еще немного и оказался в тумане, окутывавшем вершину горы. Он мог бы воспользоваться его непроницаемой пеленой и сбежать — но что толку? Он устал убегать и знал, что все равно не сыщет свое место в мире. Даже если сейчас ему удастся скрыться, он перенесет тяготеющее над ним проклятье в другой город, и там разразятся новые бедствия. Куда бы он ни пошел, тени мертвых всюду последуют за ним. Лучше уж смириться, пусть вырвут у него сердце, пусть отсекут голову.

Он снова присел. Густой туман клубился вокруг. Илия решил выждать немного — пусть люди

внизу думают, будто израильтянин поднялся на вершину горы. Потом он вернется в Акбар и сам предаст себя в руки палачей.

«Огнь небесный». Многие погибли от него, хотя Илия сомневался, что именно Господь насылает его.

В безлунные ночи его вспышка пересекала небосвод, исчезая так же внезапно, как появлялась. Быть может, он испепелит его. Быть может, дарует смерть, мгновенную и легкую.

* * *

Настала ночь, и туман рассеялся. Стала видна равнина внизу, и огни Акбара, и факелы, освещавшие лагерь ассирийцев. Стал слышен лай собак. Донеслась песня, которую пели воины.

— Я готов, — сказал себе Илия. — Я согласился с тем, что стал пророком, и старался исполнять свое предназначение как можно лучше. Однако потерпел неудачу, и теперь Господу нужен другой.

В этот миг свет коснулся его.

Огнь небесный!

Луч меж тем лежал у него на лбу. И некий голос произнес:

— Я — ангел Господень.

Илия упал на колени, а потом пал ниц.

— Я уже видел тебя прежде и исполнял твои повеления, — промолвил он, не поднимая головы. — И оттого, куда бы ни лежал мой путь, всюду сеял я лишь горе и несчастья.

Но ангел сказал так:

— Когда вернешься в город, трижды попроси, чтобы мальчик ожил. И на третий раз Господь услышит тебя.

— Ради чего мне это делать?

— Ради величия Божьего.

— Даже если Бог сотворит чудо, я уже сомневаюсь в себе. Я недостоин своего предназначения.

— Всякий вправе усомниться в своем предназначении и вправе время от времени покидать свою стезю. А вот забыть ее он не может. Лишенный сомнений в себе — недостоин, ибо слепо верит в свои дарования и свершает грех гордыни. Блажен тот, кому случается переживать мгновения нерешительности.

— Ты же видел, как я только что сомневался даже в том, что ты послан Богом и говоришь от Его лица.

— Ступай и исполни то, что я говорю.

Много времени прошло, пока Илия спускался по склону. Стражники ожидали его у жертвенни-

ков, но горожане уже вернулись в Акбар.

— Я готов к смерти, — сказал он. — Я повинился перед богами Пятой горы, а они велели, чтобы я, пока моя душа не рассталась с телом, пришел в дом вдовы, принявшей меня, и попросил ее сжалиться над моей душой.

Воины отвели его назад и передали жрецу просьбу израильтянина.

— Будь по-твоему, — сказал жрец. — Ты испросил прощение у богов и теперь должен сделать то же по отношению к вдове. Чтобы ты не сбежал, отправлю с тобой четверых вооруженных стражников. Но не надейся, что вдова, поддавшись твоим уговорам, сумеет вымолить тебе пощаду. Знай: на рассвете мы казним тебя на площади.

Жрец хотел было спросить, что видел Илия на вершине, но рядом стояли стражники, а ответ мог бы внести в их души смятение. Он промолчал, а про себя решил — хорошо бы, чтобы Илия попросил прощения при всех: тогда ни у кого больше не будет сомнений в могуществе богов Пятой горы.

А стражники отвели Илию на ту бедную улочку, где прожил он несколько последних месяцев. Двери и окна в доме вдовы, как велел обычай, были раскрыты настежь, чтобы душа ее сына без препон могла отлететь на небеса. Тело находи-

лось в середине маленькой комнаты, и на бдение явились все соседи.

При виде израильтянина они сначала замерли от ужаса и изумления, а потом закричали стражникам:

— Уведите его отсюда! Неужели мало того горя, что он уже причинил нам?! Он так подл, что даже боги Пятой горы не захотели пачкать об него руки.

— Отдайте его нам! — раздался чей-то голос. — Мы сами покараем его — и прямо сейчас!

Под градом пинков и затрещин Илия высвободился и бросился к плакавшей в углу вдове:

— Я могу вернуть твоего сына к жизни! Позволь мне прикоснуться к нему — хотя бы на одно мгновение!

Вдова подняла голову.

— Прошу тебя! — умолял Илия. — Пусть это будет последним, что я сделаю в жизни, но все же дай мне возможность отплатить тебе за твое великодушие!

Несколько человек вцепились в него, стараясь оттащить. Илия отбивался изо всех сил, продолжая просить, чтобы ему дали дотронуться до мертвого мальчика.

И хоть был Илия молод и исполнен решимости,

его все же выбросили за дверь. «Ангел Господень, где же ты?!» — крикнул он в небеса.

В этот миг все замерли. Вдова, поднявшись со своего места, направилась к нему, взяла за руку, привела в дом, подвела к телу сына и отдернула покрывавшую его простыню.

— Вот он, кровь от крови моей, — молвила женщина. — Да падет кровь его на головы твоих родичей, если не сумеешь исполнить обещанное.

Илия приблизился и хотел коснуться мертвого мальчика.

— Погоди, — остановила его вдова. — Сначала попроси своего Бога исполнить мое проклятье.

Сердце Илии заколотилось. Но он верил словам ангела.

— Пусть кровь этого ребенка падет на головы родителей моих и братьев, на их сыновей и дочерей, если не сделаю того, что сказал.

И тогда, терзаясь страхом, и чувством вины, и сомнениями…

«…взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель и воззвал к Господу, и сказал:

Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

И простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него!»

Сначала все было по-прежнему. Илия вдруг снова перенесся в Галаад, снова увидел, как лучник целится ему в сердце. Он знал, что удел человеческий не имеет никакого отношения к тому, чего человек боится или во что верует. И вновь, как в тот день, осенили его спокойствие и уверенность. Он знал: даже если ничего не произойдет, есть высший смысл в том, чтобы все это произошло. На вершине Пятой горы ангел назвал это «ради величия Божьего», и Илия надеялся когда-нибудь понять, почему Творец нуждается в своих творениях.

В этот миг мальчик открыл глаза.

— Где моя мама? — спросил он.

— Там, внизу, ждет тебя, — с улыбкой отвечал Илия.

— Какой странный сон приснился мне! Будто я лечу в какую-то черную дыру, причем стремительней, чем самый быстрый конь на скачках в Акбаре. И там ждет меня человек — я знаю, что это мой отец, хоть никогда и не видел его. А потом я оказался в каком-то прекрасном месте и с удовольствием бы остался там, но тут другой

человек — он незнаком мне, но добр и отважен — ласково попросил меня вернуться. И тут ты разбудил меня.

Мальчика огорчало, что он так и не попал в это прекрасное место.

— Не оставляй меня одного, — попросил он. — Ты заставил меня уйти оттуда, где я чувствовал себя в полной безопасности.

— Пойдем-ка вниз, — сказал Илия. — Мама по тебе соскучилась.

Мальчик попытался подняться, но был еще слишком слаб. Илия взял его на руки и отнес вниз.

* * *

Их появление ввергло собравшихся на панихиду людей в состояние глубочайшего ужаса.

— Отчего здесь столько народу? — спросил мальчик.

Но прежде чем Илия успел ответить, вдова отняла у него сына и стала с плачем целовать.

— Что с тобой, мама? Почему ты плачешь?

— Я не плачу, мой мальчик, — отвечала она, утирая слезы. — Никогда еще я не была так счастлива.

С этими словами она бросилась на колени и

вскричала:

— Теперь я сознаю, что ты — Божий человек. И Божья истина звучит в твоих словах.

Илия обнял ее и попросил встать.

— Отпустите его! — крикнула она стражникам. — Он одолел зло, обрушившееся на мой дом!

Люди не верили своим глазам. Девушка лет двадцати опустилась на колени рядом со вдовой. А за нею и все остальные. И последними были стражники, которым приказано было отвести Илию в тюрьму.

— Встаньте, — сказал Илия. — Славьте Господа. Ибо я — всего лишь один из слуг Его и, быть может, самый ничтожный.

Однако все продолжали стоять на коленях, опустив головы.

— Ты говорил с богами Пятой горы, — раздался чей-то голос. — И обрел способность творить чудеса.

— Там нет никаких богов. Я встретил там ангела Господня и получил от него приказ сделать то, что сделал.

— Ты видел Ваала и братьев его, — сказал кто-то.

Расталкивая коленопреклоненных людей,

Илия расчистил себе путь к выходу. Сердце его мучительно ныло, словно он так и не сумел по-настоящему исполнить поручение ангела. «Что проку было воскрешать мертвого, если никто не верит в Источник этого могущества?» Ангел повелел ему трижды выкликнуть имя Господа, но ничего не сказал о том, как объяснить чудо людям, во множестве собравшимся в доме. «Неужели я, как это случалось с пророками древности, сделал то, что сделал, теша свое тщеславие?!» — спрашивал он себя.

И тут вдруг услышал голос своего ангела-хранителя, с которым привык разговаривать с детства:

— Тебе явился сегодня ангел Господень.

— Да, — отвечал Илия. — Но ведь ангелы не разговаривают с людьми — они лишь передают повеления Господа.

— Используй могущество свое, — сказал ангел-хранитель.

Илия не понимал, что значат эти слова.

— Я не обладаю могуществом, которое исходило бы не от Бога.

— Всякое могущество от Бога. Иного не бывает. Но никто не использует его.

И еще сказал ангел:

— Отныне и вплоть до возвращения в отчизну

тебе не дано будет свершить ни одного чуда.

— А когда же это произойдет?

— Господь нуждается в тебе, чтобы возродить Израиль. Ты вступишь в пределы родной земли, когда почувствуешь, что способен на это.

И не прибавил к сказанному ни слова.

Часть вторая

Верховный жрец молился восходящему солнцу и просил богов бури и богиню животных сжалиться над неразумными. В то утро ему рассказали, что Илия вернул сына вдовы из царства мертвых.

Город пребывал в ужасе и изумлении. Все жители верили, что израильтянин получил свой дар от богов Пятой горы, и теперь с ним будет трудно справиться. «Ничего, всему свой черед», — сказал жрец про себя.

Сами боги помогут покончить с Илией. Впрочем, у гнева богов была иная причина, о коей свидетельствовало появление ассирийских воинов в долине. Почему мирная жизнь, длившаяся столько столетий кряду, должна будет прекратиться? Он знал ответ: потому что изобрели Библос. В его стране изобрели письменность, доступную всякому — даже тому, кто не готов воспользоваться ею. Кто угодно мог выучить ее правила за ничтожный срок — и вот это будет означать конец цивилизации.

Жрец знал, что изо всех орудий уничтожения,

измышленных человеком, самое мощное и самое смертоносное — это слово. Клинки мечей и острия копий оставляют кровавые следы, летящую стрелу можно заметить издали, на всякий яд найдется противоядие.

Слово же убивает незаметно. А если священные ритуалы можно будет распространить повсеместно, многие захотят ими воспользоваться, чтобы преобразовать мир, и это оскорбит богов. До сей поры лишь каста жрецов владела памятью предков, передаваемой из уст в уста и после клятвы в том, что сведения эти будут храниться в тайне. И потребовались бы долгие годы ученья для того, чтобы понять смысл иероглифов, распространенных египтянами по всему миру. Вот и получалось так, что лишь посвященные — писцы и жрецы — могли обмениваться сведениями.

* * *

Другие цивилизации тоже умели, пусть и простейшим образом, сохранять память об исторических событиях, но способы эти были столь сложны, что никому за границами тех стран, где пользовались ими, и в голову не приходило учиться им. Изобретение же Библоса стало настоящим переворотом: отныне в любой стране,

на каком бы языке ни говорили там, могли воспользоваться этим открытием. Даже греки, с порога отвергавшие все, что родилось не в их полисах, и те признали финикийское письмо и стали применять его в своих торговых делах. И они — мастера присваивать себе честь любого открытия — назвали эту новинку словом из своего языка — алфавит.

И возникла опасность, что хранимые во тьме веков тайны будут выставлены на свет. И по сравнению с этим ровно ничего не стоило святотатство, совершенное Илией, который вернул какого-то мальчика с того берега реки мертвых.

«Боги карают нас за то, что мы перестали ревностно беречь святость тайны, — думал жрец. — Ассирийцы стали лагерем у наших ворот. Со дня на день они пересекут равнину и разрушат цивилизацию наших предков».

И уничтожат письмо. Жрец знал, что появление ассирийцев — не случайность.

Это расплата. Боги задумали все на славу, причем так, чтобы самим остаться в стороне: это они поставили у власти правителя, которого больше волнует торговля, нежели состояние войска, это они пробудили в ассирийцах алчность, это они наслали засуху и привели в город неверного,

чтобы он внес смуту и раскол. Короче говоря, окончательного сражения не избежать.

Конечно, Акбар будет существовать и впредь, но буквам алфавита грозит опасность исчезнуть навсегда. Жрец любовно отчистил камень, обозначавший то место, где много сотен лет назад чужестранный паломник по указанию свыше основал город. «Как прекрасен этот камень!» — думал жрец. Камни являли собой образ богов — твердых, неуступчивых, способных выжить в любых условиях, не снисходящих до объяснений, почему пришли они сюда. Предание гласит, что средоточие мира отмечено каменной вехой, и в детстве жрецу хотелось отыскать ее. Мысль об этом не покидала его и потом, вплоть до того дня, когда, увидав на дальней оконечности равнины шатры ассирийцев, он понял, что не исполнит свою мечту никогда.

«Да теперь это и не важно. Мое поколение обречено в жертву за то, что оскорбило богов. В истории мира есть такое, чего избежать нельзя, — стало быть, надо безропотно принимать это».

И пообещал себе покориться воле богов, то есть не пытаться избежать войны.

«Быть может, наступает конец времен. И тщетно стараться обойти беду стороной — беда растет

и ширится, ее не обогнешь».

Жрец взял свой посох и покинул капище. На этот час назначена была встреча с начальником войска, размещенного в Акбаре.

* * *

Он уже почти достиг южных ворот, когда Илия заступил ему путь и сказал:

— Господь воскресил сына вдовы. Город уверовал в мое могущество.

— Да мальчик, наверно, вовсе и не умер, — возразил жрец. — Так бывает: сердце остановится, а потом опять забьется. Весь город сегодня толкует о чуде, а завтра акбарцы спохватятся, что боги — близко, что они могут услышать, и вновь все затворят уста. Я должен идти, ассирийцы готовятся напасть на нас.

— Выслушай то, что я должен тебе сказать. После того как произошло чудо, мне был нужен покой, и я провел ночь за городскими стенами. И там явился мне тот же ангел, которого видел я на вершине Пятой горы. И он сказал мне: «Акбар будет уничтожен войной».

— Города не могут быть уничтожены, — ответил жрец. — Их восстанавливают до семижды семидесяти раз, потому что боги знают, зачем

возвели они их именно в этом месте, и нуждаются в них.

* * *

В сопровождении свиты приблизился правитель и спросил, о чем говорят они.

— О том, что надо искать мира, — сказал Илия.

— Если боишься — уходи восвояси, — неприязненно ответил жрец.

— Иезавель и царь Ахав ищут убить беглых пророков, — сказал правитель. — Ты лучше расскажи мне, как сумел подняться на Пятую гору и не погибнуть от небесного огня.

Жрец понимал: нужно прервать этот разговор. Правитель, склонный договориться с ассирийцами, мог во исполнение своих намерений прибегнуть к помощи Илии.

— Не стоит склонять к нему слух. Вчера, когда его привели ко мне на суд, он плакал от страха.

— Не от страха — от осознания того зла, которое я породил. Я боюсь только Господа и себя самого. Я не бежал из своей страны и готов буду вернуться туда, как только позволит Господь мой. Вернусь и низвергну вашу красавицу-царевну, и вера наших предков одолеет и эту опасность тоже.

— Нужно обладать очень черствым сердцем,

чтобы не поддаться чарам Иезавели, — насмешливо сказал правитель. — Но даже если это и случится, мы отправим в Израиль другую, еще более прекрасную. Мы делали так и раньше, сделаем и потом.

Он говорил правду: за двести лет до этого царевна Сидона обольстила мудрейшего из всех, кто правил Израилем, — царя Соломона, заставила его возвести храм в честь богини Астарты. Соломон исполнил ее волю и в наказание за святотатство лишился трона, ибо Господь наслал на страну войско соседей.

«То же самое произойдет и с Ахавом, — думал Илия. — Когда придет пора, Господь даст мне исполнить Его волю. Но зачем пытаться переубедить этих двоих? Ведь они в точности такие же, как те, кто в доме вдовы на коленях возносили хвалы богам Пятой горы. Обычай и привычка никогда не позволят им думать иначе».

* * *

— Жаль, что нам приходится исполнять закон гостеприимства, — сказал правитель, наверняка уже позабывший слова Илии о необходимости искать мир. — Не будь его, мы помогли бы Иезавели извести всех пророков под корень.

— Нет, вы сохраняете мне жизнь по иной причине. Я — ценный товар, и вы не хотите лишать Иезавели удовольствия расправиться со мной собственными руками. А еще и потому, что со вчерашнего дня акбарцы уверовали, что я могу творить чудеса. Вы боитесь разгневать своих граждан, которые думают, что на вершине Пятой горы я встретил богов…

Правитель и жрец, не дослушав Илию, двинулись в сторону гор. И в этот миг жрец решил, что уничтожит пророка при первом же подходящем случае, ибо товар, который раньше сулил выгоду, ныне стал опасен.

* * *

Увидев, что они уходят, Илия едва не впал в отчаянье: что же сделать ему, чтобы послужить Господу?

И, став посреди площади, принялся кричать:

— Народ акбарский! Вчера вечером я поднялся на Пятую гору и говорил с богами, обитающими на вершине. А когда спустился, смог вернуть сына вдовы из царства мертвых!

Люди обступили его, благо история чудесного воскрешения была уже у всех на слуху. Правитель и жрец замедлили шаг, потом повернулись,

чтобы узнать, что происходит. А израильский пророк возглашал, что своими глазами видел, как боги Пятой горы признали верховенство Бога Единого и поклонялись Ему.

— Я прикажу убить его, — сказал жрец.

— А жители тогда восстанут и ополчатся на нас, — ответил правитель, которому было любопытно, что же такое говорит чужестранец. — Лучше выждать, чем совершить ошибку.

— Прежде чем я спустился в долину, боги Пятой горы поручили мне помочь вашему правителю справиться с угрозой ассирийского нашествия, — продолжал Илия. — Я знаю — он достойный человек и хочет выслушать меня, однако те, кому нужна война, не дают мне говорить с ним.

— Он — праведник! — сказал правителю какой-то старик. — Не бывало еще, чтобы огонь небесный не испепелил любого, кто дерзал подняться на вершину Пятой горы, а вот он уцелел и теперь воскрешает мертвых.

— Тир, и Сидон, и прочие города финикийские привыкли жить в мире, — молвил другой старик. — Большие опасности грозили нам, однако мы невредимо миновали их.

Сквозь густую толпу стали проталкиваться увечные и больные: они пытались прикоснуться

к одежде Илии, умоляя его исцелить их.

— Прежде чем давать советы правителю, вылечи-ка этих убогих, — сказал жрец. — Тогда мы поверим, что боги Пятой горы заодно с тобой.

Илия вспомнил сказанные ему прошлой ночью слова ангела о том, что до возвращения в отчизну ему не дано будет свершить ни одного чуда.

— Болящие взывают к тебе о помощи, — настаивал жрец. — Что же ты? Мы ждем.

— Сначала попытаемся избежать войны. Если нам это не удастся, увечных и калек будет во сто крат больше.

Правитель прервал его:

— Илия пойдет с нами. Он осенен благодатью.

Правитель не верил, что на Пятой горе живут боги, но ему был нужен союзник, человек, который бы помог ему убедить акбарцев, что мир с ассирийцами — это единственный выход.

* * *

Покуда они шли навстречу начальнику войска, жрец вполголоса заметил:

— Ты сам не веришь тому, что говоришь.

— Я верю, что мир — это единственный выход. А в то, что на вершине горы живут боги, — нет, не верю. Я ведь был там.

— И что видел?

— Ангела Господнего. Мне и прежде случалось встречать его там, где пролегал мой путь. Бог — един.

— То есть по-твоему выходит, что сотворивший грозу создал и пшеничный колос, хотя это совершенно разные вещи?

— Видишь Пятую гору? С разных сторон выглядит она по-разному, но остается одной и той же горой. Точно так же и со всем тем, что было сотворено, — все это разные лики одного Бога.

* * *

С высокой крепостной стены виден был в отдалении неприятельский лагерь. Белые шатры на пустынной равнине бросались в глаза.

Некоторое время назад, когда дозорные впервые заметили на краю равнины ассирийцев, а лазутчики донесли, что те пришли на разведку, начальник войска предложил захватить их и продать на невольничьем рынке. Однако правитель избрал иной путь — не предпринимать ничего. А исходил он из того, что, установив добрые отношения с ассирийцами, сможет открыть новый рынок для сбыта стекла, выделываемого в Акбаре. Кроме того, ассирийцы не могли не знать,

что маленькие города всегда на стороне победителей, и военачальники наверняка захотят пройти через них, не встречая сопротивления, и двинуться на Тир и Сидон — вот они-то были богаты и сокровищами, и разумением своих жителей.

К передовому отряду, разбившему лагерь на краю долины, стали постепенно прибывать подкрепления.

И жрец сказал, что знает, что нужно ассирийцам: в Акбаре был колодец, единственный источник воды на протяжении нескольких дней пути. Чтобы захватить Тир или Сидон, войску нужно запастись водой.

К концу первого месяца можно было наголову разгромить ассирийцев. К концу второго — нанести им ощутимое поражение, а потом заключить мир и с честью отпустить побежденных.

Ассирийцы ждали нападения, но его не последовало. На исходе пятого месяца еще можно было выиграть сражение. «Скоро они ударят, потому что запасы воды у них на исходе», — говорил правитель. Он поручил начальнику войска продумать план обороны и постоянно готовить воинов к отражению внезапной атаки.

Но на самом деле все мысли его были только

о мире.

* * *

Минуло уже полгода, однако ассирийцы не трогались с места. И тревожное напряжение, поначалу царившее в Акбаре, постепенно исчезло; люди жили своей прежней жизнью: крестьяне вновь начали обрабатывать поля, виноделы — изготовлять вино, ремесленники — выдувать стекло и варить мыло, купцы — продавать и покупать. И все были свято уверены, что Акбар не нападает на противника потому, что эта распря вскоре будет улажена на переговорах. Все знали, что правителю виднее, какое решение принять, ибо он занял свою должность по воле богов.

Когда Илия появился в городе, правитель велел распустить слухи о том, что чужестранец приносит несчастье: так что если угроза войны станет неотвратимой, можно будет обвинить в этом израильтянина, а жители Акбара уверуют, что стоит его казнить, как все в мире пойдет по-прежнему. А правитель тогда объяснит, что, мол, слишком поздно требовать, чтобы ассирийцы ушли, и казнит Илию, сказав народу, что это — наилучший выход из положения. Он рассудил, что купцы, которые тоже хотели только мира,

заставят всех прочих смириться с этим.

И в течение всех тех месяцев он противостоял жрецу и начальнику войска, которые требовали немедля ударить по ассирийцам. Но боги Пятой горы не оставляли его своим вниманием: с прошлой ночи, когда свершилось чудо воскрешения, жизнь Илии была важней, нежели его казнь.

* * *

— Что делает с вами этот чужестранец? — спросил начальник войска.

— Боги просветили его, — ответил правитель. — И он поможет нам найти наилучший выход из положения.

И они сейчас же заговорили о другом:

— Похоже, что сегодня шатров стало больше.

— А завтра — прибудет еще. Если бы мы в свое время разбили их передовой отряд, они не решились бы прислать подкрепление.

— Ты ошибаешься. Кое-кому непременно удалось бы уйти, и ассирийцы вернулись бы, чтобы отомстить.

— Если вовремя не убрать плоды, они сгниют — и только. Но если вовремя не разрешить трудности, они возрастают, — промолвил военачальник.

Правитель объяснил, что вот уже триста лет царит в Финикии мир и народ гордится этим как ничем другим. Что скажут грядущие поколения, если по его вине прервется эра благоденствия?

— Отправьте к ассирийцам своих доверенных, пусть начнут переговоры, — сказал Илия. — Самый искусный воин — тот, кто может превратить врага в союзника.

— Мы ведь не знаем толком, чего они хотят. Нам даже неизвестно, собираются ли они захватить город. Так о чем же вести переговоры?

— Есть угрожающие признаки. Не станет войско попусту терять время, совершенствуя боевое мастерство вдали от своих границ.

Каждый день прибывали пополнения, и правитель с ужасом представил, сколько же воды потребуется этой ораве. Очень скоро Акбар окажется беззащитен перед неприятельской ратью.

— Мы можем упредить их? — спросил жрец.

— Можем. Потери будут значительны, но город спасем. Только надо решать не мешкая.

— Не надо нападать первыми, — молвил Илия. — Боги Пятой горы сказали мне, что есть еще время покончить дело миром.

Правитель слушал разговор израильтянина и жреца, и притворялся, что верит их словам. А

на самом деле ему было глубоко безразлично, попадут ли Тир и Сидон под власть хананеян, останутся ли у финикийцев, — важно было лишь, сможет ли Акбар и впредь торговать своими товарами.

— Надо ударить первыми, — настаивал жрец.

— Выждем еще сутки, — сказал правитель. — Быть может, все уладится…

Предстояло решить немедля, как совладать с ассирийцами. И, сойдя с крепостной стены, он направился во дворец, попросив израильтянина сопровождать себя.

А по дороге разглядывал людей, встречавшихся им: пастухов, гнавших отары овец на выпас, крестьян, шедших на поля, чтобы добыть из скудной земли пропитание для себя и своих семей. Воины учились в совершенстве владеть оружием, а только что приехавшие в город торговцы раскладывали свои товары на рыночной площади. Это казалось невероятным, но ассирийцы не перерезали дорогу, тянувшуюся через всю равнину, и потому купцы по-прежнему везли грузы через Акбар и платили дорожную пошлину.

— Почему же теперь, подтянув свежие силы, они не перекрыли путь к городу? — спросил Илия.

— Царству ассирийскому нужны товары, которые на кораблях доставляют в порты Тира и Сидона. А если купцы испугаются, поток этот пресечется. И последствия будут страшней военного поражения. Должен найтись способ избежать войны.

— Да, — отвечал Илия. — Если ассирийцы нуждаются в воде, мы можем продать им ее.

Правитель промолчал. Он понял в этот миг, что сможет использовать израильтянина против тех, кто желает войны: пророк поднимался на вершину Пятой горы, бросал вызов богам, так что он — единственный, кто осмелится возражать жрецу в том случае, если он будет настаивать на необходимости начать военные действия. Правитель предложил Илии прогуляться и поговорить.

А жрец остался на крепостной стене, разглядывая ассирийцев.

— Что могут сделать боги, дабы остановить захватчиков? — спросил начальник войска.

— Я уже приказал умилостивить их жертвами и дарами, прося ниспослать более отважного вождя.

— Нам следовало бы поступить по примеру Иезавели и уничтожить пророков. Безвестный израильтянин, который вчера еще был пригово-

рен к смерти, сегодня будет склонять наш народ к миру, действуя на руку правителю.

Он перевел взгляд на вершину.

— Мы можем подослать к Илии убийцу. А с помощью моих воинов отстранить правителя от власти.

— Я прикажу убить Илию, — отвечал жрец. — Что же касается правителя, тут мы бессильны — его предки из поколения в поколение правят городом. Еще дед его был нашим вождем, потом по воле богов власть перешла к отцу, а потом — к сыну.

— Почему же обычай запрещает нам возвести на трон человека более способного и решительного?

— Обычай существует для того, чтобы поддерживать неизменный порядок вещей в мире. Если вмешаемся — мир рухнет.

Жрец оглянулся по сторонам. Небо и земля, горы и долы — все на свете исполняло предписанное. Случается порой трясение земли, случается, — вот как сейчас, — что долго нет дождей. Но звезды остаются на своих местах, и солнце не падает на головы людей. И все это потому, что со времен потопа люди накрепко усвоили: нельзя нарушать порядок мироздания.

В далеком прошлом существовала лишь Пятая гора. Люди и боги жили рядом, гуляли в райских кущах, беседовали и смеялись. Потом за грехи боги изгнали людей оттуда, а поскольку тех некуда было девать, сотворили для них вокруг Пятой горы Землю, чтобы люди были на виду и под присмотром и чтобы никогда не забывали: боги неизмеримо выше их.

Впрочем, был предусмотрен и путь назад: если человечество будет исправно следовать своей стезей, то в конце концов вернется на вершину. Владыки мирские и духовные старались, чтобы в памяти мира мысль эта оставалась жива.

И все народы дружно разделяли одно убеждение: если семьи, отмеченные богами, утратят власть, последствия будут самые гибельные. Никто уже не помнил, за какие заслуги были эти семьи избраны и выделены, но все знали, что они состоят в родстве с богами. Акбар, существующий уже сотни лет, неизменно управлялся представителями одной семьи, предками нынешнего правителя. Много раз его захватывали и покоряли, много раз побывал он в руках варваров и угнетателей, но проходило время, и те уходили или были изгнаны. И восстанавливался прежний строй жизни, и прежним порядком жили люди.

А в обязанности жрецов входило сохранять этот порядок и этот строй. У мира есть сужденный ему удел; мир живет по законам. Давно миновало время, когда можно было попытаться понять богов, — ныне пришла пора почитать их и беспрекословно исполнять их волю. Боги прихотливы и легко впадают в ярость.

Если бы не было обычая собирать урожай, земля не плодоносила бы. Если бы жертвы не были приняты, жителей Акбара скосили бы смертельные болезни. Если бы бог Времени был снова задет за живое, он мог бы сделать так, чтобы ни люди, ни колосья больше не росли.

— Взгляни-ка на гору, — сказал жрец начальнику войска. — С вершины ее боги правят нами и оберегают нас. Жизнь Акбара расчислена ими до скончания века. Чужестранец будет убит или вернется на родину, трон правителя, который в один прекрасный день исчезнет, займет его сын, и он будет мудрее отца, и то, чем живем мы сейчас, канет и сгинет.

— Нам нужен новый вождь, — сказал тот. — Если власть пребудет в руках нашего правителя, нас уничтожат.

Жрец знал, что именно таков был замысел богов, желавших положить предел распростране-

нию Библоса. Но промолчал, в душе в очередной раз возликовав оттого, что владыки земные вольно или невольно служат орудием Провидения.

* * *

Во время прогулки по городу Илия рассказал правителю, что предполагает делать, и тот назначил его своим помощником. Когда пришли на площадь, появились новые страждущие, однако им он объяснил, что боги Пятой горы запретили ему исцелять недуги. Незадолго до захода солнца вернулся он в дом вдовы, увидел играющего на мостовой ребенка и возблагодарил судьбу за то, что Господь через его посредство сотворил чудо.

Вдова ожидала его к ужину. И Илия с удивлением заметил на столе бутылку вина.

— Люди в благодарность принесли тебе свои дары, — сказала она. — А я хочу попросить у тебя прощения, потому что была несправедлива к тебе.

— В чем же тут несправедливость? — удивился он. — Разве ты не видишь, что все это предначертано Богом?

На губах вдовы играла улыбка, глаза ее сияли, так что Илия вдруг заметил, как она хороша. Глубокой нежности, которую он испытывал к

ней, не могло помешать и то, что вдова была лет на десять старше Илии. Чувство это было внове ему и его страшило; он вспомнил вдруг глаза Иезавели и как, выйдя из ее дворца, сказал себе, что хотел бы жениться на финикиянке.

— Жизнь моя была бесполезна, но, по крайней мере, у меня есть сын. И о нем будут вспоминать люди, ибо он побывал в царстве мертвых и вернулся, — сказала вдова.

— Отчего же бесполезна? Я пришел в Акбар по воле Господа, и ты приютила меня. Если будут вспоминать твоего сына, то, не сомневаюсь, вспомнят и тебя.

Женщина наполнила чаши. Они выпили за солнце, скрывшееся за горизонтом, за звезды на небе.

— Ты пришел из далеких краев, следуя знакам Бога, Он прежде был неведом мне, а теперь стал и моим Господом. И сын мой тоже пришел из такой страны, дальше которой не бывает, и теперь ему будет что поведать своим внукам. Жрецы сохранят его слова и будут передавать их из поколения в поколение.

Ведь только благодаря памяти жрецов знают города о своем прошлом, о том, как покоряли их и освобождали, знают о древних богах и о

воинах, которые ценою своей крови отстаивали родину. И хотя теперь появились новые способы сохранять былое, жители Акбара по-прежнему доверяют только памяти жрецов. Ибо каждый может писать что хочет, но никому еще не удавалось помнить то, чего никогда не было.

— Но что можно рассказать обо мне? — продолжала вдова, вновь наливая вина, ибо первый кубок Илия стремительно осушил. — Я не наделена ни силой Иезавели, ни красотой. Моя жизнь текла как у всех: замуж меня выдали по воле родителей и совсем юной… потом началась бесконечная череда домашних забот… редкие праздники… а муж вечно был занят чем-то помимо меня… Мы никогда не говорили с ним ни о чем важном. Он был озабочен своими сделками, я вела хозяйство — и так вот прошли наши лучшие годы. А после его гибели остались мне только нищета и воспитание сына. Он вырастет и будет плавать за моря, а я… я уже никому не буду важна и нужна. У меня в душе нет ни злобы, ни горечи, одно лишь сознание своей бесполезности.

Илия налил себе еще. Сердце его билось тревожно — ему нравилось быть рядом с этой женщиной.

А любовь, быть может, более тяжелое испы-

тание, чем стоять перед воином Ахава, готовым пустить стрелу тебе в грудь. Пронзит — и тебя уже нет, а за прочее отвечает Господь Бог. А вот если поразит любовь, за все последствия отвечать придется самому.

«Всю свою жизнь я так мечтал о любви», — подумал он. И вот теперь, когда она пришла и осуществилась, — в этом нет сомнений, нужно только не бежать от нее, — ему хочется забыть ее как можно скорее.

Илия перенесся мыслями в тот день, когда пришел в Акбар. Он был так измучен и истомлен жаждой, что не помнил ничего до того мгновения, когда очнулся и увидел лицо этой женщины, по каплям вливавшей ему в рот воду. Ее лицо и сейчас было совсем близко — ни одна женщина прежде не оказывалась так близко к нему. Он вдруг заметил, что глаза у нее такие же зеленые, как у Иезавели, только блестят по-другому, как будто в них отражаются кедры, и море, о котором он столько мечтал, но которого так и не видел, и — но разве такое возможно? — его собственная душа.

«Мне бы так хотелось сказать ей об этом, — думал он. — Но я не найду слов. Куда легче говорить о любви к Богу».

Он выпил еще немного вина. Вдова заметила, что ему не понравились ее слова, и заговорила о другом.

— Ты поднимался на Пятую гору?

Илия молча кивнул.

Ей хотелось бы спросить его: «Что ты там видел? Как не испепелил тебя небесный огонь?» Но Илия, казалось, не был расположен к рассказам.

«Он провидец. Он читает у меня в душе», — подумала она.

С тех пор как израильтянин вошел в ее жизнь, она стала совсем иной. Даже злую бедность стало легче сносить, ибо чужестранец пробудил в ней чувство, доселе неведомое, — любовь. Когда заболел ее сын, она, как ни бранили ее за это соседи, не прогнала Илию.

Она знала: для него Господь важнее всего, что происходит под солнцем. Она отдавала себе отчет в том, что этот человек останется для нее недостижимой мечтой, ибо он в любую минуту может подняться, уйти, пролить кровь Иезавели и никогда не вернуться, чтобы рассказать, как это было.

И все равно она будет по-прежнему любить его, ибо впервые в жизни поняла, что такое свобода. Она может любить его — даже если он никогда не узнает об этом; ей не нужно его разрешение,

чтобы скучать о нем, думать о нем целый день, поджидать его к ужину, тревожиться, как бы горожане не замыслили недоброе по отношению к нему.

Вот это и есть свобода — чувствовать то, чего желает сердце, не заботясь о чужом мнении. Довольно и того, что она ссорилась с друзьями и соседями из-за его присутствия в ее доме, — какое счастье, что не надо бороться с собой.

Илия сделал еще глоток, извинился и ушел в свою комнату. А вдова вышла на улицу, полюбовалась на сына, игравшего перед домом, и решила немного пройтись.

Она была свободна, ибо любовь освобождает.

* * *

Илия довольно долго сидел, уставившись в стену перед собой. Наконец он решил позвать своего ангела.

— Моей душе грозит опасность, — сказал он.

Ангел оставался безмолвен. Илия не знал, продолжать ли, но было уже поздно: раз позвал, надо говорить.

— При виде этой женщины мне становится нехорошо.

— Напротив, — отвечал ангел. — Хорошо. И это

тебя беспокоит. Ибо ты можешь полюбить ее.

Илия почувствовал стыд: ангел знал его душу.

— Любовь опасна, — промолвил он.

— Очень опасна, — ответил ангел. — Но что с того?

И исчез.

* * *

Да, ангел безошибочно угадал, что терзало его душу. Да, он знал, что такое любовь, из-за которой царь Израиля, покоренный Иезавелью, царевной Сидонской, отрекся от Господа своего. Легенда гласила, что царь Соломон лишился престола из-за чужестранки. Царь Давид отправил на смерть одного из лучших своих друзей, воспылав страстью к его жене. Пленившись Далилой, Самсон попал в руки филистимлян и был ими ослеплен.

Еще бы ему не знать, что такое любовь! История полна трагических примеров. И даже если бы он не читал Священного Писания, у него перед глазами судьбы его друзей и друзей его друзей, затерявшихся в долгих ночах мучительного ожидания. Едва ли он оставил бы свой город, если бы в Израиле у него была жена, и тогда, без сомнения, разделил бы участь других пророков.

«Я ввязался в бессмысленную схватку, — думал

он. — Любовь все равно одолеет, и я буду любить эту женщину до конца моих дней. Господи, верни меня в Израиль, чтобы не пришлось мне сказать ей, что я чувствую. Ибо она-то меня не любит и на признание мое ответит, что сердце ее погребено рядом с телом бесстрашного супруга».

На следующий день Илия снова встретился с начальником войска. Он уже знал, что на краю равнины появились новые шатры.

— Каково соотношение сил? — спросил Илия.

— Враг Иезавели не получит от меня этих сведений.

— Правитель назначил меня своим советником, — отвечал Илия. — Это произошло вчера, тебе об этом сообщили, и ты обязан отвечать.

— На каждого из наших приходится двое ассирийцев, — ответил военачальник, хотя ему хотелось не разговаривать с израильтянином, а убить его.

Илия знал, что для взятия Акбара неприятельских сил недостаточно.

— Наступает самое благоприятное время начать переговоры с врагом. Ассирийцы понимают, что мы проявляем всегдашнее наше великодушие, а потому мы добьемся от них большего. Всякий полководец знает, что для штурма нужен

пятикратный численный перевес.

— Если мы не ударим первыми, они этот перевес вскоре получат.

— У них не хватит запасов воды для такого количества воинов. И тогда настанет время направить к ним наших послов.

— Почему именно тогда?

— Потому что к этому времени ассирийцев станет еще больше, хоть и ненамного. И когда нехватка воды станет нестерпимой, они просто будут вынуждены идти на приступ. Но соотношение сил будет три-четыре к одному, и город они не возьмут. И тут наши послы предложат им мир и свободный проход. Предложат и купить воды. Вот что замыслил правитель.

Военачальник ничего не ответил, и чужестранец ушел живым. Если бы даже он убил Илию, правитель все равно мог бы настаивать на исполнении своего плана.

И военачальник поклялся, что, если и вправду до этого дойдет, он убьет правителя, а потом покончит с собой, чтобы не подвергать себя гневу богов Пятой горы.

Но так или иначе он ни за что не позволит, чтобы его народ был предан и продан.

* * *

— Господи, верни меня обратно в Израиль, — каждый вечер взывал Илия, бродя по равнине. — Не допусти, чтобы сердце мое томилось в неволе Акбара.

И, следуя обычаю пророков, о котором слышал сызмальства, он всякий раз, как в голову его закрадывалась мысль о вдове, начинал хлестать себя кнутом. От бичевания спина его превратилась в сплошную рану, и двое суток он метался в жару и бреду. А когда очнулся — увидел перед собой лицо вдовы. Она лечила его раны, умащая их целебным составом и пальмовым маслом, и приносила ему еду, потому что Илия был слишком слаб, чтобы спуститься в комнату.

* * *

Когда же выздоровел, он вновь отправился в долину.

— Господи, верни меня в Израиль, — взмолился он. — Сердце мое томится в акбарском плену, но плоть еще в силах отправиться в путь.

И появился ангел. Но не тот ангел Господень, что когда-то слетал к нему с горной вершины, —

это был ангел-хранитель, и к его голосу Илия уже привык.

— Господь прислушивается к молитве тех, кто хочет позабыть ненависть. Но не внемлет тем, кто желает бежать от любви.

* * *

Каждый вечер они ужинали втроем. Как и было возвещено, не истощалась мука в ларе, не убывало масло в кувшине.

За едой говорили редко. Но как-то мальчик вдруг спросил:

— А кто такой «пророк»?

— Тот, кто продолжает слышать голоса, которые слышал в детстве. И — верить им. И потому ему внятны мысли ангелов.

— Да, я понимаю, о чем ты, — сказал мальчик. — У меня есть друзья, невидимые никому, кроме меня.

— Никогда не забывай про них, даже если взрослые будут твердить тебе, что это вздор. Не забывай — и ты всегда будешь знать, чего хочет Бог.

— И мне откроется будущее, как вавилонским гадателям? — воскликнул мальчик.

— Пророки не ведают грядущего. Они лишь

произносят слова, которые вкладывает Господь им в уста. И потому я нахожусь здесь и не знаю, когда вернусь в отчий край. Господь не откроет мне это, пока не настанет нужное время.

Глаза вдовы затуманились печалью: да, настанет день, и он покинет ее дом.

* * *

Илия больше не взывал к Господу. Он решил, что, когда придет время уйти из Акбара, он возьмет с собою вдову и ее сына. Но пока ничего им не скажет.

А может быть, женщина не пожелает покидать отчизну. Может быть, она и не догадывается о том, какие чувства испытывает к ней Илия, он ведь и сам понял это лишь недавно. Что ж, если откажется, тем лучше: тогда он отдаст себя всего делу изгнания Иезавели и восстановлению Израиля. И в душе не останется места для любви.

— *Господь — пастырь мой. Он укрепляет душу мою и водит меня к водам тихим,* — произнес Илия, припомнив, как молился в былые времена царь Давид. А потом добавил уже своими словами: — И не дает мне утратить смысл жизни моей.

* * *

Однажды он вернулся домой раньше обычного и увидел, что на пороге сидит вдова.

— Что ты делаешь здесь?

— Делать мне нечего, — отвечала та.

— Хочу, чтобы ты усвоила кое-что. Многие в наше время отказались от жизни. Они не томятся, не тоскуют, не плачут, но просто ждут, когда истекут сроки. Они не принимают вызов жизни, и жизнь больше не бросает им вызов. И тебе грозит та же опасность, а потому — действуй, отвечай жизни, гляди ей в лицо, а не смиряйся.

— Моя жизнь вновь исполнилась смысла, — не поднимая на него глаз, промолвила вдова. — С того дня, как ты пришел сюда.

* * *

На долю секунды Илии показалось, что он может открыть ей свое сердце. Но, подумав, что женщина может вести речь о чем-то ином, счел за благо не рисковать. И заговорил о другом.

— Займись чем-нибудь. И тогда время будет тебе союзником, а не врагом.

— Чем же мне заняться?

Илия задумался ненадолго.

— Изучай Библос. Пригодится, если когда-нибудь доведется странствовать.

И женщина решила душою и телом предаться этому занятию. Никогда прежде не думала о том, чтобы покинуть Акбар, но теперь, после этих слов, поняла, что Илия, быть может, возьмет ее с собой.

И вновь ощутила себя свободной. И вновь стала просыпаться на рассвете и по улицам города ходила с улыбкой на губах.

Прошло два месяца.

— Илия жив, — сказал начальник войска жрецу. — Ты не сумел убить его.

— Во всем Акбаре не нашлось человека, который согласился бы исполнить это поручение. Израильтянин вселяет надежду в больных, навещает заключенных, кормит голодных. Если кому случится поспорить с соседом, Илию зовут рассудить, кто прав, и все признают его приговор справедливым. Правитель использует его, чтобы снискать себе народную любовь, но никто этого не понимает.

— Купцы не желают войны. Если правитель сумеет убедить жителей, что мир — лучше, нам нипочем не удастся изгнать ассирийцев. Нужно

убить Илию.

Жрец указал на Пятую гору, вершина которой, как всегда, пряталась в облаках.

— Боги не допустят, чтобы чужестранное войско вторглось в их страну. Они помогут нам: что-нибудь произойдет, и мы сумеем этим воспользоваться.

— Чем именно?

— Пока не знаю. Но буду зорко следить за приметами и знаками. И не заботься больше о точной численности ассирийского войска. Будут спрашивать — отвечай, что на одного нашего воина приходятся четверо чужеземных. И продолжай готовить свои войска.

— Какой в этом смысл? Если соотношение достигнет значения пять к одному, нам не выстоять.

— Нет. Силы наши будут равными. И когда произойдет сражение, тебе не придется драться со слабейшим противником, так что никто не сочтет тебя по этой причине трусом. Войску Акбара будет противостоять противник, равный ему по силам, и одержит оно победу потому, что ты окажешься более искусным полководцем.

И военачальник, одержимый тщеславием, согласился. И с этого дня стал скрывать досто-

верные сведения о вражьем войске от правителя и Илии.

Минуло еще два месяца, и на каждого защитника города пришлось по пяти ассирийских солдат. Теперь они могли в любую минуту пойти на приступ.

Илия же с недавних пор подозревал, что начальник скрывает истинную численность вражеских войск, но считал, что это ему на руку: когда соотношение достигнет предела, легче будет убедить горожан в том, что ничего, кроме мира, не остается.

Он размышлял об этом по дороге на площадь, где раз в семь дней разбирал, кто прав, а кто виноват. Разумеется, дела были пустячные: то соседи поссорятся, то старики заявят, что не желают больше платить подати, то купцы сочтут, что к ним отнеслись предвзято и мешают торговать.

Правитель тоже появлялся там время от времени, чтобы посмотреть, как действует Илия. Былая неприязнь исчезла бесследно, Илия понял, что тот, хоть и не верит в духовный мир и боится смерти, достаточно мудр, чтобы сознавать: чем искать выход из трудного положения, лучше в него не попадать. Случалось даже так, что правитель применял власть, которой был облечен,

и решение Илии обретало силу закона. Бывало, впрочем, что он возражал против приговора, и с течением времени Илия понимал его правоту.

Акбар превращался в образцовый финикийский город. Правитель ввел более справедливую систему податей, замостил улицы и разумно распоряжался собранными средствами. Одно время Илия, убедившись, что большая часть ссор, которые ему приходилось разбирать, разыгрывались спьяну, просил запретить продажу вина и пива. Однако правитель ответил, что без этого и город не город, а кроме того, давнее предание гласит: боги, которым нравится, когда люди предаются после трудовой недели отдохновению, оберегают пьяных.

И потом, здешний край славился тем, что здесь выделывали лучшее вино в мире, так что, если местные перестанут пить, чужестранцы заподозрят неладное и перестанут его покупать. Илия подчинился решению правителя и согласился, что, когда человек весел, он лучше работает.

— Тебе не стоит так уж надрываться, — сказал ему правитель перед тем, как Илия приступил к делу. — Советник всего лишь высказывает правителю свое мнение.

— Я тоскую по своей отчизне и мечтаю вер-

нуться туда. А когда я занят этими делами, могу чувствовать себя нужным и забыть, что я чужестранец, — отвечал Илия.

А про себя добавил:

«И обуздывать свою любовь».

* * *

Посмотреть на заседания этого суда всегда стекалось множество зрителей. Вот и сейчас уже собралась публика: старики, которые не в силах были работать в поле, пришли из любопытства и чтобы встретить рукоплесканиями или свистом решения Илии; других непосредственно интересовали сами дела, ибо в зависимости от их исхода они могли бы пострадать или, напротив, остаться в выигрыше. Были здесь — причем во множестве — дети и женщины, желавшие как-то убить время.

Началось рассмотрение дел, назначенных на это утро. Первым появился некий пастух, который мечтал о сокровищах, спрятанных где-то у египетских пирамид, и нуждался в деньгах для путешествия туда. Илия никогда не бывал в Египте, но знал, что это далеко.

И потому он сказал, что едва ли пастух раздобудет денег, если только не продаст всех своих овец,

чтобы заплатить за мечту: тогда он наверняка найдет что ищет.

Второй предстала перед ним женщина, заявившая, что хочет изучать магическое искусство Израиля. Илия ответил ей, что он не маг, а пророк.

Когда же он готовился предложить мировую крестьянину, злословившему жену соседа, на площади появился солдат и, протиснувшись сквозь толпу, приблизился к правителю.

— Наш дозор поймал лазутчика, — сказал он, утирая пот. — Сейчас его приведут сюда!

Дрожь прошла по толпе: впервые людям предстояло присутствовать на таком суде.

— Смерть ему! — выкрикнул кто-то. — Смерть нашим врагам!

Толпа одобрительно взревела. В мгновенье ока весть облетела весь город, и площадь заполнилась до отказа. Рассмотрение прочих дел пошло кувырком: каждую минуту кто-нибудь прерывал Илию, требуя, чтобы чужестранца немедля привели сюда.

— Мне такие дела неподсудны, — возражал он. — Ими должны заниматься власти Акбара.

— А зачем наш город осадили ассирийцы?! — кричали ему в ответ. — Разве невдомек им, что

мы уже много поколений ни с кем не воюем?! Зачем претендуют на нашу воду?! Зачем угрожают городу?!

Уже несколько месяцев никто не осмеливался вслух говорить о присутствии неприятеля. Хотя все видели, как растет на горизонте число шатров, хотя купцы толковали, что надобно немедля начинать мирные переговоры, народ Акбара отказывался верить в угрозу вражеского нашествия. Если не считать случавшихся время от времени налетов каких-нибудь мелких кочевых племен, которым легко давали отпор, войны существовали только в памяти жрецов. Это они говорили о народе, именовавшем себя египетским, поклонявшемся богам в обличье зверей и птиц и сражавшемся на боевых колесницах. Но и это было в незапамятные времена, и давным-давно темнокожие воины, говорившие на непонятном наречии, вернулись в пределы своей страны. Ныне жители Тира и Сидона владычествовали над морями, распространяя свою власть по всему свету, и — притом что были опытными воинами — убеждаясь, что торговлей можно добиться большего, чем мечом.

— Отчего они так взбудоражены? — спросил правитель Илию.

— Оттого, что поняли: что-то изменилось в мире. Мы с тобой оба знаем: ассирийцы могут напасть на город в любую минуту. Мы с тобой оба знаем: военачальник лжет, говоря о численности вражеского войска.

— Но ведь он не безумец, чтобы сеять панику!

— Всякий человек сознает, когда ему грозит опасность: его начинают одолевать странные предчувствия, а в самом воздухе бывает словно бы разлито ощущение угрозы. Он пытается обмануть себя, ибо полагает, что не сумеет достойно встретить беду. Вот и горожане до последней минуты обманывали себя, но настает время, когда приходится взглянуть правде в глаза.

Появился жрец.

— Пойдемте во дворец, надо собрать Совет Акбара. Начальник войска уже направляется туда.

— Не ходи, — чуть слышно шепнул Илия правителю. — Тебя заставят делать то, чего ты делать не хочешь.

— Идемте, идемте, — настойчиво повторял жрец. — Взяли лазутчика, надо принять безотлагательные меры.

— Вели, чтобы его допросили прилюдно, — продолжал шептать Илия. — Народ поможет тебе, потому что хочет мира, хоть и просит войны.

— Приведите лазутчика сюда! — приказал правитель.

Толпа радостно взревела: впервые люди будут присутствовать на заседании Совета.

— Не делайте этого! — вмешался жрец. — Дело щекотливое, и решать его надо в тишине и спокойствии.

Раздались негодующие крики.

— Приведите его сюда! — повторил правитель. — И суд устроим здесь, на этой площади, с участием всего народа. Мы вместе трудимся во имя процветания Акбара — и вместе будем устранять все, что нам угрожает.

Слова эти были встречены рукоплесканиями. Появилось несколько акбарских воинов, тащивших полуголого окровавленного человека. Было видно, что ему крепко досталось.

Выкрики стихли. Безмолвие тяжко придавило площадь, так что стало слышно, как на дальнем ее конце похрюкивают свиньи и звенят голоса играющих детей.

— Зачем же вы избили пленного? — гневно воскликнул правитель.

— Он сопротивлялся, — ответил один из стражников. — Твердил, что никакой не лазутчик. И что явился в город потому лишь, что хочет гово-

рить с тобой.

Правитель велел принести из дворца три кресла. Помощники доставили также судейскую мантию, которую он неизменно надевал на заседания Совета.

* * *

Жрец и правитель заняли свои места. Третье кресло предназначалось начальнику войска.

— Заседание суда города Акбар объявляю открытым. Пусть приблизятся старейшины.

Несколько самых почтенных граждан подошли и полукругом стали за креслами. В былые времена мнение старейшин уважалось и неукоснительно исполнялось, а теперь это была лишь дань традиции — старейшины присутствовали здесь только для того, чтобы принять любое решение правителя.

После того как исполнены были обычные формальности — вознесена молитва богам Пятой горы и провозглашены имена древних героев, — правитель обратился к пленному:

— Чего ты хочешь?

Тот молчал, но вел себя необычно: смотрел на вельможу как равный.

— Я спрашиваю: чего ты хочешь? — настойчиво

повторил правитель.

Жрец дотронулся до его руки:

— Нужен переводчик. Он не говорит на нашем языке.

Правитель отдал приказ, и один из стражников отправился за неким купцом, который мог бы объясниться с пленным. Купцы вообще никогда не присутствовали на подобных судилищах: слишком заняты они были своей торговлей и подсчетом доходов.

В ожидании переводчика жрец негромко сказал правителю:

— Лазутчика избили от страха. Позволь мне вести суд, а сам присутствуй молча. Страх разжигает в людях слепую ярость, и как бы события не вырвались из-под нашей власти…

Правитель ничего не ответил. Он и сам испытывал страх. Поискал глазами Илию, но на том месте, где тот только что стоял, никого не было.

* * *

Стражник притащил купца, который твердил, что не может терять времени: у него множество неотложных и важных дел. Однако жрец, взглянув на него сурово, велел прекратить жалобы и начать переводить.

— Итак, что тебе было здесь нужно? — задал первый вопрос правитель.

— Я не лазутчик, не соглядатай, — отвечал тот. — Я — один из ассирийских военачальников. Пришел поговорить с тобой.

Как только эти слова были переведены, толпа вновь взорвалась многоголосым криком: «Он лжет! Смерть ему! Убить его немедля!»

Жрец восстановил тишину и повернулся к пленному:

— О чем же?

— Ваш правитель известен своим благоразумием. Наша цель — захватить Тир и Сидон. Ваш город мы разрушать не хотим. Однако он стоит у нас на пути: если начнется сражение, мы потеряем и время, и людей. Давайте договоримся.

«Он говорит правду, — подумал Илия, заметив в этот миг, что окружен несколькими воинами, заслонившими его от глаз правителя. — Он думает так же, как мы. Господь явил чудо и теперь выведет нас из этого опасного положения».

Жрец поднялся и крикнул народу:

— Все слышали? Они хотят уничтожить нас, даже не вступая в бой!

— Продолжай, — сказал пленному правитель.

Но снова вмешался жрец:

— Наш правитель по добросердечию своему не хочет проливать кровь этого человека. Но идет война, и перед нами враг!

— Верно! — крикнули из толпы.

Илия осознал свой промах. Жрец играл с народом, толпившимся на площади, тогда как правитель хотел всего лишь свершить правосудие. Он сделал шаг вперед — и тотчас один из стражников оттолкнул его, а другой крепко взял за руку:

— Постой-ка здесь. Как-никак, это ведь ты придумал.

Илия оглянулся и увидел начальника войска. Тот улыбался.

— Нечего нам его слушать! — продолжал меж тем жрец, и по тому, как звучали его слова, как двигались его руки, можно было догадаться, сколь сильные чувства переполняли его. — Если покажем, что хотим только торговать, то обнаружим и свой страх. А народ Акбара отважен и вполне способен отразить любой натиск.

— Ассириец хочет мира, — сказал правитель, обращаясь к людям на площади.

А из толпы крикнули:

— Купцы хотят мира, жрецы хотят мира, правитель добивается мира. Но войско желает только

одного — войны!

— Разве вы не видите, что мы можем безо всякой войны искоренить веру Израиля? — взревел правитель. — Мы не посылали в его пределы ни войска, ни флот, а одну только Иезавель. А теперь они поклоняются Ваалу, и нам для этого не пришлось пожертвовать ни единым человеком.

— Они послали не красавицу, но своих воинов! — старался перекричать его жрец.

Народ требовал смерти ассирийца. И, крепко взяв жреца за руку, правитель сказал:

— Уймись. Ты зашел слишком далеко.

— Это ты настоял на том, чтобы суд проходил открыто и при большом стечении народа. Верней, внял совету израильтянина, которого правитель Акбара слушается, кажется, беспрекословно.

— Сейчас речь не об израильтянине. Важно понять, чего хочет этот ассириец. Спокон веку люди навязывали свою волю силой, исполняли свои желания, не удосуживаясь осведомиться о воле народа. И сколь бы обширны и могущественны ни были все их царства, они рухнули. А наш народ возвысился, потому что научился слушать других, понимать, чего эти другие хотят. И вот так мы сумели развить торговлю: слушая другого и делая все, чтобы удовлетворить его чаяния. И в

итоге мы не остались внакладе.

Жрец покачал головой.

— Слова твои кажутся мудрыми, и в этом главнейшая опасность. Говорил бы ты всякую чушь — легче было бы доказать, что ты заблуждаешься. Но сказанное тобою только что прямиком ведет нас в ловушку.

Люди, стоявшие в первых рядах, слушали этот спор. До сей поры правитель неизменно старался прислушиваться к мнению Совета, и про Акбар шла добрая слава; из Тира и Сидона приезжали послы только ради того, чтобы посмотреть, как управляется город, и слух о нем уже достиг ушей императора, так что при определенном везении правитель мог рассчитывать, что окончит свои дни на посту министра.

Но сегодня его власти был брошен вызов — на глазах у всех. Если он не примет решение, то потеряет уважение народа и уже никаких решений принимать впредь не сможет: никто не станет их выполнять.

— Продолжай, — сказал он пленнику, делая вид, что не замечает ярости, мелькнувшей в глазах жреца.

— Хочу предложить вам вот что, — молвил ассириец, и купец перевел его слова. — Вы про-

пускаете наше войско на Тир и Сидон. Когда же мы овладеем этими городами — а в этом можно не сомневаться, потому что большую часть своего войска они посадили на корабли, охраняющие торговые пути, — мы пощадим ваш Акбар. А тебя оставим на посту правителя.

— Вы слышали?! — вскричал, вскочив на ноги, жрец. — Они уверены, что наш правитель способен обменять честь Акбара на свою должность!

Толпа гневно взревела. Этот полуголый, израненный пленный вздумал устанавливать тут свои правила! Побежденный предлагает городу сдаться на свою милость как победитель! Кое-кто ринулся к помосту, чтобы расправиться с ассирийцем, и стражникам с трудом удалось оттеснить их.

— Подождите! — возвысил голос правитель. — Перед нами беззащитный, безоружный человек, нам нечего его бояться. Мы знаем, что наше войско лучше обучено, а наши воины отважней. Нам ничего никому не надо доказывать. Если мы решим сражаться, то одержим победу, хотя потери и будут велики.

Илия закрыл глаза и помолился, чтобы правителю удалось убедить горожан.

— Наши предки рассказывали нам о египетском

царстве, но те времена давно минули, — продолжал между тем правитель. — А сейчас мы возвращаемся в Золотой век, ибо и наши деды, и отцы смогли на себе испытать, сколь благодетелен мир. Зачем же мы станем нарушать обычай? Ныне войны выигрываются не удачным сражением, а торговой сделкой.

Толпа мало-помалу замолкла. Правитель достиг своей цели!

Когда же стало совсем тихо, он сказал ассирийцу:

— Того, что ты предложил, недостаточно. Вам придется еще уплатить те же пошлины, что платят купцы за право проехать через наши земли.

— Поверь мне, правитель, выбора у вас нет, — отвечал на это пленник. — Нам хватит воинов, чтоб сравнять Акбар с землей и перебить всех его жителей. Вы слишком долго живете в мире и потому позабыли, как держать в руке меч. А мы покоряем мир.

Снова послышался ропот гнева и возмущения. «Нельзя, чтобы сейчас он проявил нерешительность», — подумал Илия. Но трудно было совладать с этим ассирийцем, который продолжал диктовать свои условия, даже находясь в плену. Народ меж тем все прибывал: Илия заме-

тил, что даже купцы позакрывали свои лавки и присоединились к тем, кто стоял на площади. Всех тревожило, как будут развиваться дальнейшие события. Суд приобрел опасное значение: необходимо было что-то решать и делать выбор: либо сделка, либо смерть.

* * *

Мнения толпы разделились: одни отстаивали мир, другие требовали, чтобы Акбар оборонялся. Правитель прошептал жрецу:

— Этот человек прилюдно бросил мне вызов. Но и ты — тоже.

Жрец повернулся к нему и вполголоса, так, что никому другому не было слышно, сказал, что ассирийца следует немедленно приговорить к смерти.

— И я не прошу об этом, а требую. Я — и никто другой — поддерживаю тебя у власти и могу покончить с этим в любую минуту. Понимаешь? Я знаю, какие жертвы надо принести, чтобы вызвать гнев богов и сместить правителя. Так уже бывало: даже в тысячелетнем египетском царстве не раз свергали династии. И мир не развалился от этого, и твердь небесная не рухнула на головы.

Правитель сделался бледен.

— Военачальник со своими солдатами здесь, на площади. Станешь упорствовать и призывать к переговорам с ассирийцами, скажу, что все боги отвернулись от тебя. И ты будешь свергнут. Продолжай суд, но делай лишь то, что я тебе прикажу.

Будь Илия поблизости, правитель сумел бы с его помощью найти выход из положения: он попросил бы его сказать, что на вершине Пятой горы тот видит ангела. Он припомнил бы историю чудесного исцеления сына вдовы. И слово Илии, человека, доказавшего, что умеет творить чудеса, — противостало бы слову жреца, который никогда еще не обнаруживал сверхъестественных дарований.

Но Илия покинул его, и выбора не оставалось. Тем более что речь шла всего лишь о пленном, а ведь ни одно войско на свете не начнет войну из-за одного воина.

— Ладно, на этот раз твоя взяла, — молвил он жрецу, а сам подумал: «Когда-нибудь мы с тобой разочтемся».

Жрец кивнул в знак согласия. И тотчас был провозглашен приговор:

— Никто не дерзнет бросить вызов Акбару. И никто не войдет в пределы города без позволения

его жителей. Ты жизнью своей заплатишь за то, что осмелился сделать это. Приговариваю тебя к смерти.

Илия опустил глаза. Начальник войска улыбался.

Пленного, за которым следовала ежеминутно увеличивавшаяся толпа, повели на пустырь у городских стен. Там с него сорвали остатки одежды, и один из воинов столкнул его в глубокую узкую расщелину. У края ее, отталкивая друг друга, чтобы лучше видеть, теснились зеваки.

— Воин с гордостью носит свои доспехи и не боится предстать в них перед врагом! — крикнул правитель так, чтобы всем было слышно. — А трусливый лазутчик переодевается в женское платье! И потому он предан позорной казни, которой не заслуживают храбрецы!

Народ свистом, улюлюканьем и рукоплесканиями одобрил эти слова.

Пленник что-то произнес, но без переводчика никто не понимал его. Илия сумел пробраться через густую толпу к правителю, однако было уже поздно. И когда дотронулся до его мантии, тот со злобой оттолкнул израильтянина:

— Это ты во всем виноват! Ты захотел устроить публичное судилище!

— Не я, а ты, — ответил Илия. — Даже если бы Совет Акбара собрался за закрытыми дверьми, все равно жрец и начальник воинов настояли бы на своем. Они все продумали загодя: пока шел суд, меня окружали стражники.

По обычаю, решать, как долго будет мучиться обреченный, должен был жрец. Нагнувшись, он подобрал с земли камень и протянул его правителю. Камень был не столь велик, чтобы даровать ассирийцу быструю смерть, но и не так мал, чтобы страдания его были долги.

— Ты — первый.

— Меня вынуждают сделать это, — сказал правитель тихо, так, чтобы его слышал только жрец. — Но я знаю: мы совершаем ошибку.

— Все эти годы ты заставлял меня принимать самые суровые решения, а сам наслаждался теми, которые тешат народ Акбара, — столь же тихо ответил жрец. — Мне приходилось терзаться сомнениями и чувством вины, я не смыкал глаз по ночам, потому что мучительные думы о возможных ошибках не давали мне уснуть. Но я остался тверд, и потому сегодня нашему Акбару завидует весь мир.

Народ меж тем подбирал камни подходящего размера, и слышно было лишь, как они скреже-

щут один о другой. Жрец продолжал:

— Да, может быть, я допустил ошибку, приговорив этого человека к смерти. Но уверен в одном: мы не уронили чести Акбара, и предателей среди нас не оказалось.

* * *

Правитель размахнулся и бросил первый камень, но пленник увернулся. Тогда злобно вопящая толпа обрушила на него целый град камней.

Ассириец закрывал лицо руками, и камни попадали в грудь, спину, живот. Правитель хотел было удалиться: он видел такое много раз и знал, что приговоренного ждет медленная мучительная смерть: лицо его превратится в бесформенную массу раздробленных костей, крови и волос, а жители будут бросать камни даже после того, как душа его расстанется с телом.

Он знал: через несколько минут несчастный перестанет закрывать лицо, опустит руки. Если жил он достойно, боги сжалятся над ним и направят один из камней прямо ему в лоб, отчего он лишится чувств. Если же нет — сохранит сознание до самой последней минуты.

Толпа с криками швыряла камни со все боль-

шим ожесточением, и обреченный пока еще пытался защищаться. Но вдруг он раскинул руки и на языке, понятном его палачам, которые, оторопев, остановились, вскричал:

— Да здравствует Ассирия! Сейчас перед моим взором предстал мой народ, и я умираю счастливым, как полководец, попытавшийся спасти жизнь своим воинам. Я отправлюсь к богам! Я доволен, ибо знаю: мы покорим этот край!

— Так, значит, он понимал все, о чем мы говорили во время суда? — спросил жрец.

Да, это было так. Лазутчик говорил на их языке и знал теперь, что высшие власти Акбара не во всем согласны друг с другом.

— И я не попаду в ад, — продолжал он, — потому что образ моей страны придает мне достоинства и силы! Он тешит меня и радует! Да здравствует Ассирия!

Горожане, оправившись от удивления, вновь взялись за камни. Пленник теперь не пытался прикрыться — он умирал, как пристало воину. Еще несколько мгновений — и боги сжалились: его оглушил камень, попавший в лоб.

— Теперь мы можем уйти, — сказал жрец. — Народ Акбара сам довершит начатое.

Илия не вернулся в дом вдовы. Сам не зная,

куда идти, он стал бродить по пустыне.

— Господь не вмешался, — говорил он траве и камням. — А ведь мог бы.

Он раскаивался в своем решении и корил себя за то, что по его вине погиб еще один человек. Если бы Совет Акбара заседал, как всегда, без посторонних, правитель мог бы взять туда с собой и Илию, и тогда они вдвоем выступили бы против жреца и военачальника. Успех и в этом случае был бы сомнителен, но все же дело было бы не столь безнадежно, как на площади.

И вот еще что: на Илию глубокое впечатление произвело то, как жрец обращался с многолюдной толпой. Даже не соглашаясь с тем, что тот говорил, он не мог не признать, что жрец глубоко и досконально познал науку вести за собой людей. Илия пытался накрепко запомнить малейшую подробность того, что видел, ибо знал: когда-нибудь ему придется предстать в Израиле перед царем Ахавом и царевной Сидонской.

Он брел без цели, поглядывая на горы, на город, на видневшийся в отдалении лагерь ассирийцев. Сам он был лишь крохотным пятнышком в этой бескрайней долине, а вокруг простирался огромный мир — до того огромный, что, хоть всю жизнь шагай, все равно до конца его не дойдешь. Его

друзья, его враги, судя по всему, лучше понимают землю, на которой живут: они могут странствовать по чужим краям, плавать по неведомым морям, любить женщин и не терзаться из-за этого виной. Никто из них не слышит уж ангела, приходившего к ним в детстве, никто не собирается сражаться во имя Господа. Они проживают свои жизни в полном согласии с тем, чего требует от них настоящая минута, — и счастливы.

Но ведь и он, Илия, — такой же, как все прочие, и сейчас, шагая по этой равнине, хочет никогда больше не слышать голоса Господа и ангелов Его.

Однако жизнь считается не с желаниями нашими, но — с деяниями. Илия вспомнил, что уже не раз пытался отказаться от своего предназначения и тем не менее вот он стоит здесь, посреди долины. Ибо такова воля Господа.

— Господи, а ведь я мог бы остаться всего лишь плотником, и все равно был бы полезен Тебе в Твоих трудах.

Но не остался. Он стоит здесь, исполняя то, что требуют от него, и несет тяжкое бремя близкой войны, и резни, учиненной Иезавелью над пророками, и гибели забитого камнями ассирийца, и страха, который внушает ему любовь к женщине

из Акбара. Господь вручил ему дар, а он не знает, что с ним делать.

Вот замерцал посреди равнины свет. Нет, это был не ангел-хранитель, которого он всегда слышал, но редко видел. Это был ангел Господень, явившийся утешить его.

— Я ничего больше не могу сделать здесь, — сказал Илия. — Когда я вернусь в Израиль?

— Когда научишься восстанавливать разрушенное, — отвечал ангел. — Но помни, что Господь перед сражением внушил Моисею. С толком используй каждое мгновение, чтобы потом не раскаиваться, не горевать, что попусту провел юные годы. Господь захотел, чтобы у каждого возраста человеческого были свои тревоги и свои заботы.

И *сказал Господь Моисею: «Не бойтесь, да не ослабеет сердце ваше перед сражением, не ужасайтесь перед врагами вашими. И кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не воспользовался им. И кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее».*

Илия еще некоторое время шел, силясь уразуметь услышанное. Когда же он собрался в обратный путь, увидел возлюбленную свою: она сидела на камне у подножья Пятой горы, всего в нескольких минутах ходьбы от того места, где находился он.

«Что она делает здесь? Неужели узнала о суде, о приговоре и казни и о том, какая опасность нависла над всеми нами?»

Ее надо было немедля предупредить. Илия решил приблизиться.

Она заметила его и помахала рукой. Илия как будто позабыл наставления ангела, потому что нерешительность вновь обуяла его. Он попытался притвориться, будто удручен тем, что происходит в Акбаре, чтобы вдова не заметила, какой разброд царит в его мыслях, какая смута — в душе.

— Что ты делаешь здесь? — спросил он, подойдя.

— Ищу вдохновения. Письмена, которые я учу, навели меня на мысли о том, как очерчены долины и горы, как выстроен наш Акбар. Купцы дали мне разноцветных красок, чтобы я писала для них. Я думала, как изобразить мир, в котором живу, но поняла, что это — непосильная задача: у меня есть цвета, но лишь один Господь может

смешать их так гармонично.

Вдова, не сводившая глаз с Пятой горы, была так не похожа сейчас на ту женщину, которую Илия встретил несколько месяцев назад за сбором хвороста. Она сидела в полном одиночестве посреди пустынной долины, и это рождало в его душе чувство какого-то почтительного доверия.

— Почему у всех прочих гор есть имена и только эта названа Пятой? — спросил он.

— Чтобы не посеять розни между богами, — ответила она. — Как гласит предание, если человек даст этой горе имя одного какого-нибудь бога, остальные разгневаются и уничтожат землю. Потому она и зовется просто Пятой — пятой по счету, если смотреть с городской стены. И так мы не обижаем никого из богов, и Вселенная остается на своем месте.

Они помолчали. Первой заговорила женщина.

— Кроме цветов, я думаю еще и о том, какую опасность таит в себе Библос. Этот алфавит может оскорбить финикийских богов и самого Создателя.

— Только Он один и существует, — сказал Илия. — И лишь у диких народов нет своего письма.

— Нет-нет, это — другое… В детстве я любила

приходить на городскую площадь и смотреть, как пишет каллиграф по заказу купцов. Его рисунки, основанные на египетском письме, требовали большого умения и знания. А теперь некогда могущественный Египет впал в ничтожество и никто не говорит больше на его языке. Тогда как мореплаватели Тира и Сидона распространяют Библос по всему свету. Слова, обозначающие священные обряды, заносятся на глиняные таблички и передаются от одного народа к другому. Что станет с нашим миром, если не слишком совестливые люди начнут с помощью этих ритуалов и таинств вмешиваться в жизнь Вселенной?

Илия понимал, о чем говорила вдова. Библос был основан на простых началах: египетские иероглифы стоило лишь перевести в звуки, а потом каждый из них обозначить буквой. Потом расставить их по порядку — и можно будет, передавая любые сочетания звуков, описать все, что есть во Вселенной.

Кое-какие из этих звуков выговорить было трудно, но с трудностью этой справились греки, которые добавили еще пять — назвав их *гласными*— к двадцати с чем-то остальным буквам Библоса. И нарекли все это *алфавитом,* этим именем теперь обозначали новую письменность.

И все это очень облегчало торговлю между странами с разными укладами и обычаями. Египетское письмо требовало и места, и большого умения, и глубоких знаний: его навязали покоренным народам, но упадка могущественной империи оно пережить не смогло. Библос же стремительно распространялся по всему свету и уже нисколько не зависел от того, насколько процветает Финикия.

Усовершенствованный греками Библос пришелся по вкусу купцам разных стран: как повелось исстари, именно они определяли, что должно остаться в Истории, а что подлежит забвению сразу после смерти такого-то царя или полководца. По всему выходило, что финикийскому изобретению суждено стать языком, общим для всех торговых людей, и пережить и мореплавателей, и царей, и обольстительных цариц, и виноделов, и искусных стеклодувов.

— Значит, Бог не будет жить в словах? — спросила вдова.

— Нет. Он пребудет и в них. Но каждому человеку придется самому держать перед Ним ответ за все написанное.

Женщина достала из рукава глиняную табличку, испещренную какими-то письменами.

— Что это значит? — промолвил Илия.

— Здесь написано слово «любовь».

Илия сжимал в руках табличку, не смея спросить, почему женщина дала ее ему. Выведенные на кусочке обожженной глины черточки исчерпывающе и кратко объясняли, почему еще светят с неба звезды, почему ходят по земле люди.

Он хотел было вернуть табличку, однако вдова отстранила его руку:

— Я написала это для тебя. Тебе. Я знаю, сколь остро ты ощущаешь свою ответственность. Знаю, что настанет день — и тебе придется уйти отсюда, и ты превратишься во врага моей страны, ибо хочешь низвергнуть Иезавель. И в этот день, быть может, я стану на твою сторону, окажу тебе поддержку и содействие, чтобы ты исполнил свое предназначение как нельзя лучше. А быть может, буду бороться с тобой, потому что в жилах Иезавели течет кровь моего народа. А слово, которое сейчас у тебя в руках, исполнено многих тайн. И никому не дано знать, что пробудит оно в сердце женщины. Никому, даже пророкам, говорящим с Богом.

— Написанное тобой слово мне известно, — отвечал Илия, бережно пряча табличку. — Дни и ночи я сопротивлялся силе его. И если не дано

предугадать, что пробуждает оно в сердце женщины, зато я знаю, что способно оно сделать с мужчиной. Мне достанет отваги противостоять царю Израиля, царице Сидона, совету Акбара, но одно-единственное это слово — *любовь* — вселяет в меня ужас. И еще прежде, чем твои руки вывели его на глиняной табличке, твои глаза вписали его в мое сердце.

Он и она молчали. Мученической смертью погиб ассириец, напряжение в Акбаре достигло предела, в любой миг Господь мог воззвать к Илии, но написанное вдовой слово оказалось сильнее всего этого.

Илия протянул руку, вдова сжала ее. Так и сидели они до тех пор, пока солнце не скрылось за гребнем Пятой горы.

— Благодарю тебя, — сказала женщина, когда они шли назад. — Уже очень давно мне хотелось провести с тобой эти предвечерние часы.

А дома их ждал посланец правителя. Илию срочно требовали во дворец.

* * *

— Трусостью своей ты отплатил мне за помощь и поддержку, — сказал правитель. — Что мне сделать с твоей жизнью?

— Жизнь моя расчислена не тобой, а Господом, — отвечал Илия. — И Ему, а не тебе распоряжаться ею.

Мужество его удивило правителя.

— Я могу сейчас же отрубить тебе голову. Могу приказать, чтобы тебя протащили по улицам города, выкликая: «Этот человек принес несчастье нашему народу». И это будет мое решение — мое, а не твоего Единого Бога.

— Чему быть, того не миновать. Но знай — я не сбежал, не покинул тебя: стражники окружили меня и не дали приблизиться. Их начальник хочет войны и сделает все, чтобы добиться своего.

Правитель решил не тратить больше времени на никчемные словопрения. Надо было изъяснить свой замысел израильскому пророку.

— Нет, это не начальник хочет войны: как человек, сведущий в военном деле, он ясно сознает, что воины его малочисленны, не имеют боевого опыта, а потому будут истреблены противником. Как человек чести, сознает он и то, что может стать посмешищем в глазах потомков и боится этого позора. Но гордыня и тщеславие ожесточают его сердце. Он полагает, что противник испытывает страх. И не знает, как вышколены ассирийские воины: когда новобранец приходит

в войско, бросают в землю семечко и ежедневно заставляют юного воина перепрыгивать через то место, где зарыто оно. Косточка дает росток. Росток делается саженцем. А новобранец прыгает себе да прыгает. Не злится, не считает это зряшной тратой времени. Деревце растет, и воин прыгает все выше. Так учат их терпению и упорству в преодолении препятствий. Ассирийцы привыкли трезво оценивать то, что им предстоит. Ведь за нами они наблюдают уже несколько месяцев…

Илия прервал его:

— Кому выгодна война?

— Жрецу. Я понял это во время суда над лазутчиком.

— А почему она ему выгодна?

— Не знаю. Однако ему хватило ловкости, чтобы убедить военачальника и народ. И сейчас весь Акбар на его стороне. И я вижу только один выход из трудного положения, в котором мы оказались.

Он надолго замолчал, пристально поглядел израильтянину в глаза:

— Это — ты.

Потом стал расхаживать взад-вперед и торопливо, обнаруживая душевное волнение, заговорил:

— Купцы тоже хотят мира, но ничего не могут

сделать. Помимо этого, они накопили достаточно, чтобы перебраться в другой город или дождаться, когда захватчики начнут покупать их товары. Прочие же жители окончательно утратили разум и требуют, чтобы мы ударили на врага, многократно превосходящего нас численностью. И только одно может заставить их отказаться от этого — чудо.

— Чудо? — насторожился Илия.

— Ты воскресил мальчика, уже унесенного смертью. Ты помог народу обрести свой собственный путь. Ты — хоть и чужестранец — любим почти всеми в Акбаре.

— Так было до сегодняшнего утра. Теперь все иначе. При тех настроениях, которые царят сейчас в городе, всякий, кто ратует за мир, будет сочтен изменником.

— Не надо ни за что ратовать. Надо свершить чудо такое же, как воскрешение сына вдовы. А потом сказать народу, что мир — это единственный выход. И жрец полностью утратит свою власть над умами и душами.

Опять наступило молчание. И правитель продолжал:

— Я склоняюсь к тому, чтобы заключить с тобой соглашение: если выполнишь мою просьбу, в Ак-

баре будут поклоняться только твоему Единому Богу. Ты возвеселишь сердце Того, кому служишь, а я продолжу переговоры о мире.

* * *

Придя в дом, Илия поднялся в свою комнату. Правитель предоставил ему возможность, какой никогда не бывало ни у одного пророка: обратить в истинную веру целый финикийский город. Можно ли больнее уязвить Иезавель, отплатив ей сполна за все, что она натворила в его стране?!

Слова правителя распалили его воображение и обратили мысли к женщине, спавшей в комнате внизу. Но тотчас приняли иное направление: должно быть, ей снится тот прекрасный вечер, который они провели вместе.

Он призвал своего ангела. И тот явился.

— Ты слышал, что сказал мне правитель? Это — единственная возможность…

— Так не бывает, — отвечал ангел. — Господь дает людям множество возможностей. И потом, вспомни, что было сказано: ни одного чуда сотворить тебе будет не дано, пока не вернешься в лоно своей отчизны.

Илия поник головой. В этот миг возник рядом ангел Господень и голос ангела-хранителя сде-

лался неслышен. И первый сказал так:

«Ты свершишь чудо, и заключаться оно будет вот в чем:

Собери народ Акбара у подножья горы. Вели, чтобы с одной стороны воздвигли капище Ваала и в жертву ему был принесен бычок. С другой стороны пусть поставят алтарь Господа Бога твоего и на алтарь тоже возложат тушу бычка.

И ты скажешь приверженцам Ваала: воззовите к вашему богу, я же произнесу имя Господа. Пусть они действуют первыми, пусть все утро взывают к нему и молятся, чтобы Ваал сошел и принял принесенную ему жертву.

Они будут взывать громогласно, и полосовать себя ножами, и молить, чтобы бог не отверг их жертву. Но ничего не произойдет.

Когда же они выбьются из сил, наполни водой четыре сосуда и вылей ее на тушу твоего бычка. Сделай это во второй раз. И — в третий. Потом воззови к Богу Авраама, Исаака, Израиля, прося Его всем явить свое могущество.

В этот миг Господь пошлет огонь с небес и уничтожит жертву твою».

Илия преклонил колени и вознес хвалу.

— Помни, — продолжал ангел, — что чудо это

дано тебе будет сотворить лишь раз в жизни. Выбор за тобой: либо сделай его здесь, чтобы избежать сражения, либо в отчизне твоей, чтобы избавить свой народ от Иезавели.

С этими словами он удалился.

* * *

Вдова проснулась рано и увидела: Илия сидит на пороге. Глаза у него запали, как бывает после бессонной ночи.

Хотела было спросить, что случилось, но побоялась того, что могла услышать в ответ. То ли разговор с правителем и близкая угроза войны лишили его сна, то ли причина была в другом — в той глиняной табличке, что дала она ему накануне. И если так, то не услышит ли она, что женская любовь несовместна с Господними предначертаниями. А потому она произнесла лишь:

— Иди поешь.

Мальчик тоже проснулся. Все трое сели за стол и принялись за еду.

— Мне хотелось остаться с тобой вчера, — сказал Илия, — но я был нужен правителю.

— О нем ты можешь не беспокоиться, — отвечала вдова, почувствовав, что унялась тревога, заставлявшая ее сердце колотиться. — Его род из

поколения в поколение правит Акбаром, так что ему ли не знать, что делать в час опасности.

— И еще я говорил с ангелом. И он потребовал, чтобы я принял очень трудное решение.

— И по этому поводу тоже не надо беспокоиться. А еще лучше будет поверить, что у каждого времени — свои боги. Мои предки поклонялись египетским божествам, принимавшим облик животных и птиц. Где они теперь? А потом — пока ты не появился у нас — мы приносили жертвы Ваалу, Астарте и всем прочим обитателям Пятой горы. Теперь я познала Господа, но ведь и Он когда-нибудь покинет нас, а те, кто придет Ему на смену, будут менее взыскательны.

Мальчик попросил пить. Воды не оказалось.

— Я схожу и принесу, — сказал Илия.

— Я с тобой! — воскликнул мальчик.

* * *

Они направились к колодцу. По дороге увидели пустырь, где с раннего утра начальник воинов муштровал своих солдат.

— Давай посмотрим немножко, — попросил мальчик. — Когда вырасту, тоже стану воином.

Илия согласился.

— Кто из нас лучше всех владеет мечом? —

спрашивал воин.

— Отправляйся туда, где вчера побили камнями лазутчика, — отвечал ему начальник. — Выбери камень побольше и оскорби его.

— Зачем это? Камень ничего не скажет мне в ответ.

— Тогда ударь его мечом.

— Меч сломается. И я ведь не об этом тебя спрашиваю, я хочу знать, кто лучше всех владеет мечом.

— Тот, кого можно уподобить камню, — ответил начальник. — Тот, кто, даже не обнажая оружие, способен доказать, что непобедим.

— Правитель прав, — подумал Илия. — У него — светлая голова. Жаль, что блеск гордыни затмевает этот свет.

* * *

Они пошли дальше. Мальчик спросил, почему воины так много упражняются.

— Не только воины. Так поступает и твоя мать, и я, и все, кто следует голосу сердца. В жизни ничто не дается даром, все требует подготовки.

— Даже для того, чтобы стать пророком?

— Даже для того, чтобы слышать ангелов. Нам до такой степени хочется поговорить с ними,

что мы не слышим, что они говорят. Это вообще нелегкое дело: когда мы молимся, мы спешим покаяться в грехах или сообщить о том, чего бы нам хотелось получить в жизни. Но Господь и так все знает и просит порою, чтобы мы просто прислушались к тому, что говорит Вселенная. И набрались терпения.

Мальчик глядел на него удивленно. Едва ли он что-либо понимал, но Илия все же счел нужным продолжить свои рассуждения. Быть может, хоть одно слово останется в памяти и потом, когда мальчик станет взрослым, в трудную минуту поможет ему.

— Всякая битва чему-нибудь да учит нас — даже та, которую мы проиграли. Вот вырастешь — сам поймешь, что приходилось тебе отстаивать ложь, обманывать самого себя, терзаться из-за сущих пустяков. Если станешь хорошим воином, то не будешь винить себя в этом, но и не допустишь повторения таких ошибок.

Тут Илия решил все же замолчать: в таком возрасте мальчику не под силу понять, о чем он толкует. Они шли медленно, и Илия оглядывал улицы города, некогда давшего ему приют, а ныне стоявшего на пороге небытия. Случится ли это — зависит от того, какое решение примет

он, Илия.

Акбар в этот день как-то притих. Люди, толпившиеся на главной площади, переговаривались вполголоса, словно опасаясь, что ветер донесет их слова туда, где разбили свой лагерь ассирийцы. Старики уверяли всех, что все обойдется, юноши пылко предвкушали сражение, купцы и ремесленники обсуждали, не перебраться ли до лучших времен в Тир или Сидон.

«Да, — подумал Илия, — им это нетрудно будет сделать. Купцы могут перевезти свои товары в любую точку земного шара, ремесленники — мастерить свои изделия и там, где звучит непонятная речь. А вот мне не обойтись без позволения Господа».

* * *

Они дошли до источника и набрали два ведра воды. Обычно здесь всегда было многолюдно: женщины стирали, красили ткани, судачили обо всем, что происходило в городе. Здесь, у источника, все тайное становилось явным: и торговые сделки, и супружеские измены, и соседские дрязги, и сокровенные подробности из жизни сильных мира сего. И все эти важные или пустяковые новости обсуждались, оценивались,

расхваливались или поносились. И даже в те месяцы, когда неприятельских сил у ворот Акбара становилось все больше, чаще и охотней всего говорили здесь о царевне Иезавели, покорившей сердце израильского царя. Превозносили ее неустрашимый нрав, ее храбрость, и никто не сомневался, что, случись с городом беда, царевна вернется в отчий край, чтобы отомстить.

Но сегодня у источника было почти безлюдно. Несколько женщин толковали между собой о том, что надо бы собрать в поле сколько удастся зерна, потому что ассирийцы того и гляди перекроют все входы-выходы из города. Две из них собирались у подножья Пятой горы принести жертвы богам, чтобы сберегли их сыновей в предстоящей битве.

— Жрец сказал, что мы способны продержаться много месяцев, — сказала одна из них Илии. — Лишь бы у нас хватило отваги отстоять честь Акбара, а боги придут к нам на помощь.

— Враг нападет на нас? — испугавшись, спросил мальчик.

Илия ничего не сказал ему, ибо ответ зависел от того выбора, перед которым поставил его вчера ангел.

— Мне страшно… — повторял мальчик.

— Это всего лишь доказывает, что ты любишь жизнь. В иные минуты человеку бывает страшно — это естественно.

* * *

Илия с мальчиком вернулся домой еще до полудня. Вдова расставила вокруг себя склянки с разноцветными красками.

— Мне надо работать, — сказала она, оглядывая буквы и недописанные предложения. — Давно не было дождей, город весь в пыли… Кисточки высыхают, краски перемешиваются с пылью, писать делается все трудней.

Илия, продолжая хранить молчание — не хотелось обременять ее своими тревогами, — сел в углу, погрузился в свои думы. Мальчик пошел играть с друзьями.

«Он размышляет, не надо мешать ему», — подумала женщина и попыталась сосредоточиться на работе.

Целое утро провозилась она, потратив вдвое больше времени, чем обычно, чтобы вывести несколько слов, и винила себя в том, что не оправдала возложенных на нее ожиданий. А ведь ей впервые в жизни представилась возможность самой заработать денег.

И она вновь взялась за работу. Материалом ей служил папирус — один купец недавно привез его из Египта, попросив вывести на нем кое-какие торговые письма, которые намеревался отослать в Дамаск. Лист был скверного качества, кисть то и дело оставляла на поверхности кляксы. «И все равно, — думала она, — как ни трудно, а лучше, чем процарапывать слова по глине».

В соседних странах принято было писать письма на глиняных табличках или на выделанных кусках кожи, называвшихся пергаментом. Хотя Египет давно уж клонился к упадку и принятое там письмо давно было не в ходу, именно египтяне открыли простой и удобный способ вести разного рода записи — об исторических событиях или торговых сделках: разрезали на кусочки траву, росшую по берегам Нила, потом простейшим образом присоединяли их друг к другу так, что получался лист желтоватого цвета. В Акбаре, лежавшем в долине, папирус изготовлять было невозможно, и приходилось закупать его в других странах. Стоил он дорого, но купцы все равно отдавали предпочтение ему, ибо исписанные листы — не в пример глиняным табличкам или пергаменту — можно было свернуть в трубку и спрятать в карман.

«Да уж, так гораздо проще», — думала вдова.

Жаль, конечно, что без особого разрешения властей нельзя было использовать Библос. Стародавний и давно устаревший закон гласил, что все написанное подлежит рассмотрению в Совете Акбара.

Завершив работу, женщина показала ее Илии, который все это время сидел молча, уставившись неведомо куда.

— Нравится? — спросила она, и звук ее голоса вывел его из оцепенения.

— Да, красиво, — ответил он бездумно.

«Наверное, он говорит с Господом», — подумала вдова и, чтобы не мешать ему, ушла.

Когда она вернулась, приведя с собой жреца, Илия сидел на прежнем месте. Они довольно долго глядели друг на друга, не произнося ни слова.

Первым нарушил молчание жрец:

— Ты — пророк и разговариваешь с ангелами. Я всего-навсего толкую древние законы, исполняю обряды и пытаюсь уберечь мой народ от непоправимых шагов. Я знаю, что это не люди сражаются друг с другом. Идет война богов. И потому я не вправе уклоняться от нее.

— Меня восхищает твердость твоей веры, хоть ты и поклоняешься несуществующим богам, —

отвечал ему Илия. — Если станет по слову твоему, и впрямь начнется битва богов, Господь изберет меня своим орудием, чтобы низвергнуть Ваала и прочих обитателей Пятой горы. Тебе давно уже надо было приказать убить меня — так было бы лучше.

— Я думал об этом. В этом не было необходимости. В нужную минуту боги оказались ко мне благосклонны.

Илия промолчал. Жрец повернулся, взял папирус, исписанный рукою вдовы.

— Красиво… — заметил он.

Потом внимательно прочел текст, снял с пальца перстень, смочил его краской и приложил к левому углу папируса. Человеку, при котором обнаружили бы папирус, не скрепленный печатью жреца, грозила смертная казнь.

— Зачем ты неизменно делаешь это? — спросила вдова.

— Затем, что здесь содержатся мысли. А мысли наделены могуществом.

— Это всего лишь какие-то торговые счета.

— Может быть и так. Но эти письмена могли бы оказаться и планом битвы. Или нашей сокровенной молитвой. Или сведениями об акбарской казне. В наше время, с появлением папируса и

букв, так легко стало похитить духовные сокровища народа. Попробуй-ка спрятать глиняные таблички или пергамент, а папирус и Библос способны покончить с культурой любой страны и в конце концов — разрушить мир.

В этот миг в дом вбежала какая-то женщина:

— О жрец! Скорей! Взгляни на то, что происходит!

Илия и вдова поспешили за ними следом. Отовсюду бежали люди, направляясь в одну и ту же сторону, и от пыли, взметенной множеством ног, нечем было дышать. Впереди со смехом неслись дети, которым все казалось забавной игрой. Взрослые следовали за ними помедленнее и в молчании.

Когда достигли Южных ворот, там уже собралась изрядная толпа. Жрец проложил себе дорогу в людской толчее и осведомился о причинах такого смятения.

Один из воинов, охранявших ворота, стоял на коленях, раскинутые в сторону руки его были приколочены к деревянному брусу, взваленному ему на плечи, в левой глазнице торчало древко дротика. Одежды были разорваны в клочья, и на обнаженной груди острием кинжала были выведены какие-то ассирийские письмена. Жрец

знал египетский язык, изучать же ассирийский до сих пор никто не считал нужным, и потому пришлось обратиться за содействием к стоявшему тут же купцу.

— «Объявляем вам войну», — перевел тот.

Толпившиеся вокруг люди молчали. Илия видел, как смертельный страх искажает их черты.

— Дай меч! — приказал жрец одному из воинов.

Тот повиновался и протянул ему свое оружие, жрец стремительно всадил клинок в сердце стоявшего на коленях человека, и тот со стоном упал наземь. Смерть избавила его от страданий и от позора — ведь ассирийцы застигли его врасплох. Жрец велел известить о случившемся правителя и начальника войска, а потом сказал:

— Завтра у подножья Пятой горы я принесу жертвы. И тогда боги вновь вспомнят о нас.

И обернувшись к Илии, добавил:

— Ты все видел своими глазами. Небеса по-прежнему благосклонны…

— Только одно хочу спросить у тебя. Зачем ты жертвуешь своим народом?

— Затем, что необходимо истребить некое изобретение…

И вспомнив, о чем говорил жрец в доме вдовы,

понял Илия, что речь шла об алфавите.

— Ты опоздал. Оно уже распространилось по всему свету, ассирийцам же не под силу завоевать его целиком.

— С чего ты взял, что не под силу? Боги Пятой горы — на их стороне.

* * *

Несколько часов кряду, как и накануне, брел Илия по равнине. Он знал, что в запасе еще остаток дня, вечер и ночь — войны не начинаются в темноте, ибо нельзя отличить врагов от своих. И еще он знал, что Господь дает ему возможность спасти город, в котором некогда обрел он пристанище.

— Соломон знал бы, что сейчас надлежит делать, — говорил он своему ангелу. — И Давид, и Моисей, и Исаак. Господь удостаивал их своим доверием, я же — всего-навсего нерешительный раб. Господь оставляет за мной выбор, который должен принадлежать Ему одному.

— История твоего народа на первый взгляд изобилует свидетельствами того, как нужный человек оказывался в нужном месте, — отвечал ангел. — Но ты не верь этому, ибо Господь требует от каждого лишь то, что ему по силам.

— Значит, во мне Он обманулся.

— Всякая скорбь уйдет, как и пришла. Точно так же, как победы и поражения целых стран.

— Я не забуду об этом, — сказал Илия. — Но и минуя нас, горести оставляют неизгладимые следы, тогда как от торжества остаются лишь никчемные воспоминания.

Ангел ничего не ответил на это.

— Отчего же я, столько времени проведя в Акбаре, не смог найти единомышленников и вместе с ними отстоять мир? Чего стоит пророк в одиночку?

— Спроси лучше, чего стоит солнце, в одиночку свершающее свой путь в небе? Чего стоит гора, что высится посреди равнины? Или источник? Они указывают, каким путем должен следовать караван.

— Сердце мое изнывает от печали, — сказал Илия. Он опустился на колени, воздел руки. — О, если бы я мог умереть здесь, никогда не обагряя руки кровью моего или чужого народа! Взгляни назад — что ты видишь?

— Ты ведь знаешь — я слеп, — ответил ангел. — Глаза мне до сих пор застилает сияние Славы Господней, и потому ничего больше мне видеть не дано. Только то, что поведает мне твое сердце.

И еще я способен уловить некое дуновение — так дают себя знать подстерегающие тебя опасности. А о том, что позади, я знать не могу.

— Тогда я скажу тебе: там — Акбар. Он красив в этот час, позлащенный послеполуденным солнцем. Я привык к его улицам и крепостным стенам, я полюбил его великодушных и гостеприимных жителей. Пусть они опутаны предрассудками, пусть чересчур влекутся к торговым сделкам, но сердца их так же чисты, как и у любых других народов. Я узнал от них очень много неведомого мне прежде, а взамен выслушал бессчетные жалобы и скорби, и с Божьей помощью умел иногда по справедливости разбирать их ссоры. Мне часто грозила опасность, но всякий раз кто-нибудь да избавлял меня от нее. Так почему же теперь передо мной выбор: спасти этот город или освободить мой народ?!

— Потому что человек должен выбирать. На этом зиждется сила его.

— Но это — трудный выбор. Чтобы спасти один народ, мне придется обречь на гибель другой.

— Поверь, еще трудней выбрать собственный путь. Тот, кто не делает выбор, умирает в глазах Господа, пусть даже при этом он дышит и ходит по улицам. И потом — никто ведь не умирает. Веч-

ность примет в свои объятия все души, каждая из них продолжит исполнять предначертанное ей. Есть причина для бытия всего сущего под солнцем.

Илия снова воздел руки к небу:

— Народ мой отринул Господа из-за красоты женщины. Финикии грозит гибель из-за того, что жрец полагает, будто *алфавит* несет в себе угрозу. Почему же Тот, Кто сотворил этот мир, вписал в книгу судеб такие горестные страницы?

Крики Илии разносились по равнине и гулким эхом возвращались к нему.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, — ответил ангел. — Нет горестного, есть лишь неизбежное. Все на свете исполнено смысла, но надо научиться отличать преходящее от вечного.

— А что же преходяще? — спросил Илия.

— То, что неизбежно.

— А что тогда вечно?

— Уроки, извлеченные нами из неизбежности.

И с этими словами ангел покинул его.

В тот же вечер за ужином Илия сказал вдове и сыну ее:

— Собирайтесь. Может статься, нам в любую минуту придется уходить.

— Вот уже двое суток, как ты не спишь, — ска-

зала женщина. — Вчера днем приходил за тобой посланец правителя. Я сказала — ты в долине, там и заночуешь.

— Ты поступила правильно, — ответил Илия.

Он ушел в свою комнату, лег и сразу провалился в глубокий сон.

А наутро проснулся от грома музыки. Спустился узнать, что случилось, и увидел в дверях мальчика. Глаза у того горели восторгом.

— Видишь?! — воскликнул он. — Война!

К южным воротам, соразмеряя шаг с раскатами барабанной дроби, строем двигался отряд воинов в полном боевом вооружении, придававшем им вид особенно грозный и внушительный.

— А ведь еще вчера тебя это страшило, — сказал Илия.

— Да ведь я не знал, что у нас так много воинов. Должно быть, лучше их на свете нет!

Илия, оставив его, вышел на улицу. Ему во что бы то ни стало нужно было увидеться с правителем. Другие горожане, тоже разбуженные воинственной музыкой, завороженно смотрели, как чеканит шаг и держит равнение строй облаченных в доспехи воинов, как играет на щитах и наконечниках копий рассветное солнце. Да, начальнику впору было позавидовать: ему удалось

справиться с задачей: подготовить свое войско втайне от всех, и теперь он — это-то и томило душу Илии — способен был убедить весь город, что победа над ассирийцами возможна.

Илия проложил себе путь между рядами и пробился в голову колонны, где ехали верхом правитель и военачальник. Чтобы держаться вровень с ними, ему пришлось почти бежать.

— Но ведь мы же договорились! — крикнул он. — Я могу сотворить чудо!

Правитель ничего ему не ответил. Колонна вышла за городские стены и двинулась по равнине.

— Ты же знаешь, что это войско грозно только на вид! Ассирийцев впятеро больше, а их боевая выучка несравнима с нашей! Не допусти гибели Акбара!

— Чего тебе надо от меня? — спросил правитель, не замедляя рыси. — Вчера вечером я посылал за тобой, но ты был за городом. Что я могу сделать теперь?

— Пойми, что встречаться с ассирийцами в открытом бою — это самоубийство! Вы оба знаете, что это так.

Начальник слушал молча: он уже успел предварительно обсудить с правителем свой замысел — израильского пророка ожидало нечто совсем

неожиданное.

Илия бежал рядом с лошадьми, не зная толком, что же предпринять. Последние воины уже были за воротами.

— Господи, помоги мне! — про себя взмолился он. — Останови время, как остановил ты когда-то солнце по молитве Иисуса Навина, и сделай так, чтобы я сумел отговорить правителя!

И едва лишь успел он подумать это, как военачальник скомандовал:

— Стой!

«Быть может, мне подан знак… — сказал себе Илия. — Надо воспользоваться этим».

Воины выстроились в две шеренги, словно бы закрыв город живой стеной. Крепко уперли в землю щиты, выставили копья.

— Видишь, какие воины появились в Акбаре? — сказал правитель.

— Я вижу юнцов, которые смеются в лицо смерти, — прозвучал ответ.

— Так знай же, что здесь — лишь малая часть нашего войска. Главные силы остались в городе, на крепостных стенах. Мы приготовили бочки с кипящим маслом и выльем их на головы тех, кто отважится пойти на приступ. Съестные припасы держим в разных местах, так что, если неприя-

тель пустит стрелы с горящей паклей и подожжет город, мы не останемся без продовольствия. По расчетам нашего полководца, мы сможем выдержать почти два месяца осады. Покуда ассирийцы готовились, мы тоже времени зря не теряли.

— Вы никогда прежде не говорили мне об этом, — сказал Илия.

— Немудрено, что не говорили: ты хоть и полезен народу Акбара, а все же — чужестранец, и кое-кто из наших воинов мог бы заподозрить тебя в измене.

— Но ведь ты хотел мира!

— Мир заключить никогда не поздно, даже после начала битвы. Нужно лишь договориться о достойных и равных условиях.

И правитель рассказал, что в Тир и Сидон посланы были люди с поручением: поведать, в сколь сложном положении оказался Акбар. Правителю нелегко было просить помощи — подумали бы, что власть ускользает у него из рук, — но тем не менее он понял, что иного выхода нет.

Военачальник разработал хитроумный план: когда начнется сражение, сам он вернется в город, чтобы организовать оборону. Войско, выведенное сейчас в долину, должно будет перебить как можно больше врагов и отойти в горы. Акбарцы

знают местность как никто и потому смогут мелкими отрядами нападать на ассирийцев, не давая тем взять город в глухую осаду.

Затем прибудут свежие силы и неприятеля разгромят.

— Мы сможем держаться шестьдесят дней, но это не понадобится, — втолковывал правитель Илии.

— Но скольким горожанам суждено погибнуть!

— Двум смертям не бывать… Мы не боимся. Даже я не испытываю страха.

Да, правителя удивляла собственная отвага. Прежде он никогда не принимал участия ни в одной битве и — по мере того как приближалась опасность — собирался бежать из Акбара. Еще утром он вместе со своими приближенными размышлял, как наилучшим образом покинуть город. Ни в Тир, ни в Сидон он направиться не мог: там его обвинили бы в измене, но Иезавель наверняка оказала бы ему покровительство, ибо нуждается в преданных людях.

Но сейчас, оказавшись на поле битвы, он заметил, как светятся от счастья глаза горожан: казалось, они всю свою жизнь готовились к некоему событию, и вот наконец великий час настал.

— Страх живет лишь до той минуты, пока не случается неизбежное, — сказал он Илии. — А уж потом не стоит тратить на него душевные силы.

Илия был смущен. Он и сам чувствовал нечто подобное, но стыдился признаться в этом. И он помнил, как ликовал мальчик, глядя на шагающих под барабан воинов.

— Ступай, — сказал правитель. — Ты — чужестранец, ты безоружен, зачем тебе сражаться за то, во что не веришь?

Но Илия не шевельнулся.

— Они придут, — сказал военачальник. — И ты увидишь, как мы приготовились к встрече.

Но и теперь Илия не двинулся с места.

Сколько ни вглядывались, они не видели на горизонте ни облачка пыли — стало быть, ассирийское войско не наступало.

Воины в первой шеренге крепко сжимали древки выставленных вперед копий; лучники наполовину натянули тетивы, чтобы, едва прозвучит приказ, пустить стрелы. Кое-кто, разминаясь, вращал в воздухе мечом.

— Все готово, — повторил военачальник. — Сейчас двинутся.

Илия услышал в голосе его ликующие ноты. Он рвался в бой, чтобы явить всем и каждому свою

отвагу. И, без сомнения, представлял себе, как будет разить ассирийцев, как внесет смятение в их ряды, как потом финикийские жрецы будут ставить в пример его отвагу и воинское мастерство.

Но мысли его прервал правитель:

— Они не трогаются с места.

Илия вспомнил, как молил Господа, чтобы, как во времена Иисуса Навина, солнце остановилось посреди неба. Сейчас он хотел поговорить со своим ангелом, но не слышал его голоса.

И вот один за другим копейщики стали опускать свои копья, лучники ослабили натяжение и прочие воины спрятали мечи в ножны. Палящее полуденное солнце поднялось в зенит — то там, то тут падали, не выдержав зноя, люди, но отряд простоял в полной готовности почти до самого вечера.

А когда солнце скрылось — воины вернулись в Акбар и, казалось, были разочарованы, что им выпало прожить еще один день.

И лишь один Илия остался посреди долины. Он брел неведомо куда, пока не увидел свет. И ангел Господень возник перед ним.

— Бог услышал твою молитву, — сказал ангел. — И увидел, как кровоточит твоя душа.

Илия вскинул руки к небесам и вознес Господу

хвалу.

— Господи, Ты — кладезь славы и силы. Ты остановил ассирийское воинство…

— Нет, — сказал ангел. — Ты ведь говорил, что выбор принадлежит Ему. И Он сделал его за тебя.

— Надо уходить, — сказал Илия вдове и мальчику.

— Я не хочу! — ответил мальчик. — Я горжусь воинами Акбара.

Но мать заставила его собрать свои вещи, сказав:

— Бери только то, что сможешь унести.

— Ты забыла, видно, что мы бедны и у нас почти ничего нет.

Илия поднялся к себе. Огляделся, словно видел все в первый и в последний раз, потом сошел вниз, стал смотреть, как женщина упаковывает склянки с красками.

— Спасибо, что решил взять меня с собой, — сказала она. — Меня выдали замуж в пятнадцать лет, и я совсем не знала жизни. Родители все решили за нас с мужем, а меня с самого детства упорно готовили к тому, что я должна всегда и всюду быть ему подспорьем.

— Ты любила его?

— Я пыталась вразумить свое сердце. Раз

выбора все равно нет, я убедила себя, что это — наилучший путь. Когда овдовела, смирилась с тем, что все дни и ночи стали неотличимы друг от друга, и просила богов Пятой горы, — в ту пору я еще верила в них, — чтобы забрали меня лишь после того, как мой мальчик сможет жить один. И тут появился ты. Я уже говорила прежде и скажу сейчас: с той минуты я стала замечать, как красива долина, как вырисовывается на небе горная гряда, как меняется луна, чтобы могла расти пшеница. Часто, когда ты спал, я ходила по улицам Акбара, слышала плач младенцев, хмельные песни мужчин, отдыхавших после работы, твердые шаги часовых на крепостных стенах. И думала: сколько раз я видела эти картины и только теперь заметила, как они прекрасны. Сколько раз глядела на небо, не замечая, как оно бездонно. Сколько раз слышала привычный городской шум вокруг себя, не понимая, что все это — часть моей жизни. И меня вновь обуяла огромная жажда жить. Ты велел мне выучить буквы Библоса, я так и сделала. Думала сначала лишь порадовать тебя, но вскоре сама увлеклась тем, что делаю. И поняла: *смысл моей жизни будет тот, какой я сама придам ей.*

Илия погладил ее по голове — впервые.

— Почему ты не всегда такой, как сейчас? — спросила она.

— Я боялся. Но сегодня, в ожидании битвы, я услышал слова правителя — и подумал о тебе. Страх сопровождает нас лишь до той черты, где начинается неизбежное, а за нею он теряет смысл. И тогда нам остается только надежда. Надежда на то, что мы примем верное решение.

— Я готова, — сказала она.

— Мы вернемся в Израиль. Господь уже указал мне, что делать. И я сделаю то, что указано. Иезавель больше править не будет.

Женщина промолчала. Как и все финикиянки, она гордилась своей царевной и надеялась, что в Израиле сумеет отговорить Илию от его намерения.

— Путь будет долгим, и отдыхать нам не придется, пока я не исполню того, о чем просил меня Он, — сказал Илия, будто прочитав ее мысли. — И твоя любовь послужит мне опорой, а когда я изнемогу в битвах во имя Божье, то склоню голову к тебе на грудь и вновь обрету силы.

Появился мальчик с небольшим заплечным мешком.

— Пробил час, — продолжал Илия. — Когда пойдем по улицам Акбара, всматривайся в каждый

дом, вслушивайся в каждый шорох, постарайся все запомнить. Ты никогда больше не вернешься сюда.

— Я родилась в Акбаре, — отвечала она. — И он навсегда пребудет в моем сердце.

Мальчик, слышавший все это, поклялся себе, что никогда не забудет этих слов. И если ему доведется когда-нибудь воротиться, он увидит Акбар как лицо матери.

* * *

Было уже темно, когда жрец пришел к подножью Пятой горы. В правой руке он держал посох, в левой — мешок.

Достав из мешка священный елей, он умастил себе лоб и запястья. Потом кончиком посоха нарисовал на песке быка и пантеру — символы Бога бурь и Великой богини. Вознес подобающие случаю молитвы и воздел руки к небу, чтобы снизошла на него божественная благодать.

А боги больше не говорили с ним. Они уже сказали все, что хотели, и требовали теперь лишь исполнения таинств. Пророков не было уже нигде, кроме Израиля — страны отсталой, опутанной предрассудками и до сих пор верящей, что смертные люди способны общаться с творца-

ми Вселенной.

Он вспомнил, как два поколения назад Тир и Сидон торговали с владыкой Иерусалима царем Соломоном. Царь возводил огромный храм и желал отделать его и украсить всем, что есть на свете самого лучшего. Потому и получал он из Финикии, которую называл Ливаном, драгоценную древесину кедра, а взамен отдал двадцать галилейских городов. Они, впрочем, не пришлись по вкусу царю Тира, и тогда Соломон помог заложить финикийский флот, ныне ставший самым крупным торговым флотом в мире.

В ту пору Израиль был еще великой державой, хоть и поклонялся единому богу, чье имя нельзя было произносить вслух, отчего и называли его просто Господом. Царевна Сидонская сумела сделать так, что Соломон вернулся к истинной вере и воздвиг алтарь в честь богов Пятой горы. Израильтяне же твердили, что именно по этой причине «Господь» покарал мудрейшего из царей, который в итоге бесконечных и бесчисленных войн потерял власть.

Сын его, Иеровоам, не отказался от веры, принятой Соломоном. Он приказал изготовить двух золотых тельцов, и народ израильский поклонялся им. Вот тогда-то и появились пророки и

повели нескончаемую борьбу с властью.

Иезавель была непреложно уверена в том, что, пока не изведет под корень всех пророков, не сумеет сохранить истинную веру. Мягкосердечная по природе, с молоком матери впитавшая терпимость и ужас перед войной, она сознавала: бывает так, когда жестокость — единственный выход. И не сомневалась, что боги, которым она служит, простят за кровь, обагрявшую теперь ее руки.

— Вскоре и у меня руки будут по локоть в крови, — произнес жрец, обращаясь к безмолвной горе, высившейся перед ним. — Если пророки — проклятие Израиля, то новая письменность — проклятие Финикии. Если не воспрепятствовать вовремя, она может нанести ущерб невосполнимый. И бог времени не должен уйти сейчас.

Жреца томила тревога из-за того, что случилось, а верней — из-за того, что *не* случилось утром: ассирийское войско не двинулось в наступление. И в прошлом бывало, что бог времени, осердясь на финикийцев, оставлял Финикию в небрежении, и тогда угасали светильники, овцы и коровы бросали сосунов, пшеница и ячмень оставались зелеными и не созревали. Бог Солнца отправил тогда на его розыски орла и бога бури, но — тщет-

но. И лишь когда Великая богиня послала пчелу, та обнаружила его — он спал на лесной опушке — и, ужалив, разбудила. Он вскочил и в ярости принялся крушить все вокруг себя. Пришлось обездвижить его и извлечь переполнявшую его душу злобу. И с той поры все стало как обычно.

А если он снова решит уйти, битвы не произойдет. Ассирийцы навсегда останутся на краю долины, и Акбар будет существовать.

— Отвага — это преодоленный страх, — сказал он. — И потому-то я — здесь. И не имею права медлить и колебаться в час битвы. Я обязан показать воинам Акбара, ради чего нужно оборонять город. Нет, не ради источника, или рынка, или дворца правителя. Ассирийцам мы обязаны противостать, чтобы подать пример.

Победа ассирийцев навсегда отведет от нас угрозу, которую таит в себе алфавит. Завоеватели внедрят свой язык, свой нрав и обычай, но при этом будут по-прежнему поклоняться богам Пятой горы — только это и имеет значение.

В будущем наши мореплаватели расскажут о подвигах акбарских воинов в чужедальних краях. Священнослужители будут поминать имена героев, пытавшихся отстоять Акбар от нашествия иноплеменных. Художники выве-

дут египетские письмена на папирусе, а Библос — умрет. Священные тексты будут доступны лишь тем, кто изучает их по праву рождения. И грядущие поколения в попытках подражать нам в наших деяниях сделают мир лучше. Но сейчас необходимо проиграть это сражение. Отвага нам не поможет: мы уступаем неприятелю во всем, так что останется лишь умереть со славой.

И, внимая в этот миг голосу ночи, жрец убедился в своей правоте. Безмолвие предшествовало началу решающей битвы, но жители Акбара истолковали его иначе: они отложили копья и, утратив бдительность, стали веселиться. Ничему не научил их пример диких зверей, а ведь те замирают в преддверии близкой опасности.

— Да свершится предначертанное богами! Да не обрушится на землю небесная твердь в наказание за то, что мы поступили неправильно и нарушили древний обычай, — таковы были последние слова жреца.

А Илия, женщина и ее сын шли на восток, в ту сторону, где лежал Израиль. И им не было необходимости пробираться через расположение ассирийского войска: оно осталось южнее. В свете полной луны идти было легко, но причудливые зловещие тени плясали на скалах, окружавших

долину.

И вот явился ангел Господень с огненным мечом в правой руке.

— Куда ты? — вопросил он.

— В Израиль, — ответил Илия.

— Разве Господь призвал тебя?

— Мне ведомо, какого чуда ждет от меня Господь. А теперь — еще и то, где я должен буду сотворить его.

— Разве Господь призвал тебя? — повторил ангел.

Илия молчал.

— Разве Господь призвал тебя? — в третий раз вопросил ангел.

— Нет.

— Тогда ступай назад — туда, откуда пришел, ибо еще не исполнил предназначенное тебе. И Господь еще не призывал тебя.

— Позволь хотя бы им уйти из Акбара — зачем они там?

Но ангел уже исчез. Илия опустил наземь свой заплечный мешок. Сел посреди дороги и горько заплакал.

— Что с тобой? — спросили вдова и мальчик, ничего не видевшие.

— Надо вернуться, — промолвил Илия. — Так

хочет Господь.

* * *

Ему плохо спалось в ту ночь. В очередной раз проснувшись, почувствовал, какое напряжение разлито в воздухе, — будто злой ветер задувает вдоль улиц, разнося страх и тревогу.

«В любви к женщине я открыл любовь ко всему живому, — молился он в ночной тиши. — Мне нужна она. Знаю: Господь не забудет, что я — всего лишь одно из орудий Его и, быть может, самый немощный из тех, кого Он избрал. Помоги же мне, Господи, ниспошли мне спокойствие в час битвы».

Ему вспомнились слова правителя о бесполезности страха, но и они не помогли Илии забыться сном. «Мне так нужны сила и бестрепетность духа; даруй же мне спокойствие», — повторял он.

Подумал — не позвать ли своего ангела, не поговорить ли с ним, но понял, что может услышать то, что слышать не хочет, и отказался от своего намерения. Чтобы как-то успокоиться, сошел вниз. Заплечные мешки, собранные вдовой в дорогу, так и лежали у стены.

Подумал — не пойти ли к ней, ибо вспомнились слова Господа, сказанные Моисею перед

сражением: «И кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее».

Да, они еще не познали друг друга. Но не сегодня, не этой томительной ночью должно произойти их сближение.

Он решил разложить по местам вещи. И обнаружил, что женщина, помимо прочих своих немногочисленных пожитков, взяла с собой письменные принадлежности.

Он взял стило, смочил водой глиняную табличку и принялся выводить на ней буквы — он выучился этому, глядя, как работает вдова.

«Просто как все гениальное», — думал Илия. Когда он ходил за водой к источнику, часто слышал, как судачат женщины: «Греки похитили важнейшее наше изобретение». Илия знал, что это не так: греки, добавив гласные, усовершенствовали алфавит и дали возможность пользоваться им всем народам. И собрание записанных на пергаменте текстов назвали «библиями», воздав таким образом должное городу, где был изобретен алфавит.

Тексты эти были записаны на выделанной особым образом коже, Илии казалось, что это не лучший способ хранить слова: кожа не так долговечна, как обожженная глина, да и украсть

ее легче. Недолговечен и пергамент — после скольких-то использований он рвется, и к тому же плохо противостоит воде. «Нет, ни *библии*, ни папирус не годятся: лишь глиняным табличкам суждено оставаться в веках», — думал он.

Если Акбар уцелеет, он посоветует правителю записать историю страны именно на глиняных табличках, которые должны будут храниться в особых помещениях — для того, чтобы грядущие поколения могли получать нужные им сведения. И тогда, даже если перебьют всех финикийских жрецов, хранящих в памяти историю своего народа, славные деяния воинов и поэтов не позабудутся.

Он еще некоторое время забавлялся, выводя по глине буквы в разном порядке, отчего они удивительным образом складывались в разные слова. То, что получилось, развеселило и успокоило его, так что он смог заснуть.

* * *

А проснулся от страшного грохота — рухнула высаженная дверь.

«Нет, это не сон, — мелькнуло у него в голове. — Это не Господни рати вступили в бой…»

Отовсюду, изо всех углов лезли какие-то тени,

истошно вопя на непонятном языке.

— Ассирийцы!

Стены тряслись от страшных ударов, падали вышибленные двери, с площади доносились крики нападавших и мольбы о помощи. Илия вскочил было, но его тотчас свалили наземь. Глухой гул поднимался снизу.

— Огонь! — понял он. — Дом горит!

— А ты, — сказал кто-то по-финикийски, — ты, самый главный, прячешься, как трус, в доме женщины.

Илия взглянул в лицо того, кто произнес эти слова, и в свете пламени, озарявшем комнату, разглядел длиннобородого человека в доспехах. Сомнений больше не было — ассирийцы взяли город.

— Вы ворвались ночью? — растерянно спросил он.

Тот не ответил. Илия увидел блеск стали — один из воинов мечом рассек ему правую руку.

Илия закрыл глаза, в долю секунды вся жизнь пронеслась перед его мысленным взором. Вот он играет на улице родного города, вот в первый раз отправляется в Иерусалим, вот вдыхает запах свежеструганного дерева в плотницкой мастерской, вот снова ослепляет его безмерный

простор моря и дивят одежды людей из больших прибрежных городов. Вот идет он по горам и долам обетованной земли. Вспомнилось, как он увидел Иезавель. Она казалась совсем еще девочкой и очаровывала всех, кто видел ее. Вот снова началась резня — убивают пророков, снова слышит Илия голос Господа, посылающего его в пустыню. Снова возникают перед ним глаза женщины, которую он повстречал у ворот Сарепты — местные называют этот город Акбаром, — и он понимает, что полюбил ее с первого взгляда. Снова поднимается на вершину Пятой горы, чтобы воскресить ребенка, и вот за мудрость горожане избирают его судьей.

Он взглянул на небо, где созвездия стремительно меняли свое местоположение, успел еще удивиться тому, что луна показывает разом все четыре свои фазы, почувствовал холод и зной, весну и осень, промок под дождем и ослеп на миг от сверкнувшей молнии. Снова тучи стали принимать бесчисленное множество очертаний, а реки вернулись в прежние русла. Ожил в памяти день, когда он увидел, как ставят ассирийцы свой первый шатер, за ним — другой, еще и еще, новые и новые… Увидел, как являлись и исчезали ангелы, увидел огненный меч, преградивший

ему путь в Израиль… Вспомнилось, как томила его бессонница, как чертил он на глиняных табличках письмена…

Он очнулся, вернулся к яви. Подумал о том, что же происходит внизу, — надо во что бы то ни стало спасти вдову и ее сына.

— Огонь! — сказал он неприятельским воинам. — Дом объят огнем!

Он боялся не за себя — только за женщину и ребенка. Кто-то прижал его голову к полу, так что Илия ощутил на губах вкус земли. Он поцеловал ее, сказал, что сильно любит, и сделал все возможное, чтобы избежать этого… Попытался было высвободиться, но кто-то ногой наступил ему на шею.

«Должно быть, успела убежать, — подумал он. — Они не обидят беззащитную женщину».

И глубокий покой овладел им. Быть может, Господь счел его негодным человеком и избрал другого пророка, который вытащит Израиль из пучины грехов. А смерть уже близка, и такая, какой он хотел, — мученическая смерть. Безропотно принимая свой удел, Илия стал ждать смертельного удара.

Но его все не было. Прошло несколько мгновений. Над головой звучали чужие голоса, из раны

на руке продолжала струиться кровь.

— Скажи, чтоб меня добили! — крикнул Илия, зная, что по крайней мере один из воинов понимает его язык.

Никто не обратил внимания на его слова. Воины вели о чем-то жаркий спор — должно быть, случилось что-то неожиданное. Воины стали пинать его ногами, и тут Илия впервые за все это время почувствовал, что к нему возвращается инстинкт самосохранения. Это напугало его.

«Я не могу больше цепляться за жизнь, — в отчаянии подумал он. — Ибо из дома мне не выбраться нечего даже и пытаться».

Но ничего не произошло. Мир, казалось, навек замер в мешанине криков, грохота, взметенной пыли. Быть может, Господь, как когда-то — с Иисусом Навином, остановил время.

Тут Илия услышал долетевший снизу крик вдовы. Нечеловеческим усилием отбросив воина, он сумел подняться, но его тут же снова сбили с ног. Последовал новый удар — в голову — и сознание его померкло.

* * *

Через несколько минут он очнулся. Ассирийцы выволокли его на середину улицы.

Оглушенный, Илия поднял голову — все дома этого квартала пылали.

— Там, внутри — беззащитная, ни в чем не повинная женщина! Спасите ее!

Снова — крики, топот, смятение. Илия приподнялся, но от очередного удара упал.

«Господи! — мысленно воззвал он. — Со мною делай что хочешь: и жизнь моя, и смерть отданы Тебе. Но ту, которая дала мне приют, — спаси!»

Его ухватили за руки и вздернули над землей.

— Погляди-ка, — сказал тот ассириец, что знал его язык. — Твоих рук дело.

Двое подтащили Илию к дверям. Языки пламени, озаряя все вокруг, стремительно пожирали дом. Отовсюду доносился жалобный плач потерявшихся детей, в отчаянии голосили их матери, молили о пощаде старики. Но он слышал только голос той, кто дал ему когда-то приют.

— Что вы делаете?! Ведь там — женщина и ребенок! В чем они провинились перед вами?

— В том, что она пыталась спрятать у себя правителя Акбара.

— Да нет же! Я — не правитель Акбара! Это какая-то ошибка!

Ассириец продолжал подталкивать Илию к дверям. Обгоревшая кровля уже обрушилась,

завалив под обломками вдову, — Илия слышал, как она молит о спасении, и видел только ее беспомощно шевелящуюся руку.

— Зачем же вы оставили меня в живых, а ее обрекли сгореть заживо?! — возопил он.

— В живых тебе оставаться недолго, но сначала испей чашу страданий до дна. Наш военачальник был забит камнями у городской стены. Он пришел в Акбар ради жизни, но обрел здесь гибель. Тебя ждет та же участь.

Отчаянно отбивавшегося Илию оттащили подальше и повели по улицам Акбара, напоминавшим адское пекло. Воины, с которых градом катился пот, были, похоже, потрясены зрелищем, только что открывшимся им. Илия упирался, взывал к небесам, но и Господь, и ассирийцы были глухи к его мольбам.

Так они оказались на площади. Большая часть зданий в городе горела, жалобные крики жителей Акбара прорезали гудящее пламя, треск и грохот рушащихся стен и крыш.

— Как хорошо, что есть смерть…

Сколько раз — начиная с той ночи в конюшне — он думал об этом!

Повсюду виднелись распростертые на земле трупы акбарских воинов — большинство даже

не успели надеть доспехи. Метались по улицам горожане, сами не зная, чего ищут, куда бегут — метались лишь затем, чтобы притвориться перед самими собой, будто хоть что-то делают, хоть как-то противодействуют смерти и разрушению.

«Зачем? — думал Илия. — Неужто не видят, что город захвачен неприятелем и бежать некуда?»

Да, все это случилось в мгновенье ока: ассирийцы, пользуясь своим огромным численным превосходством, почти не понесли потерь. Защитники Акбара даже не успели оказать им сопротивления.

На самой середине площади Илию поставили на колени, связали ему руки. Крики вдовы стихли — быть может, Господь, избавив ее от мук, даровал ей быструю смерть. Теперь она с сыном на руках предстала Ему.

Появилось еще несколько ассирийцев, тащивших пленника — лицо его было обезображено побоями, но Илия все же узнал начальника воинов.

— Да здравствует Акбар! — кричал тот. — Слава Финикии и ее воинам, которые бьются с врагами при свете дня. Смерть трусам, нападающим под покровом ночи!..

Он не успел договорить: сверкнул меч — и его

голова покатилась по земле.

«Настал мой черед, — подумал Илия. — Теперь мы снова увидимся с нею в раю, и ее рука будет в моей руке».

* * *

Но в этот миг какой-то человек приблизился к ассирийским командирам и заговорил с ними. Илия узнал его — это был житель Акбара, в прежние дни часто приходивший на площадь, — и вспомнил, что однажды рассудил по справедливости его тяжбу с соседом.

Ассирийцы горячились, говорили все громче, указывая на Илию. А новоприбывший пал ниц перед их начальником, поцеловал его ноги, потом, показывая в сторону Пятой горы, зарыдал, как ребенок. Ярость захватчиков, казалось, малопомалу ослабевает.

А разговор меж тем продолжался: акбарец беспрестанно плакал и молил, показывая то на Илию, то на дворец правителя. Воинам явно не нравилось то, что он говорил им. И вот наконец тот из них, кто говорил на языке Илии, подошел к нему и сказал так:

— Наш лазутчик — видишь его? — уверяет, что мы ошиблись. Это ведь он передал нам сведения

об укреплениях, так что ему можно верить. Ты — не тот, кого мы желали убить.

Ударом ноги он сбил Илию наземь.

— Он твердит, будто ты собираешься вернуться в Израиль и свергнуть Иезавель, незаконно восседшую на престол в твоей стране. Так это?

Илия молчал.

— Отвечай, так ли это! Если так — можешь отправляться домой, спасать свою жену и сына. Может быть, еще успеешь…

— Да, это так, — промолвил Илия.

Неужели Господь услышал его молитву и сохранит жизнь вдове и мальчику?

— Мы могли бы как пленника отправить тебя в Тир и Сидон, — продолжал ассириец. — Но нам еще предстоят многие битвы, и ты станешь для нас обузой. Могли бы потребовать за тебя выкуп. Но кто станет платить? Ты ведь даже у себя в отчизне — чужак. — И он ударил Илию по лицу. — Никакого прока нет от тебя ни своим, ни врагам. Ты подобен этому городу: нет даже смысла оставлять здесь гарнизон — когда мы завоюем все побережье, Акбар так и так будет нашим.

— Хочу задать тебе вопрос… — сказал Илия. — Только один вопрос.

Ассириец глядел на него недоверчиво.

— Почему вы нагрянули ночью? Разве не знаете, что войны ведут при свете дня?

— Это нигде не записано, так что никакой закон мы не преступили. И у нас было времени в избытке, чтобы изучить местность. Вы слишком заботитесь о своих обычаях, забывая, что времена меняются.

С этими словами ассириец ушел и увел своих людей. Лазутчик же приблизился к Илии, развязал ему руки.

— Когда-то я поклялся самому себе, что отплачу за твое великодушие. Сегодня я сдержал слово. Когда ассирийцы ворвались во дворец, кто-то из невольников сообщил им: «Тот, кого вы ищете, нашел прибежище в доме вдовы». Тем самым время было выиграно, и правитель успел скрыться.

Илия не слышал его. Повсюду трещали в огне дома, стоял неумолчный крик. И во всеобщем смятении только отряд вражеских воинов сохранял порядок — повинуясь безмолвному приказу, они молча покидали город.

Битва при Акбаре была окончена.

* * *

— Она погибла, — твердил он про себя. — Не хочу идти туда… ведь она погибла. Но если чудом

спаслась — найдет меня.

Но сердце его меж тем требовало, чтобы он поднялся и отправился к дому вдовы. Илия испытывал мучительную внутреннюю борьбу: на кон поставлена была не только его любовь, но и вся его жизнь, ибо с верой в замысел Божий ушел он когда-то из родного города, памятуя о своем предназначении и о том, что он способен его исполнить.

Он огляделся по сторонам, отыскивая меч, чтобы рассечь нить своей жизни, но не нашел: ассирийцы забрали с собой все оружие, что было в Акбаре. Подумал, не броситься ли в огонь, но испугался нестерпимой муки.

На несколько мгновений впал в оцепенение. И постепенно осознал свое положение. Вдова и сын ее, без сомнения, уже покинули земную юдоль, но следовало похоронить их тела так, как требовал того обычай. Не имеет значения, существует Бог или нет — работа во имя Его станет для Илии единственной опорой.

А потом, когда исполнен будет долг веры, можно предаться мучительным сомнениям и скорби.

И, кроме того, у него еще теплилась надежда на то, что они сумели спастись. Так что нечего сидеть в праздности.

— Я не хочу видеть их обугленные лица, кожу, сожженную до мяса… Ведь их души уже вознеслись к небесам.

* * *

Тем не менее он двинулся к дому вдовы, задыхаясь в дыму, который застил свет и путал мысли. Мало-помалу Илия стал понимать, что же происходит в городе. Неприятель ушел, но паника нарастала с пугающей стремительностью. По улицам по-прежнему бесцельно метались люди, рыдая и взывая к богам за своих близких, погибших накануне.

Илия хотел найти кого-нибудь в помощь себе, но тот, кого он заметил, находился в глубоком столбняке и, казалось, пребывает в какой-то дальней дали.

«Пойду прямо к дому, никого о помощи просить не буду», — подумал он.

Илия знал Акбар как свой родной город и не сбивался с пути, несмотря на то, что многие места изменились неузнаваемо. Раздававшиеся на улицах вопли меж тем звучали теперь иначе — люди стали сознавать, что на них обрушилась беда и с нею надо как-то справляться.

— Здесь раненый! — кричал один.

— Тащите воду! Мы не совладаем с огнем! — звал другой.

— На помощь! Мой муж остался под развалинами!

И вот Илия оказался наконец там, где несколько месяцев назад его приняли и приютили как друга. Посреди улицы, напротив дома вдовы, сидела на мостовой совершенно голая старуха. Илия хотел помочь ей подняться, но та оттолкнула его.

— Она погибает! Сделай что-нибудь! Ее придавило обломком стены!

Старуха голосила так отчаянно, что Илия схватил ее за руки и оттащил подальше, потому что ее крики могли заглушить стоны вдовы. Вокруг все лежало в развалинах: кровля обвалилась, стены рухнули, так что трудно было сообразить, где он видел вдову в последний раз. Огонь уже гас, но жар стоял нестерпимый. Илия, перепрыгивая через обломки, устремился туда, где была прежде комната вдовы. И в грохоте сумел различить стон — это был ее голос.

Он неосознанно отряхнул пыль со своих одежд, словно, прежде чем предстать перед ней, желал привести себя в порядок. Долю мгновения постоял неподвижно и молча. Услышал, как трещит горящее дерево и взывают о помощи люди, ока-

завшиеся под завалами в соседних домах. Хотел сказать им, чтобы замолчали: ему необходимо было определить, где же искать вдову и мальчика. Через какое-то время он услышал слабый звук — как если бы кто-то царапал дерево у него под ногами.

Бросившись на колени, Илия принялся лихорадочно рыть, отбрасывая в сторону землю, обломки камней и дерева. И вот рука его наткнулась на что-то теплое. Это была кровь.

— Прошу тебя, не умирай! — взмолился он и услышал ее голос:

— Нет, не надо разгребать обломки надо мной… Не хочу, чтобы ты видел мое лицо… Вытащи моего сына…

Илия продолжал откапывать ее, но услышал вновь:

— Отыщи сперва тело моего сына. Пожалуйста, делай, что я говорю…

Илия поник головой и тихо заплакал.

— Я не знаю, где он погребен, — сказал он. — Прошу тебя, не уходи. Мне нужно, чтобы ты осталась со мной. Нужно, чтобы ты научила меня любить — мое сердце готово к этому.

— Много лет до твоего прихода я звала смерть. И вот, наверно, она услыхала и явилась за мной.

Стон последовал за этими словами. Илия закусил губу и ничего не ответил. Кто-то тронул его за плечо.

В удивлении он обернулся и увидел сына вдовы: тот был с ног до головы в пыли и саже, но цел и невредим.

— Где моя мать? — спросил он.

— Я здесь, — отозвался голос из-под земли. — Ты не ранен, мой мальчик?

Тот заплакал. Илия обнял его.

— Ты плачешь, мой мальчик, — голос из-под земли звучал все слабее. — Не надо. Мне стоило такого труда понять, что в жизни есть смысл… Надеюсь, что сумела объяснить это тебе… Город, в котором ты появился на свет, сильно пострадал?

Илия и мальчик замерли, вцепившись друг в друга.

— Нет, — солгал Илия. — Погибло несколько воинов, но ассирийцы уже ушли. Они хотели отомстить правителю за смерть своего военачальника.

Наступила тишина, а потом голос спросил совсем уже еле слышно:

— Скажи, что мой город цел.

Он чувствовал: еще минута — и вдова уйдет туда, откуда нет возврата.

— Город цел. И сын твой не пострадал.

— А ты?

— Я выжил.

Он знал, что, произнося эти слова, отпускает ее душу и дает женщине спокойно умереть.

— Скажи ему, пусть станет на колени… — через какое-то время попросила та. — А ты — поклянись… Поклянись именем твоего Господа.

— Я сделаю, как ты хочешь. Все, что ты захочешь.

— Однажды ты сказал мне — Бог повсюду и везде. И я поверила тебе. Еще ты сказал, что души не отправляются на вершину Пятой горы, и я опять поверила, что так оно и есть. Но куда же мы уходим после того, как умрем? Так поклянись мне, что вы оба не будете плакать по мне и будете заботиться друг о друге до тех пор, пока Господь не позволит каждому из вас следовать своей стезей. Сейчас душа моя сольется со всем, что знала я на этой земле: я стану долиной, окружающими ее горами, городом и людьми, что ходят по его улицам. Его калеками и его попрошайками, его воинами, жрецами, торговцами, знатью. Землей, по которой будут ступать ваши ноги, источником, что утолит жажду каждого, кто к нему припадет. Не плачьте по мне, ибо нет причины для печали.

Отныне я стану Акбаром, а город наш красив.

Воцарилось безмолвие, присущее одной лишь смерти, и даже ветер стих. Илия не слышал больше ни криков, доносившихся с улицы, ни треска горевших по соседству домов — ничего, кроме безмолвия, столь плотного и всеобъемлющего, что его, казалось, можно было осязать.

Тогда Илия отстранил мальчика, разорвал на себе одежды и, запрокинув голову к небу, возопил во всю мочь:

— Господи мой Боже! Ради Тебя вышел я из земли израильской и не смог пролить за Тебя кровь, как пророки, что остались там. Друзья мои сочли меня трусом, враги — изменником.

Ради Тебя питался я тем лишь, что приносили мне вороны, и прошел через пустыню до самой Сарепты, которую жители ее именуют Акбаром. Твоей рукой ведомый, повстречал я женщину, Твоей волей направленное сердце мое научилось любить ее. Но никогда ни на миг не забывал я о своем подлинном предназначении, и всякий день, что провел я здесь, готов был тронуться в путь.

Прекрасный Акбар ныне лежит в руинах, а женщина, которую Ты мне доверил, погребена под ними. В чем я грешен перед Тобой, Господи?

Когда отошел я от Твоих предначертаний, поступил наперекор Твоей воле? Если я прогневал Тебя, отчего Ты не убрал меня из земной юдоли? Отчего вместо этого обидел тех, кто помогал мне и любил меня?

Для меня неисповедимы пути Твои. В деяниях Твоих я не вижу справедливости. Страдания, на которые Ты меня обрек, я вынести не в силах. Так уйди же из моей жизни, ибо я и сам теперь — развалины, пепел и прах.

* * *

Тут в огне и запустении мелькнул луч света. И явился Илии ангел Господень.

— Зачем ты здесь? — спросил его Илия. — Поздно. Разве не видишь?

— Затем, что Господь снова внял твоей молитве и даст тебе то, о чем просишь. Больше не услышишь своего ангела-хранителя и меня не увидишь до тех пор, пока не истекут сроки твоего испытания.

* * *

Илия взял мальчика за руку, и они побрели куда-то наугад. Дым пожарища, разогнанный

было ветром, теперь снова сгустился так, что нечем стало дышать. «Может быть, все это мне во сне привиделось? — думал Илия. — В кошмарном сне».

— Ты сказал моей матери неправду, — молвил мальчик. — Город разрушен.

— Разве это важно? Если она все равно не видела, что творится вокруг, почему бы не дать ей умереть счастливой?

— Потому что она доверяла тебе, а перед смертью сказала, что стала Акбаром.

Илия изрезал ступни осколками стекла и черепицы, и боль показала ему, что это ему не снится, а происходит на самом деле. Кое-как они добрались до площади, где — о, как давно это было! — вокруг него собирались горожане, и он улаживал их тяжбы, рассуживал споры. Ныне же небо над площадью было словно вызолочено огнем пожаров.

— Не хочу, чтобы мама стала тем, что я сейчас вижу, — упрямо твердил мальчик. — Ты сказал ей неправду.

Илия видел: он держит свою клятву, и не проронил ни слезинки. Нога кровоточила, и израильтянин решил, что это к лучшему — боль прогонит отчаянье.

Он осмотрел рану, оставленную ассирийским мечом, и убедился, что она не так глубока, как ему казалось. Присел на том самом месте, где еще недавно, стоя на коленях, ждал смерти, но был спасен лазутчиком. Заметил, что люди уже не мечутся, а живыми тенями медленно бродят в пыли и дыму средь развалин, как позабытые на земле, вечно неприкаянные души. Жизнь не имела больше смысла.

Лишь немногие подавали признаки жизни. Илия слышал, как перекликаются женские голоса, как горстка уцелевших воинов отдает приказы, пытаясь восстановить порядок. Но как мало их было, как мало они могли!

Жрец сказал однажды, что мир — это сон, снящийся всем богам сразу. А что, если в словах этих заключалась какая-то истина? Может быть, ему по силам сейчас пробудить богов от этого кошмара, а потом навеять им другой, более спокойный сон? Ведь ему самому случалось просыпаться по ночам от страшных видений и, успокоившись, засыпать снова. Почему же такое не может случиться с творцами мироздания?

Он то и дело спотыкался о мертвые тела. Убитым больше не было дела до податей, до ассирийцев, ставших лагерем в долине, до обрядов и таинств,

до бродячего пророка, который в прежние дни обращал к ним слова своих проповедей…

«Я не могу оставаться здесь… — думал он. — Она завещала мне своего сына, и я не обману ее ожиданий, даже если это будет последнее, что мне придется сделать на этом свете».

Илия с трудом поднялся, взял мальчика за руку, они двинулись дальше. Увидев, как грабят полуразрушенные дома и лавки, он впервые за все это время попытался вмешаться и попросил остановиться, не делать этого.

Но люди оттолкнули его со словами:

— Не лезь! Мы подбираем крохи от того, что пожирал правитель.

У Илии не было сил спорить с ними; он повел мальчика прочь из города, и вскоре они оказались в долине. Ангелы с огненными мечами не преграждали им путь.

«Сегодня полнолуние».

Здесь, где не было ни дыма, ни пыли, он увидел наконец озаренную луною ночь. Несколько часов назад, когда он пытался уйти из Акбара в Иерусалим, было так светло, что он легко различал путь. Сияющая луна помогла и ассирийцам.

Мальчик вскрикнул от неожиданности, споткнувшись о распростертое тело. Илия накло-

нился и узнал жреца: он был четвертован, но еще дышал, устремив глаза к вершине Пятой горы.

— Как видишь, финикийские боги одолели в небесной битве, — еле ворочая языком, но совершенно спокойно проговорил он, и струйка крови потекла у него изо рта.

— Хочешь, я прекращу твои мучения? — спросил Илия.

— Боль моя меркнет рядом с тем счастьем, что чувствую я, исполнив свой долг.

— Неужто твой долг состоял в том, чтобы уничтожить город, населенный праведниками?

— Город погибнуть не может, гибнут только его жители вместе с мыслями и чувствами своими. Настанет день, придут в Акбар другие, изопьют из источников его, и камень, что оставил основатель его, будет омыт и отерт новыми жрецами. Ступай прочь: мне мучиться осталось недолго, а вот твое отчаянье пребудет с тобой до гробовой доски.

Изуродованный жрец был при последнем издыхании, и Илия двинулся было дальше, но в этот миг его догнали и окружили кольцом люди — мужчины, женщины, дети.

— Это все из-за тебя! — кричали они. — Ты осквернил свою отчизну и навлек проклятье на

Акбар! Да увидят это боги! Да узнают они, кто во всем виноват!

Его пинали, толкали, трясли. Мальчик высвободился и исчез. Горожане били Илию по лицу, по груди, по спине, но он, словно не замечая этого, думал только о том, что не сумел даже удержать его рядом с собой.

Продолжалось это недолго: слишком уж неистовой была их ярость, и акбарцы быстро выдохлись. Илия пал наземь.

— Убирайся отсюда! — сказал ему кто-то. — Ты ненавистью ответил нам на любовь.

Горожане ушли. Илия долго лежал на земле, не в силах подняться. Когда же он все-таки сумел оправиться от позора, это был совсем другой человек: он не хотел теперь умереть, не хотел и жить. Он ничего больше не хотел. И ничего больше не осталось в нем — ни любви, ни ненависти, ни веры.

* * *

А проснулся он от чьего-то прикосновения. Была еще ночь, но луна уже скрылась.

— Я пообещал маме, что пригляжу за тобой, — сказал мальчик. — Но что делать, я не знаю.

— Возвращайся в Акбар. Люди милосердны,

может быть, кто-нибудь приютит тебя.

— Ты ранен. Надо перевязать тебе руку. Надеюсь, появится ангел и скажет мне, как поступить.

— Несмышленыш, ты понятия не имеешь о том, что происходит вокруг! — вскричал Илия. — Ангелы никогда больше не слетят к нам, ибо мы — самые обыкновенные люди и обнаруживаем слабость в час страдания! И когда нагрянет беда, справляться должны сами!

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться: что толку спорить?

— Как ты появился здесь?

— Я никуда и не уходил.

— Стало быть, ты видел мой позор и понимаешь, что мне больше нечего делать в Акбаре?

— Не ты ли говорил, что все битвы — даже проигранные — учат чему-нибудь?

Илия вспомнил, как шли они вчера утром к источнику. Показалось, что с тех пор минуло много лет, и захотелось сказать: в час беды красивые слова ничего не значат. Но он решил не пугать мальчика.

— Как тебе удалось спастись от пожара?

Мальчик поник головой.

— Я не спал. Решил подстеречь тебя в тот миг,

когда ты войдешь в комнату моей матери… И видел, как в город вошли первые ассирийцы.

Илия поднялся и зашагал дальше. Он хотел найти ту скалу у подножия Пятой горы, где однажды они вдвоем с вдовой смотрели на заход солнца, но тотчас подумал:

«Не надо мне туда ходить, это только усилит мое отчаянье».

Но неодолимая, таинственная сила влекла его вперед. И, достигнув цели, он горько зарыдал: как и город Акбар, место это было отмечено камнем — но на всей этой бескрайней равнине одному лишь Илии открылся горестный смысл этого: никогда больше не восславят его новые жители города, никогда не отполируют его ладони супругов, постигающих здесь смысл любви.

Подняв мальчика на руки, он стал искать место для ночлега.

— Я проголодался и хочу пить, — сказал мальчик, проснувшись.

— Мы можем дойти по пастушьей сторожки, это здесь неподалеку. Пастухи, должно быть, не пострадали: они же не из Акбара.

— Надо восстановить город. Моя мать сказала, что отныне она и есть Акбар.

Что там восстанавливать? Нет больше ни двор-

ца, ни рынка, ни крепостных стен. Законопослушные обыватели превратились в разбойников, юные воины зверски перебиты. Ангелы никогда больше не явятся ему — но это еще наименьшее из зол.

— Неужто ты считаешь, что разрушение, страдания, смерть были не зря? Что они имели смысл? Неужто думаешь, будто нужно пожертвовать тысячами жизней ради того, чтобы кого-то чему-то научить?

Мальчик взглянул на него с удивлением.

— Ладно, не слушай меня, — молвил Илия. — Пойдем лучше поищем пастухов.

— И возродим город.

Илия промолчал в ответ. Он знал, что утратил былое свое влияние на народ, видящий в нем причину всех несчастий. Правитель бежал, начальник войска убит. Тир и Сидон скоро тоже окажутся под властью чужеземных захватчиков. Наверное, вдова была права: богам не сидится на одном месте, а на этот раз сам Господь, как видно, удалился куда-то…

— Когда мы вернемся в Акбар? — спросил мальчик.

Илия в ярости ухватил его за плечи и стал трясти:

— Обернись! Ты ведь не слепой ангел! Ты ведь зряч, если собирался следить за собственной матерью! Обернись! Что ты видишь? Видишь эти столбы дыма? Ты понимаешь, что это значит?

— Мне больно! Я хочу уйти отсюда! Хочу уйти!

Илия остановился, испугавшись собственного гнева — никогда еще он не вел себя так. Мальчик высвободился и бросился бежать в сторону Акбара. Илия догнал его, остановил, опустился перед ним на колени.

— Прости… Сам не знаю, что на меня нашло.

Мальчик рыдал беззвучно и бесслезно. Илия присел рядом с ним, ожидая, когда он успокоится.

— Не уходи. Я сказал твоей матери, что останусь с тобой, пока ты не подрастешь настолько, чтобы следовать собственной стезей.

— Ты сказал еще и что город не пострадал. А она ответила…

— Не трудись повторять. Я — в смятении, я затерян в чащобе собственной вины. Дай мне найти себя самого… И прости, я не хотел причинить тебе боль.

Мальчик обнял его. Но так и не уронил ни слезинки.

* * *

Они добрались до лачуги посреди долины. На пороге дома стояла женщина, двое ребятишек играли во дворе. Овцы скучились в хлеву — это показывало, что пастух сегодня утром не выводил их на выпас в горы.

Женщина с испугом смотрела на мужчину и мальчика, приближавшихся к ее дому. Больше всего ей хотелось немедля прогнать их прочь, однако обычай — и боги — требовали исполнить не знающий исключений закон гостеприимства. Не приютишь странников сейчас, когда-нибудь в будущем та же участь постигнет и твоих детей.

— Денег у меня нет, — сказала она. — Но дам воды и покормлю, чем бог послал.

Путники расположились в маленькой пристройке под соломенной крышей, а женщина вынесла им кувшин с водой и сушеных фруктов. Они ели молча, чувствуя, что хоть краешком прикоснулись к обычной повседневной жизни, сгинувшей со вчерашнего вечера бесследно. Дети, испугавшись появления незнакомцев, попрятались в доме.

Окончив скудную трапезу, Илия осведомился о пастухе.

— Скоро должен вернуться, — отвечала женщина. — Мы слышали вчера страшный грохот, а утром разнеслась весть, будто Акбар разрушен до основания. Муж пошел посмотреть, что случилось.

Дети позвали ее, и она зашла в дом.

«Мальчика переубедить не удастся, нечего и пробовать, — думал Илия. — И он меня в покое не оставит, пока не добьется своего. Надо, чтобы он сам убедился, что дело безнадежное».

Еда и вода сотворили чудо — он вновь стал ощущать себя частицей мира.

И течение мыслей вдруг невероятно ускорилось, предлагая вместо вопросов решения.

* * *

Спустя небольшое время пришел пастух. Опасливо покосился на пришельцев, явно встревожившись за своих близких. Но тотчас понял, что к чему.

— Вы, должно быть, беженцы из Акбара, — сказал он. — А я только что оттуда.

— И что же там происходит? — спросил мальчик.

— Город в руинах, правитель бежал. Боги привели наш мир в беспорядок.

— Мы потеряли все, что имели, — сказал Илия. — Не согласишься ли ты дать нам приют?

— Сдается мне, жена вас уже приютила и покормила. Теперь вам пора идти навстречу неизбежности.

— Не знаю, как мне быть с мальчиком. Мне нужна помощь.

— Отлично знаешь. Он — юн, кажется смышленым и бойким. А ты, похоже, обогащен опытом многих житейских побед и поражений. Превосходное сочетание, ибо ты способен помочь ему в обретении мудрости.

После этого он осмотрел раненую руку Илии. Сказал: пустяковая царапина, и, зайдя на минутку в дом, вынес оттуда чистую тряпицу и какие-то травы. Мальчик хотел было помочь Илии перевязать рану, а на слова пастуха, что, мол, и сам справится, ответил, что обещал матери заботиться об этом человеке.

Пастух засмеялся.

— Твой сын умеет держать слово.

— Я — не сын ему. Но он тоже — человек слова. И заново отстроит Акбар, потому что должен вернуть с того света мою мать как вернул меня.

Илия внезапно понял, что томило душу мальчика, но прежде, чем он успел произнести хоть

слово, пастух кликнул жену и, когда та появилась в дверях, сказал:

— Лучше перестроить жизнь, причем — не откладывая. Не скоро, очень не скоро все будет таким, как было прежде.

— Никогда этого не будет.

— Ты кажешься умудренным не по годам и, наверно, понимаешь такое, что моему уму непостижно. Однако природа научила меня такому, чего я не позабуду никогда: человек зависит от времени года и от того, какая погода на дворе. Ибо только так может пастух пережить неизбежное.

Он заботится о стаде своем и каждую овцу лелеет, словно она у него единственная, он помогает матке произвести на свет ягненочка и никогда не уводит паству свою далеко от воды. И все-таки случается порой, что какая-нибудь из овец, за которыми ходил он так ревностно, погибает по той или иной причине: змея ли укусит, хищник ли нападет или она просто сорвется с кручи. С неминуемым не разминешься.

Илия поглядел в сторону Акбара и припомнил слова ангела. С неминуемым не разминешься.

— А чтобы преодолеть его, потребны терпение и порядок.

— И надежда. Лишившись надежды, не смо-

жешь тратить силы, борясь с неизбежным.

— Речь не о той надежде, что освещает грядущее, а о той, что позволит изменить недавнее прошлое.

Пастух теперь уже не спешил, и сердце его исполнилось жалости к стоящим перед ним беженцам. Стоило бы помочь им хотя бы ради того, чтобы возблагодарить богов, которые отвели беду от него самого и всей его семьи. Кроме того, он был наслышан про израильского пророка, поднявшегося на вершину Пятой горы и избежавшего при этом удара огня с небес.

— Если хотите — оставайтесь еще на день.

— Поясни, что ты говорил про недавнее прошлое, я не понял.

— Мимо меня постоянно проходят люди, направляясь в Тир или Сидон. Многие сетовали, что ничего не добились в Акбаре и теперь ищут новой судьбы. Потом они возвращались. Они не обрели того, что искали, потому что, помимо клади, несли еще и тяжкое бремя предыдущих неудач. Бывало, конечно, что один сумел получить выгодную должность, другой радовался, что выучил детей — но никак не больше того. Ибо минувшее, оставленное в Акбаре, навсегда отравило их робостью: они не доверяли самим

себе и не осмеливались рисковать по-крупному. Но проходили мимо моей двери и люди, полные воодушевления. Каждая минута их жизни была наполнена смыслом, и напряжением всех сил они сумели скопить достаточно для этого путешествия. Вот для таких людей жизнь — это цепь непрерывных побед. Так было, так будет впредь. Возвращались и они, но рассказывали чудесные истории: добились, чего хотели, потому что их не сковывали прошлые неудачи.

* * *

Слова пастуха задели Илию за живое. А тот меж тем продолжал:

— Не так уж трудно заново выстроить свою жизнь, равно как нет ничего невозможного в том, чтобы поднять Акбар из руин. Нужно лишь твердить себе, что прежняя наша сила не убыла. И применять ее себе на пользу.

Он вгляделся в лицо Илии:

— Если ты недоволен своим прошлым, забудь о нем. Придумай новую историю своей жизни и уверуй в нее. Сосредоточься на том лишь, что тебе удавалось, — и эта сила поможет тебе обрести желаемое.

«Было время, когда мне хотелось заниматься

плотницким ремеслом, но потом я захотел стать пророком, посланным свыше для спасения Израиля, — думал Илия. — Ангелы нисходили ко мне с небес, Господь говорил со мной. Так было до тех пор, пока я не понял: Он не всегда справедлив, и причины деяний Его бесконечно далеки от границ моего разумения».

Пастух крикнул жене, что сегодня больше не пойдет из дому — в конце концов, он недавно вернулся из Акбара, и пускаться в новый путь ему было лень.

— Спасибо, что приютил, — сказал Илия.

— Что же это за приют на одну ночь?!

Мальчик прервал их:

— Мы хотим назад, в Акбар.

— Переждите здесь до завтра. В городе идут грабежи, и негде будет переночевать.

Мальчик, уставясь в землю и закусив губу, вновь сумел сдержать слезы. Пастух проводил их в дом, успокоил жену и детей, а весь остаток дня развлекал гостей разговорами о погоде.

Наутро они проснулись рано, подкрепились тем, что подала им на завтрак жена пастуха, и собрались уходить.

— Да будет жизнь твоя долгой, да растет и множится стадо твое, — сказал на пороге Илия. —

Плоть моя получила то, в чем нуждалась, душа узнала неведомое ей прежде. Да не забудет Бог того, что вы сделали для нас, да не придется детям вашим стать чужеземцами на чужбине.

— Не знаю, про какого бога ты говоришь: на вершине Пятой горы живет их много, — неласково ответил пастух, но тотчас заговорил иначе: — Помни о своих добрых делах, и это придаст тебе мужества.

— За мною числится немного добрых дел, и ни одно из них не объясняется моими душевными качествами.

— Что ж, тогда пришла пора сделать больше.

— Быть может, я мог предотвратить вторжение ассирийцев.

— Да будь ты даже самим правителем Акбара, и то не сумел бы остановить неизбежное, — рассмеялся в ответ пастух.

— Быть может, правитель должен был бы напасть на них, когда они только пришли в долину и еще не успели подтянуть все свои силы. Или договориться о мире, не дав войне разгореться.

— Все, что могло бы случиться — но не случилось, — будет пущено по ветру и сгинет бесследно, — сказал пастух. — Жизнь складывается из наших отношений к ней. *Но есть на свете такое,*

что нужно пережить, ибо этого хотят боги. Неизвестно, зачем им это нужно, но не следует даже пытаться уклониться от этого.

— Но ради чего?

— Об этом спроси израильского пророка из Акбара. Похоже, у него найдутся ответы на все вопросы, — сказал пастух и пошел к загону. — Мне пора гнать моих овец на выпас. Им не терпится — ведь вчера они целый день провели взаперти.

Он поклонился на прощанье и повел стадо в горы.

Мальчик и взрослый мужчина шли по равнине.

— Ты слишком медленно идешь, — сказал первый. — Боишься того, что может с тобой случиться?

— Боюсь я только самого себя, — отвечал Илия. — А другие ничего не смогут мне сделать, ибо сердце мое умерло.

— Но есть еще Бог, вернувший меня из смерти. Он может оживить и мою мать, а ты — возродить город.

— Забудь о Боге. Он далеко и больше не совершает чудес, которых мы ждем от Него.

Пастух был прав. С этого мгновения предстояло изменить свое прошлое, забыть, что считал

себя в оны дни пророком, мнившим освободить Израиль, но и один-единственный город спасти не сумевшим.

Эта мысль вселила в него странное ликование. Впервые в жизни он почувствовал себя свободным — готовым делать все, что сочтет нужным, и тогда, когда сочтет нужным. Да, он больше никогда не услышит ангелов, но зато волен вернуться в Израиль, вновь взяться за плотницкое ремесло, отправиться в Грецию, чтобы набраться познаний у тамошних мудрецов, или вместе с финикийскими корабельщиками уплыть за моря.

Когда-то Господь призывал его к мести. Лучшие годы жизни отдал он равнодушному Богу, Который только и знает, что отдавать приказы, и все вершит на Свой лад. Илия привык безропотно принимать Его решения и чтить Его замысел.

И вот в награду за верность получил он пренебрежение, преданность его осталась незамеченной, а рьяные старания исполнить высшую волю погубили единственную в жизни женщину, которую он любил.

— Обладаешь всей силой земной и небесной, — произнес Илия на родном языке, чтобы мальчик не понял смысл его слов. — Раздавить город, растоптать страну Тебе так же легко, как нам, лю-

дям, — муравья. Что ж, испепели меня, уничтожь сейчас, ибо если не сделаешь этого сейчас, завтра я пойду против Твоего творения.

Вдали показался Акбар. Илия крепко сжал руку мальчика.

— Отсюда, пока не окажемся за городскими воротами, я пойду с закрытыми глазами, и тебе придется послужить мне поводырем. Если мне не суждено будет дойти, сделай сам то, о чем просил меня, — восстанови Акбар, хотя для этого тебе надо будет сначала подрасти и постичь науку плотников и каменотесов.

Мальчик ничего не отвечал. Илия закрыл глаза и доверился ему. Он слышал только посвист ветра и звук собственных шагов.

И ему вспомнился Моисей, которому Бог — после того, как он освободил избранный народ и провел его с огромными трудностями через пустыню, — воспретил входить в Ханаан. Моисей тогда сказал так:

«Умоляю тебя — дай пройти мне и увидеть благодатную землю за Иорданом».

Господь, однако, разгневался на эту просьбу. И ответил: «*…полно тебе, впредь не говори Мне более об этом… взгляни глазами твоими к морю, и к северу, и к югу, и к востоку, и посмотри*

глазами твоими; потому что ты не перейдешь за Иордан сей».

Вот как вознаградил Господь многолетний тяжкий подвиг Моисея: не позволил, чтобы нога его ступила за Иордан. А что если бы он ослушался?

Мысли Илии вновь обратились к небесам.

— Господи, ведь битва эта шла не между ассирийцами и финикиянами, но между Тобой и мной. Ты не предупредил меня о войне между нами, в которой — как всегда — победил и заставил исполнить Твою волю. Ты уничтожил женщину, которую я любил, и город, который дал мне приют после долгих скитаний в чужих землях.

Ветер засвистал сильнее. Пересиливая страх, Илия продолжал:

— Я не могу вернуть ее из небытия, не могу переменить удел разрушенного тобой Акбара. Моисей покорился Твоей воле и не пошел за Иордан. Я же отважусь на большее, так что лучше Тебе убить меня прямо сейчас, ибо если Ты не сделаешь этого и дашь мне добраться до городских ворот, я подниму из праха то, что Ты захотел стереть с лица земли.

И не прибавил к сказанному ни слова. Он высказал все, что хотел, и теперь ждал смерти. И надолго сосредоточился лишь на том, как хру-

стит песок под ногами, ибо не хотел услышать ни ангельских голосов, ни угрозы, грянувшей с небес. Сердце его было свободно, и, что бы ни случилось, это более не страшило его. И все же в самых глубинах души начало томить его какое-то неуловимое чувство — как если бы он забыл о чем-то важном.

...Спустя довольно много времени мальчик остановился и дернул Илию за руку:

— Пришли.

Илия открыл глаза. Испепеляющий огонь не ударил с небес и не поразил его. Он стоял перед разрушенными стенами Акбара.

Илия взглянул на мальчика, который продолжал крепко держать его за руку, словно боялся, что он вдруг исчезнет. Любит ли он его? Он не знает. Впрочем, об этом еще будет время подумать, а сейчас надо было выполнить задачу, впервые за много лет поставленную ему не Богом.

Он чувствовал запах гари. В небе кружили стервятники, поджидая, когда можно будет наброситься на уже полуразложившиеся останки акбарских воинов. Илия подошел к одному из воинов и снял у него с пояса меч — во вчерашней сумятице ассирийцы его не заметили.

— Зачем он тебе? — спросил мальчик.

— Для защиты.

— Ассирийцы же покинули город.

— Это не важно. Лучше быть при оружии. Надо быть готовым ко всему.

Голос его дрожал. Никто не смог бы сказать, что произойдет, когда они перешагнут полуразрушенные крепостные стены, но Илия, не колеблясь, убил бы всякого, кто оскорбил бы его.

— Я разрушен так же, как этот город, — сказал он мальчику. — Но — опять же, как он — еще не исполнил свое предназначение.

Мальчик улыбнулся.

— Ты говоришь как прежде.

— Не обманывайся словами. Прежде передо мной была цель — свергнуть Иезавель с престола и возвратить Израиль Господу, но теперь, когда Он позабыл нас, и мы должны позабыть Его. Предназначение мое исполнить то, о чем ты просил меня.

Мальчик взглянул на него недоверчиво:

— Без Бога моя мать не вернется с того света.

Илия погладил его по голове.

— Исчезла только ее бренная оболочка. Сама же она по-прежнему пребывает среди нас, ибо она, как и сказала, и есть Акбар. Мы обязаны помочь ей вернуть прежнюю красоту.

* * *

В городе было малолюдно. По улицам брели старики, женщины и дети — в точности как это было в ночь вторжения — и казалось, они сами не знают, куда идти и что делать.

Мальчик замечал, что всякий раз, встречаясь с кем-нибудь, Илия сжимал рукоять меча. Однако люди оставались безразличны: большинство узнавали израильского пророка, кое-кто кивал ему, но никто не обращал к нему ни слова — ни с приветом, ни с ненавистью.

«Они утратили даже ярость», — подумал он, глядя на вершину Пятой горы, как всегда прячущуюся в тучах. И ему вспомнились слова Господа:

«Повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами; города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши.

Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто их не преследует».

«Да, Господи, Ты сдержал свое слово: сделал как обещал. И живые мертвецы бредут по лицу

земли. Но Акбар избран, чтобы дать им приют».

Двое дошли до главной площади, присели на какие-то обломки, огляделись вокруг. Разорение и разрушение оказались тяжелее и неумолимей, чем представлялось издали: большая часть домов осталась без крыш, грязь и насекомые заполоняли все.

— Нужно похоронить погибших, — промолвил Илия. — Иначе через главные ворота в Акбар придет чума.

Мальчик сидел, опустив голову.

— Выше голову, — сказал Илия. — Нам с тобой предстоят великие труды ради того, чтобы твоя мать осталась довольна.

Но мальчик не послушался, ибо начал сознавать, что где-то под этими развалинами погребено тело той, что подарила ему жизнь, и тело это подобно телам, которые лежат вокруг.

Илия не настаивал. Он поднялся, взвалил на плечи труп и отнес его на середину площади. Нет, ему не вспомнились в этот миг наставления Господа о том, как надлежит погребать умерших, — он хотел всего лишь воспрепятствовать тому, чтобы в город нагрянула моровая язва. Спастись от нее можно было единственным способом: устроить всесожжение.

Он работал все утро. Мальчик оставался на месте, он так и не поднял глаза, но сдержал слово, данное матери: ни единой его слезинки не упало на землю Акбара.

Какая-то женщина остановилась рядом и принялась смотреть, как работает Илия.

— Человек, который прежде решал дела живых, ныне собирает в кучу тела мертвых, — сказала она.

— Где же все жители Акбара? — спросил Илия.

— Они покинули город и забрали с собой то немногое, что уцелело. Ради чего тут оставаться? Не ушел лишь тот, кто не смог, — старики, вдовы, сироты.

— Но ведь здесь сменилось уже несколько поколений горожан. Почему они так легко сдались?

— Спроси это у тех, кто все потерял.

— Помоги мне, — сказал Илия, взваливая на плечи очередной труп. — Надо сжечь их, чтобы в город не пришел бог чумы. Его отпугивает смрад горелого мяса.

— Да пусть приходит! — отвечала женщина. — Пусть приходит и забирает нас всех!

Илия продолжал свое дело. Женщина, продолжая наблюдать за ним, уселась рядом с мальчиком. Спустя какое-то время вновь прибли-

зилась к Илии:

— Зачем ты спасаешь обреченный город?

— Мне некогда об этом думать. Если начну размышлять — пойму, что не могу сделать, что должен.

Да, старик-пастух сказал правду: единственный выход — в том, чтобы позабыть зыбкое и неверное прошлое и сотворить для себя самого новую историю. Прежний Илия-пророк окончил свои дни вместе с вдовой, в пламени ее горящего дома. Теперь он стал человеком, который не верит в Бога и терзается сомнениями. И при этом он — жив, хоть и бросил вызов Богу, рискнув навлечь на себя Его проклятие. Если он хочет и дальше следовать своей стезей, надо выполнить задуманное.

Женщина выбрала труп поменьше и за ноги поволокла его туда, где уже высилась собранная Илией груда тел.

— Это не потому, что я боюсь бога чумы, — сказала она. — И не потому, что жалею Акбар, — все равно сюда скоро опять придут ассирийцы. Я делаю это ради вон того мальчика, что сидит поодаль, не поднимая головы, — он должен знать, что жизнь не кончена.

— Спасибо тебе, — ответил Илия.

— Нечего меня благодарить. Где-то здесь, под руинами, лежит тело моего сына. Ему было примерно столько же, сколько тому мальчику.

Закрыв лицо руками, она заплакала, горько и безутешно. Илия осторожно прикоснулся к ее плечу:

— Наша с тобой боль не стихнет никогда, но работа поможет вынести ее. Усталое тело неуязвимо для страдания.

Целый день потратили они на это тяжкое и горькое дело — подтаскивали на середину площади трупы убитых. Большинство составляли юноши, которых ассирийцы сочли акбарскими воинами. Несколько раз Илия узнавал знакомых и принимался плакать над ними — но так и не прервал работу.

* * *

Ближе к вечеру они совсем выбились из сил. И все равно до конца было еще очень далеко, а никто из жителей Акбара так и не пришел им на помощь.

Илия и женщина присели рядом с мальчиком. И впервые за все это время он вскинул голову:

— Я проголодался.

— Пойду поищу чего-нибудь, — сказала женщи-

на. — В домах много припасов запрятано: люди готовились к длительной осаде.

— Принеси еды мне и себе, — сказал Илия, — ибо мы в поте лица своего заботились о городе. А если этот мальчик проголодался, пусть сам добудет себе пропитание.

Женщина поняла — она и сама бы поступила так по отношению к собственному сыну — и направилась туда, где стоял ее дом, где грабители, искавшие что-нибудь ценное, все перевернули вверх дном и вдребезги перебили ее вазы, созданные искуснейшими акбарскими стеклодувами. Все же ей удалось найти загодя припрятанные сушеные фрукты и муку.

Вернувшись, она поделилась этим с Илией. Мальчик не промолвил ни слова.

Тут к ним приблизился какой-то старик.

— Я видел, как вы целый день собирали убитых, — сказал он. — Зря только время тратили: разве вам невдомек, что ассирийцы вернутся, как только покорят Тир и Сидон? Так пусть же явится бог чумы и выморит их всех.

— Мы стараемся не для них и не для самих себя, — отвечал ему Илия. — Она работает ради того, чтобы показать ребенку, что будущее существует. А я — чтобы показать, что прошлого

больше нет.

— Кто бы мог подумать! Пророк больше не страшен царевне Тира! Иезавель будет править Израилем до конца дней своих, и нам всегда будет где укрыться, если ассирийцы не проявят великодушия к побежденным.

Илия промолчал. Имя, которое прежде пробуждало такую ненависть, сейчас не всколыхнуло в его душе никаких чувств.

— Акбар так или иначе будет отстроен заново, — настойчиво твердил свое старик. — Где должен стоять город, решают боги, и, выбрав место, они уже не отступаются от него. Так что мы можем оставить это будущим поколениям.

— Можем. Но не оставим.

И в знак того, что не хочет больше говорить об этом, Илия повернулся к старику спиной.

Ночевали все трое под открытым небом. Женщина обняла мальчика и услышала, как от голода у него урчит в животе. Она подумала было, не покормить ли его, но тотчас отогнала эту мысль. Усталость и в самом деле притупляет страдание, а этому мальчику, который, судя по всему, терпит сильные душевные муки, надо чем-то отвлечься от них. Быть может, голод заставит его трудиться.

Наутро Илия и женщина возобновили свои труды. Вновь появился и подошел к ним давешний старик.

— Мне нечего делать, и я мог бы помочь вам, — сказал он. — Но силы у меня уже не те, и трупы ворочать мне тяжело.

— Что ж, тогда сгребай в кучу деревяшки и обломки черепицы, сметай пепел.

И старик взялся за дело.

* * *

Когда солнце дошло до середины неба, измученный Илия опустился на землю. Он знал: ангел его рядом, но слышать его больше не мог. «Да и зачем? Он не сумел помочь мне, когда я так нуждался в его помощи, а теперь я в его советах не нуждаюсь. Все, что мне нужно теперь, — это привести Акбар в более или менее приличный вид, показать Богу, что я способен противостоять Ему, ну а потом уйти, куда захочу».

Иерусалим — недалеко: всего неделя пути, причем не слишком уж сложного. Все так, но там его разыскивают как изменника. Должно быть, лучше податься в Дамаск или устроиться писцом в каком-нибудь греческом городе.

Кто-то прикоснулся к его плечу. Он обернулся

— перед ним, с небольшим кувшином в руках, стоял мальчик.

— Посмотри, что я нашел в одном из домов, — сказал он, протягивая ему кувшин, доверху наполненный водой.

Илия выпил все до дна.

— Пойди поешь, — сказал он. — Ты работаешь и значит, заслужил, чтобы тебя кормили.

И впервые с того дня, как ворвались в город ассирийцы, губы мальчика тронула улыбка, и он опрометью бросился туда, где женщина оставила муку и сушеные плоды.

Илия же вновь взялся за работу: он входил в разрушенные дома, высвобождал из-под обломков тела погибших, уносил их на середину площади. Наложенная старым пастухом повязка на руке сползла, обнажив рану, но он не обращал на это внимания: ему нужно было лишь доказать себе самому, что у него хватит сил восстановить свое достоинство.

Старик — сейчас он сгребал в кучи мусор — был, конечно, прав: в скором времени враги вернутся в город, пожиная не ими выращенные плоды. Илия ныне делал работу за тех, кто убил любимую им женщину, ибо суеверные ассирийцы и сами непременно восстановили бы Акбар. По древнему

поверью, боги расставляли города по лицу земли не наобум, но так, чтобы те пребывали в согласии с морями, горами, реками, долинами, лесами. И в каждом из них сохраняли для себя священное пространство, чтобы было где отдохнуть после долгих странствий по свету. И разрушившие город рисковали навлечь на себя гнев богов.

И еще гласила легенда, что основатель Акбара сотни лет назад пришел туда с севера. Решил переночевать и, чтобы отметить место, где оставил свои пожитки, воткнул в землю палку. А наутро не смог ее вытащить и понял тогда волю Мироздания. Он положил камень туда, где случилось это чудо, а невдалеке обнаружил ручей. Постепенно вокруг камня и источника стали селиться племена. Так и возник Акбар.

Правитель как-то раз объяснял Илии, что финикияне издревле считали всякий город *третьей точкой*, звеном цепи, связующей волю неба с волей земли. Вселенная пускала семя в рост, почва позволяла ему развиваться, человек собирал урожай и отвозил в город, где его в виде приношений богам оставляли на склонах священных гор. Илия, хоть странствовать ему пришлось не слишком много, знал, что подобных взглядов придерживаются многие народы.

Ассирийцы же опасались оставлять богов Пятой горы без пропитания и не желали, чтобы нарушилось мировое равновесие.

«Зачем лезут мне в голову эти мысли, если моя воля противоборствует с волей Господа, оставившего меня в несчастье?»

И к нему вернулось чувство, испытанное вчера — в час, когда он осмелился бросить вызов Богу. Будто позабыл нечто очень важное, позабыл, и вспомнить, как ни силится, не может.

Минул еще один день. Они собрали уже едва ли не все мертвые тела, когда на площади появилась еще одна женщина.

— Мне нечего есть, — сказала она.

— Нам — тоже, — ответил Илия. — Вчера и сегодня мы делили на троих припасенное для одного. Постарайся раздобыть еды и скажи мне.

— Где же я ее раздобуду?

— Расспроси детей, они всегда все знают.

А мальчик с той минуты, как подал Илии кувшин с водой, стал, казалось, мало-помалу обретать вкус к жизни. Илия отрядил было его в помощь старику, убиравшему мусор, но надолго приохотить к работе не смог, и теперь мальчик вместе с другими ребятишками играл в дальнем конце площади.

«Что ж, тем лучше. Когда вырастет, еще придется пролить немало пота», — думал Илия, нимало, впрочем, не коря себя за то, что всю прошлую ночь проморил его голодом под тем предлогом, что «не трудящийся да не ест»: обращайся он с ним как с несчастным сироткой, жертвой жестоких ассирийцев, мальчик никогда бы не оправился от глубочайшей подавленности, в которую погрузился с ночи вторжения. Сейчас Илия хотел на несколько дней оставить его одного — пусть отыщет свои собственные объяснения произошедшему.

— Да откуда же детям знать такое? — не унималась меж тем женщина.

— Спроси — и убедишься.

И работавшие увидели, как женщина вступила с детьми в беседу. Те что-то сказали ей, она обернулась, улыбнулась и исчезла за углом.

— Как ты догадался, что дети знают, где найти пропитание? — спросил старик.

— Да очень просто: и я когда-то был ребенком, так что знаю: у детей нет прошлого, — отвечал Илия, вспоминая разговор с пастухом. — В ту ночь, когда ассирийцы взяли город, их, конечно, обуял ужас, но они скоро и думать об этом позабыли: и теперь город превратился для них в

одну огромную площадку для игр, и он весь в их распоряжении. Уверен, что они найдут съестное, припасенное горожанами на случай долгой осады. Ребенок всегда способен преподать взрослому три урока: он весел безо всякой причины, всегда чем-то занят и умеет любой ценой добиваться желаемого. Я и вернулся-то в Акбар из-за этого мальчика.

В тот день после полудня еще несколько мужчин и женщин приняли участие в уборке площади. Дети отгоняли стервятников, сносили в кучу обломки дерева, обрывки ткани. Когда же спустилась ночь, Илия поджег огромную груду трупов. Выжившие в молчании смотрели, как взвивается в самое поднебесье столб дыма.

И когда все было кончено, Илия от усталости упал замертво. Но прежде чем заснуть, вновь посетило его давешнее ощущение: что-то очень важное пыталось и все никак не могло всплыть в его памяти. Нет, это было не то, что узнал он в бытность свою в Акбаре, а какая-то старинная история, и, казалось, вспомни он ее — и все происходящее обретет смысл и станет понятным.

* * *

И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, сказал: отпусти Меня.

Иаков сказал: «не отпущу Тебя, пока не благословишь меня».

И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков.

И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь.

Илия проснулся как от толчка, окинул взглядом небесную твердь. Вот, оказывается, то, что он хотел и не мог вспомнить.

Давным-давно патриарх Иаков ночевал в своем шатре, когда ночью кто-то вошел туда и боролся с ним до зари. Иаков не уклонился от схватки, хоть и знал, что его противник — Сам Господь. И когда наступил рассвет, он все еще не был побежден и прекратил единоборство лишь после того, как Бог согласился благословить его.

И предание это переходило из поколения в поколение, чтобы никто и никогда не забывал: «*Иногда нужно бороться с Богом*». В жизни каждого человека случаются такие минуты, когда

он видит, как пересекает его жизненный путь беда, будь то разрушение города, смерть ребенка, неправедное обвинение, болезнь, от которой остаешься калекой на всю жизнь. И вот в такую минуту Бог испытывает человека, требуя ответа на свой вопрос: «Зачем ты так цепляешься за свое краткое и исполненное страданий существование? В чем смысл твоей борьбы?»

Один человек, не знающий, что ответить на этот вопрос, примиряется со своей участью. А другой, ищущий своему бытию смысл и оправдание, сознает, что Бог поступил несправедливо, и бросает вызов собственной судьбе. И тогда ударяет с небес огонь — но не тот, что пепелит, а тот, что рушит и валит прежние, старые стены и открывает перед каждым его истинные возможности. Малодушный и робкий никогда не позволит, чтобы сердце его занялось этим огнем, ибо хочет всего лишь, чтобы все вновь стало прежним, причем немедленно, чтобы можно было жить и мыслить на прежний, привычный лад. Человек же отважный предает огню все прежнее и — пусть даже ценой неимоверных сердечных мук — отрешась от всего, включая самого Бога, идет вперед.

«Отвага неотъемлема от упорства».

И с небес с довольной улыбкой следит за ним

Господь, ибо именно этого Он и хотел: чтобы каждый сам отвечал за собственную жизнь. Ибо некогда наделил Он сынов своих поистине бесценным даром — способностью выбирать из многих решений одно и поступать согласно ему.

Но только те, в чьем сердце горит священное пламя, обладают отвагой противостоять Богу. И лишь им одним известен обратный путь к Его любви, ибо поняли они: *беда — это не наказание, но испытание.*

Илия переосмыслял каждый свой шаг — ведь с той минуты, как он покинул свою мастерскую, ему и в голову не приходило оспаривать свое предназначение. Даже если оно было истинным — а он именно так и считал, — у него никогда не было возможности увидеть, что происходит на тех дорогах, пройти по которым он отказался. Потому что боялся потерять веру, волю, рвение.

И еще он считал, что опасно ходить торными путями — к этому можно привыкнуть и повлечься душой. Ибо не сознавал, что и он — такой же, как все прочие, хоть и слышит время от времени ангельский глас и получает приказы от Бога, и до такой степени был убежден, будто знает, чего хочет, что и вел себя в точности как те люди, которые никогда в жизни не принимали сколь-

ко-нибудь важное решение.

Да, он уже когда-то давно сбежал от сомнения. От поражения. От нерешительности. Но Господь в неизреченном милосердии Своем вверг его в бездну неминуемого, чтобы показать: человек свою судьбу должен *выбирать*, а не *принимать*.

Много-много лет назад, в такую же ночь Иаков не отпустил Бога, пока Тот не благословил его. И тогда Господь спросил: «Как имя твое?»

Да, в том-то вся суть — в имени. И когда Иаков назвался, Бог нарек его по-другому — Израилем. Каждый человек носит свое имя с колыбели, но обязан научиться тому, чтобы наречь свою жизнь словом, которое изберет, чтобы придать этой самой жизни смысл.

«*Я — Акбар*», — сказала вдова.

Потребовалось пережить разрушение города и гибель любимой женщины, чтобы Илия понял, что нуждается в новом имени. И в тот же самый миг он назвал свою жизнь: *Освобождение*.

* * *

Он поднялся и оглядел площадь: еще дымился пепел тех, кто потерял здесь жизнь. Предав их тела огню, Илия нарушил древний обычай своей отчизны, требовавший, чтобы покойники были

захоронены в земле. Решившись на всесожжение, он бросил вызов Богу и обряду, но не чувствовал за собой греха, ибо новую задачу и решать следует по-новому. Милосердие Божье неисчерпаемо — и с неумолимой суровостью взыскивает Он с тех, кому не хватило мужества решиться.

Он снова обвел площадь взглядом: кое-кто из выживших еще не спал и неотрывно смотрел на огонь — так, словно он пожирал и воспоминания, и прошлое, и все двести мирных и вялых лет Акбара. Ушло навек время страха и ожидания, теперь осталось либо признать поражение, либо все начать заново.

Подобно Илии, выжившие тоже могли выбрать себе имена. *Примирение, Мудрость, Любящий, Паломник* — выбор велик, имен — как звезд на небе, но каждый должен дать своей жизни новое имя.

Илия стал молиться:

«Я боролся с Тобой, Господи, и не стыжусь этого. И понял, что следую своей стезей, потому что сам захотел этого, а не был направлен по ней отцом с матерью, обычаями моей страны или даже самим Тобой.

И в этот миг, Господи, я хочу вновь прибегнуть к Тебе. Хочу славить Тебя всей силой души, а не по малодушию, присущему тем, кто просто не

сумел выбрать иной дороги. И для того, чтобы Ты доверил мне сделать нечто важное, я должен продолжать биться с Тобой до тех пор, пока Ты не благословишь меня».

Поднять Акбар из руин. То, что Илия считал вызовом Богу, было, по существу, новой встречей с Ним.

Наутро вновь появилась давешняя женщина и привела с собой других.

— Мы нашли несколько схронов, — сказала она. — Много народу погибло, многие бежали вслед за правителем, так что съестных припасов нам должно хватить на год.

— Отряди стариков следить за тем, чтобы еды всем доставалось поровну, — ответил Илия. — Они люди опытные и сумеют наладить дело.

— Старики не хотят жить.

— Пусть хотя бы придут сюда.

Женщина уже собиралась идти, когда Илия задержал ее:

— Ты умеешь писать?

— Нет.

— А я научился и тебя научу. Тебе понадобится это, чтобы помогать мне управлять городом.

— Так ведь скоро вернутся ассирийцы.

— Без нас они не справятся.

— Зачем же нам помогать врагу?

— Затем, чтобы каждый мог дать имя своей жизни. Враг — это всего лишь способ проверить нашу силу.

* * *

Как и предвидел Илия, старики откликнулись на зов.

— Акбар нуждается в вашей помощи, — сказал он им. — И потому по нынешним временам старость — это непозволительная роскошь. Нам нужна некогда утраченная вами юность.

— Мы не знаем, где найти ее, — отвечал один из старцев. — Ее и не разглядеть теперь за морщинами и разочарованиями.

— Неправда. Вы никогда ничем не были очарованы, потому-то юность и скрылась от вас. Пришло время отыскать ее, ибо у нас теперь общая мечта — восстановить Акбар.

— Как можно сделать невозможное?

— С воодушевлением.

Глаза стариков, запавшие от печали и уныния, снова заблистали. Теперь это были уже не те никчемные и дряхлые завсегдатаи судилищ, приходившие на площадь, чтобы потом было о чем

потолковать и что обсудить вечерком. Теперь перед ними стояла важная задача, и они чувствовали себя нужными.

Самые бодрые и крепкие из них принялись разбирать разрушенные дома, ища то, что еще могло пригодиться для починки зданий, потерпевших меньший ущерб. Самые немощные и слабые помогали развеять в полях прах сожженных — чтобы при сборе нового урожая город мог вспомнить и помянуть добрым словом своих защитников. И, наконец, третьи занялись тем, что отыскивали по всему Акбару припрятанное зерно, мололи его и пекли из него хлеб, носили из колодца воду.

По прошествии еще двух суток Илия собрал всех жителей на площади, почти полностью очищенной от мусора и обломков. Зажгли факелы, и он начал говорить:

— Выбора у нас нет. Можем оставить этот труд чужеземцам, но это будет значить, что мы отвергаем ту единственную возможность, которую предоставляет нам грянувшая над Акбаром беда. Возможность переустроить и воссоздать нашу жизнь.

Пепел, в который обратились тела наших воинов, удобрит посевы, и весной они взойдут.

Чей-нибудь сын, убитый в ночь вторжения, воплотится во множество других детей, что сейчас бегают по разрушенным улицам города и играют там, куда раньше им не было доступа. До сей минуты лишь им одним под силу было преодолеть случившуюся беду, ибо у детей нет прошлого и в расчет принимается лишь настоящее. Постараемся же уподобиться им.

— В силах ли человеческих угасить в сердце скорбь потери? — спросил кто-то.

— Нет. Но можно возрадоваться обретенным заново.

Илия повернулся и указал на вершину Пятой горы, скрытую, как всегда, в тучах. Теперь, когда Акбар лежал в развалинах, вершина была видна с середины площади.

— Я верую в Бога Единого, а вы думаете, будто боги обитают вон на том облаке, закрывающем Пятую гору. Не хочу сейчас спорить о том, чей бог сильней или могущественней, и говорить буду не о различиях, но о сходстве. Беда вызвала у всех нас одно общее чувство, и чувство это — отчаянье. Отчего это произошло? Оттого, что мы сочли: в душах наших все уже решено, на все дан ответ — и никакие перемены для нас неприемлемы.

И вы, и я принадлежим к народам торговым, но

вместе с тем умеем вести себя как подобает воинам, — продолжал он. — А воин всегда знает, за что стоит сражаться, а за что — нет. Он не вступит в битву, ненужную ему, и не станет терять время на то, чтобы дразнить и подстрекать неприятеля, вынуждая его напасть первым.

Воин умеет проигрывать. Воин не расценивает поражение как нечто безразличное ему, но и не тщится обратить его в победу. Его томит боль утраты, он страдает от равнодушия и впадает в отчаяние от одиночества. Но, пройдя через все это, он зализывает раны и все начинает сначала. Он знает: война — это цепь сражений, и смотрит вперед.

Случаются страшные беды. Мы можем понять их причины, винить других, воображать, как сложилась бы наша жизнь, не будь этой беды. Но все это бессмысленно: беда уже грянула, тут уже ничего не поделаешь. Ничего, кроме одного — надо позабыть страх, оставшийся в душе, и начать возрождение.

Отныне каждый из вас наречет себя новым именем. Это будет священное имя, в котором сплавится воедино все, за что вы мечтали сражаться. Я выбрал себе — *Освобождение.*

На какое-то время воцарилась тишина. Потом

поднялась та женщина, которая первой пришла на помощь Илии:

— Я назову себя *Новая Встреча.*

— Мое имя — *Мудрость,* — сказал какой-то старик.

Мальчик, сын вдовы, которую любил Илия, — воскликнул:

— Я — *Алфавит.*

Люди на площади захохотали, и мальчик, смутясь, сел на место.

— Что же это за имя такое? — насмешливо крикнул другой мальчишка.

Илия мог бы вмешаться, но не стал — пусть мальчик учится защищаться сам — и услышал, как тот ответил:

— Моя мать занималась этим. Каждый раз, взглядывая на буквы, я буду вспоминать ее.

На этот раз никто не засмеялся. Вдовы, сироты, старики Акбара поочередно называли себя новыми именами, обозначали свою новую сущность. Когда церемония завершилась, Илия попросил всех пораньше лечь спать — назавтра предстояли великие труды.

Потом взял мальчика за руку и повел в тот угол площади, где натянутая на кольях парусина образовывала нечто вроде навеса или шатра.

И с того вечера он начал учить его Библосу.

Дни перетекали в недели, и Акбар менял свой облик. Мальчик быстро научился выводить буквы и складывать из них осмысленные слова. Илия же был занят тем, что на глиняных табличках записывал историю возрождения города.

Бруски глины, прокалившиеся и затвердевшие в самодельном горне, тщательно прятала чета престарелых супругов. Каждый день по просьбе Илии они рассказывали ему о том, что видели в детстве, и он заносил их слова на глину.

— Мы сохраним память об Акбаре на таком материале, которому не будет страшен огонь, — объяснял он. — Когда-нибудь наши дети и внуки узнают, что мы не смирились с поражением и оставили неминуемое позади. Это послужит им уроком.

Каждый вечер, позанимавшись с мальчиком, Илия бродил по опустелому городу, выходил на дорогу, ведущую в Иерусалим, думал, что вот сейчас двинется по ней, — и отгонял эту мысль.

Тяжкий труд заставлял его думать только о настоящем, не загадывая наперед. Он знал: горожане рассчитывают на него в деле восстановления Акбара. Однажды он уже разочаровал их, не сумев воспрепятствовать смерти ассирий-

ского лазутчика — и тем самым предотвратить войну. Но Бог всегда дает чадам своим вторую попытку, и теперь следовало воспользоваться ею. Кроме того, его все сильней увлекала задача воспитания мальчика, и он старался не только научить его грамоте, но и внушить ему веру в Господа и передать толику мудрости предков.

Но ни на миг не забывал он, что его собственная отчизна попала под власть иностранной царевны и чужих богов. Ангел с огненным мечом больше не преграждал ему путь — он мог уйти, как только пожелает, и делать, что заблагорассудится.

И каждую ночь он думал о том, как уйдет прочь.

И каждую ночь воздевал руки к небу и молился:

«Иаков боролся до самой зари и получил благословение, лишь когда рассвело. Я борюсь с Тобою на протяжении многих дней, долгих месяцев, а Ты отказываешься склонить ко мне слух. Но взгляни вокруг и увидишь: я побеждаю. Акбар поднимается из руин, и я восстановлю то, что Ты посредством ассирийских мечей обратил в прах и пепел.

И буду бороться с Тобой, пока Ты не благословишь меня и плоды моего труда. Придет день — и

Тебе придется мне ответить».

* * *

Женщины и дети носили воду на поля, силясь одолеть засуху, которой, казалось, не будет конца. И однажды, когда солнце жгло особенно безжалостно, Илия услышал, как кто-то сказал:

— Мы трудимся, не разгибая спины, и позабыли ту страшную ночь, когда ассирийцы взяли наш город приступом. Позабыли и о том, что они непременно вернутся, как только разграбят и опустошат Тир, Сидон, Библос и всю Финикию. Труд спасает нас. Но поскольку мы целиком сосредоточены на восстановлении города, кажется, будто все остается по-прежнему. Мы не видим плодов наших усилий.

Илия задумался над этими словами. И потом приказал, чтобы по завершении дневных трудов люди собирались у подножия Пятой горы и все вместе наблюдали заход солнца.

Как правило, все были так утомлены, что не в силах были даже говорить, однако быстро поняли, как важно, когда мысли текут в голове будто сами собой, неведомо куда, как облака по небу. И из каждого сердца уходила тоска, и люди обретали силы для нового дня.

Проснувшись, Илия сказал людям, что работать сегодня не будет.

— В моей стране сегодня отмечают День Искупления.

— В душе твоей нет места греху, — заметила одна из женщин. — Ты сделал все что мог, и как нельзя лучше.

— Надо блюсти обычай. И я исполню его.

Женщины понесли воду на поля, старики взялись за возведение рухнувших стен, стали мастерить оконные рамы и двери, дети помогали лепить из глины кирпичи, которые потом обожгут в печи. Илия смотрел на все это, и сердце его было исполнено ликования. А потом он вышел за городскую черту и пошел в долину.

Шел куда глаза глядят, повторяя затверженные в детстве молитвы. Солнце было еще невысоко, и оттуда, где стоял он, была отчетливо видна исполинская тень Пятой горы, закрывавшая часть долины. Предвестие ужасной истины коснулось его: борьба между Богом Израиля и финикийским богом будет продолжаться еще много тысячелетий.

* * *

Вспомнилось ему, как однажды ночью он взобрался на вершину и там разговаривал с ангелом. Но с той поры, как пал Акбар, никогда более не слышались Илии приходящие с неба голоса.

— Господи, сегодня День Искупления, и долог перечень моих грехов перед Тобой, — молвил он, обратясь лицом к Иерусалиму. — Я был слаб, ибо позабыл о собственной моей силе. Я был уступчив, когда надо было проявить твердость. Я не выбирал из опасения выбрать неправильно. Я умирал прежде смерти и проклинал — вместо того чтобы благодарить.

Но и передо мной, Господи, Ты грешен во многом. Ты заставил меня страдать свыше меры, унеся с этого света ту, кого я любил. Ты уничтожил город, где я обрел приют. Твоя суровость почти изгнала из моего сердца любовь к Тебе. Все это время я боролся с Тобой, а Ты не признал меня достойным противником. И если сравнить перечни наших грехов, окажется, что Ты передо мной в долгу. Но сегодня День Искупления, так что прости меня, я же — прощу Тебя, чтобы мы могли дальше идти вместе.

В тот же миг он ощутил некое дуновение и

услышал голос своего ангела:

— Ты поступил правильно, Илия. Бог принимает твою борьбу.

В слезах Илия пал на колени и поцеловал выжженную землю долины.

— Благословен будь твой приход! Ибо продолжаю терзаться сомнениями: не согрешил ли я, сделав это?

Ответил ангел:

— Когда новобранец сражается со своим наставником-ветераном, разве он оскорбляет его?

— Нет. Это — единственный способ постичь приемы и навыки боя.

— Тогда продолжай свое единоборство до тех пор, пока Господь не призовет тебя обратно в Израиль, — сказал ангел. — Поднимись с колен, иди и продолжай доказывать, что борьба твоя исполнена смысла, ибо тебе удалось одолеть стремнину Неизбежного. Многие тщились делать это, но терпели бедствие и шли ко дну. Не меньше было и тех, кого тащило течением и выбрасывало потом на чуждый, не им сужденный берег. Ты же достойно справляешься с этим, ты направляешь свой челн туда, куда хочешь сам, и пытаешься переплавить свою боль в деяние.

— Как жаль, что ты слеп, — сказал Илия. —

Иначе увидел бы, что старики, вдовы и сироты оказались способны возродить город. И в скором времени все станет так, как было прежде.

— Надеюсь, *не станет*, — ответил ангел. — Ибо слишком дорого заплатили они за то, чтобы жизнь их изменилась.

Илия улыбнулся. Ангел был прав.

— Надеюсь, и ты поведешь себя подобно тем, кому предоставили вторую возможность, и не совершишь одну и ту же ошибку дважды. И никогда не позабудешь, в чем смысл твоей жизни.

— Не позабуду, — ответил Илия, ликуя оттого, что ангел вернулся.

Караваны больше не проходили по долине — из-за ассирийцев, разрушивших дороги, торговые пути пролегали ныне через иные земли. Каждый день несколько мальчишек поднимались на единственную уцелевшую крепостную башню: им было поручено вглядываться в горизонт и оповестить о приближении ассирийцев. Илия намеревался принять их с почетом и передать им власть.

И тогда он сможет уйти.

Но с каждым прожитым днем все яснее чувствовал он — Акбар стал частью его жизни. Быть может, предназначение его вовсе не в том,

чтобы свергнуть Иезавель, а в том, чтобы провести со здешним народом остаток дней своих, сделавшись смиренным рабом ассирийских завоевателей. Восстанавливать торговые пути, выучить язык врага и — в часы досуга — пополнять библиотеку, которая с каждым днем пополняется все новыми табличками.

И то, что однажды ночью, ныне уже бесконечно отдаленной во времени, представлялось гибелью города, теперь возвещало возможность сделать его еще более прекрасным. Улицы стали шире, кровли домов прочнее, а искусное хитросплетение труб доставляло воду из источника на самые глухие окраины Акбара. Обновилась и сама душа Илии, и каждый день учился он у стариков, у женщин, у детей чему-нибудь новому. И все они — не покинувшие Акбар в силу полнейшей беспомощности своей — превратились теперь в спаянное общей целью и совместными трудами сообщество мастеров.

«Если бы правитель мог хотя бы предположить, что от них может быть столько пользы, он по-иному выстроил бы оборону города и, может быть, спас бы его от разрушения».

Так подумал Илия, но тотчас понял, что заблуждался. Акбар должен был быть разрушен — во

имя того, чтобы его жители смогли пробудить дремлющие в них силы.

* * *

Месяц проходил за месяцем, а ассирийцы не подавали признаков жизни. Акбар был почти полностью восстановлен, так что Илия мог устремить свои думы к будущему. Женщины отыскивали запасы тканей и шили из них новую одежду. Старики заботились о том, чтобы в городе было чисто, и наводили порядок в домах. Дети охотно откликались на просьбы помочь, но чаще всего целыми днями играли: такова уж их главная обязанность — играть.

Сам Илия вместе с сыном вдовы поселился в маленьком доме, сложенном из камня на том месте, где прежде помещались купеческие склады. Жители города каждый вечер рассаживались вокруг костра, горевшего на главной площади, и рассказывали всякую всячину: все, что случилось когда-либо услышать, — Илия же с помощью мальчика заносил их слова на глиняные таблички с тем, чтобы наутро обжечь в печи. Библиотека росла на глазах.

Женщина, потерявшая сына, тоже учила буквы Библоса. Увидев, что она уже может составлять

слова и целые связные предложения, Илия попросил ее обучить алфавиту всех прочих горожан — когда вернутся ассирийцы, они смогут пригодиться им как переводчики или учителя.

— Именно этого хотел избежать жрец, — сказал как-то старик, нарекший себя Океаном, ибо мечтал, чтобы душа его была так же безбрежна и бездонна. — Он опасался, что письменность Библоса уцелеет и будет угрожать богам Пятой горы.

— Кому под силу избежать неизбежного? — ответил ему Илия.

Днем жители работали, вместе встречали заход солнца, а вечерами рассказывали истории у костра.

Илия был горд плодами своих усилий. И с каждым днем они становились ему все дороже.

* * *

С башни бегом сбежал один из дозорных:

— На горизонте — облако пыли! — взволнованно крикнул он. — Ассирийцы возвращаются!

Илия поднялся на башню, убедился: так оно и есть. По всем расчетам получалось, что неприятель достигнет ворот Акбара на следующий день.

Он оповестил всех, что вечером они не пойдут

смотреть на закат, а должны будут собраться на площади.

И по окончании дневных трудов все были там, и на лицах горожан Илия заметил страх.

— Сегодня мы не будем вспоминать былое и не станем представлять, какое будущее уготовано Акбару, — сказал он. — Поговорим о нас самих.

Все молчали.

— Сколько-то времени назад, в ночь полнолуния, случилось то, что все мы предчувствовали, но принять не могли, — ассирийцы разрушили Акбар. И ушли, оставив за собой трупы самых сильных, самых лучших жителей. Те, кому удалось выжить, сочли, что здесь больше оставаться нет смысла, и покинули пепелище. Остались только старики, вдовы, сироты — одним словом, те, от кого, по общему мнению, нет ни прока, ни пользы.

А теперь оглянитесь вокруг: площадь стала краше прежнего, дома — прочнее и крепче, пропитание всем раздается поровну и каждый учит письменность, придуманную в Библосе. В известном месте спрятано собрание глиняных табличек, на которых мы пишем нашу историю, так что будущим поколениям будет что вспомнить о нас и наших деяниях.

И теперь стало понятно, что старики, вдовы, сироты тоже ушли, оставив вместо себя бодрых, исполненных одушевления молодых людей — не важно, сколько лет им от роду, — которые дали жизням своим имена и смысл.

Восстанавливая город, мы ни на миг не забывали, что рано или поздно ассирийцы вернутся. Мы знали, что настанет день, и придется отдать им город, а вместе с городом — пролитый нами пот, наши усилия, нашу радость при виде того, как он хорош.

При свете костра было видно, как по щекам кое-кого из горожан текут слезы. Даже дети, обычно во время этих ночных бдений беспечно игравшие, сейчас прислушались к словам Илии. А тот продолжал:

— Но это не важно. Мы исполнили долг свой перед Господом, ибо приняли вызов Его и не отвергли честь вступить с Ним в борьбу. До той ночи Он настойчиво твердил нам: «Иди!» Мы не внимали Ему. Отчего так?

Оттого, что каждый из нас уже определил собственную судьбу: я, к примеру, хотел свергнуть Иезавель, женщина, ныне взявшая себе имя *Новая Встреча*, мечтала, чтобы сын ее сделался корабельщиком, мужчина, зовущийся теперь

Разумом, желал всего лишь до конца дней своих попивать вино на площади. Все мы привыкли к священной тайне жизни — до того привыкли, что перестали придавать ей значение. И тогда Господь сказал себе: *«Они не хотят идти?! Так пускай же остановятся надолго!»* И лишь тогда стал нам внятен поданный Им знак. Сталь ассирийских клинков скосила наших юношей, трусость прогнала прочь зрелых мужей. И где бы ни находились они сейчас, они остановились, ибо приняли проклятие Бога.

А вот мы не смирились с Ним, мы боремся с Господом. Точно так же, как боремся мы с теми, кого любим всю жизнь, ибо эта схватка дарует нам благодать и заставляет нас расти. Мы воспользовались обрушившейся на нас бедой и исполнили свой долг перед Господом, доказав, что способны повиноваться приказу «Иди!». В самых тяжких обстоятельствах мы будем идти вперед.

Порою Господь требует от нас повиновения. А порою — желает испытать нашу волю и бросает нам вызов, давая возможность почувствовать Его любовь. Мы поняли Его желание, когда пали наземь стены Акбара, раздвинув и собственные наши горизонты и позволив каждому из нас увидеть, на что он способен. Мы перестали думать о

жизни и начали жить!

И хороши были плоды этого.

Илия заметил, как снова заблестели глаза людей: они поняли его.

— Завтра я сдам Акбар без боя. Я волен идти на все четыре стороны, ибо все, чего Господь ждал от меня, сделано. Но в этой земле, обильно политой моим потом и кровью, осталась лежать единственная любовь всей моей жизни, и потому я принял решение остаться здесь до конца моих дней, чтобы не допустить нового разрушения. Пусть каждый решает сам, как ему поступить, но никогда не забывайте: вы — лучше, чем кажетесь себе. Воспользуйтесь возможностью, которую дала вам беда, ибо не всякому под силу сделать это.

Илия поднялся и сделал знак разойтись. Предупредил мальчика, что придет попозже, и велел ему ложиться спать, не дожидаясь своего возвращения.

* * *

И направился к храму — единственному зданию во всем Акбаре, которое не пришлось восстанавливать, ибо ассирийцы не разрушили его, а лишь увезли с собой изваяния богов. Илия очень почтительно дотронулся до камня, стоявшего там,

где, согласно преданию, в незапамятные времена легендарный основатель города воткнул в землю свой посох и не смог вытащить его.

И подумал Илия о том, что в его родной стране волей Иезавели воздвиглись такие же храмы и многие его соплеменники унизились до поклонения Ваалу и прочим финикийским богам. И вновь коснулось его души прежнее предчувствие: битва между Господом Израиля и богом финикиян будет долгой, такой долгой, что не хватает воображения представить это себе. Мысленным взором он увидел, как звезды пересекают солнце, обрушивая на обе страны смерть и разрушение. Люди, говорящие на непонятных языках, будут истреблять друг друга стальными огнедышащими чудищами и противоборствовать в поднебесье.

— Не это должен ты видеть сейчас, ибо время еще не приспело, — услышал он голос ангела. — Погляди в окно.

Илия послушался. Снаружи полная луна освещала улицы и дома Акбара и, несмотря на поздний час, слышались еще голоса и смех. Даже в преддверии прихода ассирийцев люди не утратили вкуса к жизни и готовы были смело встретить новое.

Потом он увидел какую-то тень и понял — это она, та, которую он так любил: сейчас она вновь горделивой поступью идет по своему городу. Илия улыбнулся и почувствовал, как ее ладонь прикоснулась к его лицу.

— Да, я горжусь тобой, — почудились ему ее слова. — Акбар и вправду стал краше прежнего.

Ему захотелось заплакать, но он вспомнил мальчика, так и не пролившего ни слезинки, и сдержался. Вспомнил самые прекрасные часы той истории, что прожили они вместе, от первой встречи у городских ворот до слова «любовь», написанного ею на глиняной табличке. Вспомнил ее платье, волосы, тонкие черты лица.

— Ты сказала мне, что станешь Акбаром. И я излечил тебя, исцелил твои раны и теперь возвращаю тебя к жизни. Будь счастлива вместе со своими новыми сотоварищами. Хочу сказать тебе вот еще что: я — тоже Акбар, просто не знал об этом.

Он догадывался, что она улыбается.

— Ветер пустыни давно уже занес наши следы на песке. Но в каждое мгновение моего бытия я вспоминаю то, что было, и ты по-прежнему со мной — и во сне, и наяву. Благодарю тебя за то, что когда-то пересекла мой путь.

Он уснул там же, в храме, и, засыпая, чувствовал, как женщина гладит его волосы.

Старший из купцов заметил впереди на дороге кучку оборванных людей и, решив, что это разбойники, велел караванщикам быть наготове.

— Кто такие? — спросил он.

— Народ Акбара, — ответил ему бородатый человек с горящими глазами. Караванщику почудился в его речи легкий чужестранный выговор.

— Акбар стерт с лица земли. Правители Тира и Сидона отправили нас на поиски источника воды, чтобы караваны могли снова проходить этой долиной. Нельзя же, чтобы связи со всем прочим миром прерывались так надолго.

— Акбар существует, — возразил бородатый. — А где ассирийцы?

— Это уже всем известно, — засмеялся караванщик. — Удобряют собой почву нашей отчизны. И давно уже пошли на корм стервятникам и шакалам.

— Как же так? Ведь у них было такое сильное войско…

— Самое сильное войско разлетится в прах, если знать, когда оно нападет. Из Акбара нас известили о его приближении, воины Тира и Сидона устроили ему засаду на дальней оконечности

долины и разбили наголову. Кто не погиб в бою, был увезен нашими корабельщиками и продан в рабство.

Оборванные люди огласили долину криками радости, принялись обниматься, одновременно и плача, и смеясь.

— Вы-то кто такие? — допытывался купец. — Вот ты, например? — обратился он к бородатому.

— Мы — новоявленные воины Акбара, — был ответ.

* * *

Ко времени сбора третьего урожая Илия был уже правителем города. Далось это непросто: прежний правитель хотел вернуться и занять прежнюю свою должность, ибо так предписывал обычай. Однако горожане воспротивились, отказались принять его и даже пригрозили, что отравят источник. В конце концов финикийские власти сдались и уступили их требованиям, рассудив, что Акбар, в сущности, нужен лишь для того, чтобы снабжать водой путешественников, а царевна Сидонская сидит на израильском престоле. Уступив должность градоначальника израильтянину, финикияне могли предпринять шаги по укреплению торгового союза.

Новость мигом разнеслась по всей округе благодаря купеческим караванам, вновь двинувшимся из конца в конец края. Кое-кто в Израиле считал Илию подлейшим из предателей, но было ясно, что в свой срок Иезавель заставит утихнуть и этот ропот, и вновь восторжествует мир. Сама же царевна торжествовала, ибо злейший ее враг сделался наконец самым верным союзником.

Поползли слухи о том, что готовится новое нашествие ассирийцев, и Акбар вновь опоясался крепостными стенами. Мало того — на пространстве между Акбаром и Тиром там и тут стояли теперь отряды воинов с далеко выдвинутыми вперед дозорами, так что попади один из городов в осаду, можно было по суше двинуть к нему на помощь подкрепления, а морем доставить продовольствие.

Край расцветал прямо на глазах: новый правитель стал строго следить за сбором пошлин, которые теперь тщательно записывались. Старики ничего не оставляли своим вниманием, изобретали более совершенные способы взимать налоги, терпеливо разбирали все тяжбы и споры.

Женщины же обрабатывали землю и ткали. Не было бы счастья, да несчастье помогло: пока Акбар был отрезан от всего мира, им, чтобы

разнообразить скудные запасы ткани, пришлось придумать новые виды отделки и вышивки, столь восхитившие купцов, которые вновь появились в городе, что они сделали множество заказов.

Дети же осваивали письменность. Илия был убежден, что когда-нибудь Библос очень им пригодится.

* * *

Как всегда перед сбором урожая, проходил он в тот день по полям, вознося хвалу Господу за те бесчисленные благословения, что получал за все эти годы. И видел людей, несших корзины, доверху наполненные зерном, видел играющих вокруг детей и взмахом руки посылал им привет, и они отвечали ему.

С улыбкой на лице направился он к тому камню, у которого когда-то давно получил глиняную табличку с выведенным на ней словом «любовь». Он взял себе за правило бывать здесь ежедневно, провожать садящееся солнце и одну за другой воскрешать в памяти минуты, проведенные рядом с возлюбленной своей.

И было слово Господне к Илии в третий год: пой-

ди, и покажись Ахаву, и Я дам дождь на землю.

Илия, сидевший на камне, вдруг увидел, как задрожало все вокруг, небо на мгновение сделалось совсем черным, но тотчас заблистало на нем солнце.

Потом он увидел свет. Ангел Господень стоял перед ним.

— Что это было? — вопросил Илия в испуге. — Господь простил Израиль?

— Нет, — услышал он. — Он хочет, чтобы ты пришел туда и освободил свой народ. Твоя борьба с Ним окончена, и в этот миг Он благословляет тебя. И позволяет тебе закончить Его труды в этом краю.

Илия был ошеломлен.

— Как раз сейчас, когда сердце мое вновь обрело мир?!

— Вспомни, какой урок был уже преподан тебе однажды. Вспомни слова Господа, обращенные к Моисею:

И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой… чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоем.

Когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить в них;

И когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, то смотри, чтобы не надмилось сердце твое, и не забыл ты Господа, Бога твоего.

Илия обратился к ангелу и спросил:

— А как же Акбар?

— Акбар обойдется и без тебя, ибо ты оставил преемника дел своих. Акбару жить еще очень долго.

И с этими словами исчез.

Илия с мальчиком пришел к подножию Пятой горы. С тех пор как погиб жрец, ничья нога не ступала сюда, и деревья уже выросли меж камней алтаря.

— Поднимемся наверх.

— Это запрещено.

— Да. Но «запрещено» не означает «опасно».

Взяв мальчика за руку, он стал взбираться к вершине. Время от времени останавливаясь, они глядели вниз, на долину. Давняя засуха оставила свои следы везде, и, за исключением возделанных полей рядом с Акбаром, вокруг простиралась выжженная пустыня, подобная землям египетским.

— Ребята говорили, что ассирийцы скоро вернутся, — сказал мальчик.

— Может быть, и так, но мы трудились не впу-

стую. Этот путь избрал Господь, чтобы вразумить нас.

— Если Он и вправду так печется о нас, почему же был столь жесток прежде?

— Думаю, Он испробовал разные способы, пока не убедился, что мы не внемлем Ему. Слишком уж привыкли мы жить как живется и не обращали внимания на слова Его.

— А где они, эти слова?

— Повсюду вокруг тебя. Лишь взгляни повнимательней на все, что происходит в твоей жизни, и ты увидишь, где Бог ежеминутно прячет облеченную в слова волю Свою. Старайся исполнить ее, ибо это — единственный смысл нашего пребывания на этом свете.

— Если найду — занесу эти письмена на глиняные таблички.

— Занеси. А еще лучше — запечатлей их в своем сердце: там им не страшен ни огонь, ни тлен, и они повсюду будут с тобой.

Подъем продолжался. Облака были теперь совсем близко, и мальчик, указывая на них, сказал:

— Не хочу туда.

— Они не причинят нам никакого вреда, это всего-навсего облака. Идем.

Он взял мальчика за руку, и они пошли дальше.

Вскоре они оказались в густом тумане. Мальчик прильнул к Илии и, сколько ни пытался тот заговаривать с ним, не произносил ни слова. Теперь они карабкались по голым скалам вершины.

— Давай вернемся, — взмолился мальчик.

Илия счел за благо не настаивать — юный спутник его и так испытал слишком много на кратком своем веку — и выполнил его просьбу. Они вынырнули из пелены тумана и вновь увидели внизу долину.

— Когда-нибудь ты отыщешь в библиотеке Акбара то, что я написал для тебя. Я назвал это «Книгой воина света».

— Я — воин света?

— Ты знаешь, как меня зовут теперь?

— *Освобождение*.

— Садись рядом, — Илия указал на камень. — Я не могу забыть свое имя. И обязан выполнить порученное мне, хотя сейчас хочу только одного — быть с тобой. Именно для того Акбар восстал из руин, чтобы внушить нам — надо идти вперед, как бы труден ни казался нам этот путь.

— Ты уйдешь.

— Как ты догадался? — удивленно спросил Илия.

— Вчера вечером я написал это на одной из

табличек. Словно кто-то шепнул мне: сделай это. Может быть, мама, а может быть, ангел. Но слова эти уже были запечатлены в моем сердце.

Илия погладил его по голове.

— Ты научился распознавать волю Господа, — сказал он удовлетворенно. — И я ничего больше не должен тебе объяснять.

— Я прочел в твоих глазах печаль. Это не трудно. Все мои друзья тоже увидели это.

— Печаль, которую ты и они прочли в моих глазах, — тоже часть моей жизни. Но — часть малая, и продлится она всего несколько дней. Завтра, когда я уйду в Иерусалим, она станет слабей, чем была прежде, а потом мало-помалу и вовсе исчезнет. Когда идешь навстречу своей мечте, печали недолги.

— Неужели всегда нужно уходить?

— Нужно безошибочно чувствовать, что шагнул на новую ступеньку в жизни. Если захочешь задержаться на прежней — утратишь и радость, и разумение. И окажешься под угрозой Божьего удара.

— Больно бьет твой Господь.

— Только избранных.

* * *

Илия сверху окинул Акбар взглядом. Да, Господь порой бьет очень больно, но все же — никогда не превыше сил человеческих. Ведь мальчик не знает, что здесь, на том самом месте, где они сидят сейчас, явился ему когда-то ангел Господень и вразумил, как вернуть ребенка из царства мертвых.

— Ты будешь скучать по мне? — спросил он.

— Ты же сказал, что печаль будет исчезать по мере того, как мы будем двигаться вперед. Надо еще очень много сделать для того, чтобы Акбар красотой своей стал достоин моей матери. Ведь она ходит по его улицам.

— Когда почувствуешь — я нужен тебе, приходи сюда. И смотри в ту сторону, где лежит Иерусалим. Я буду там и попытаюсь оправдать имя, которым нарек себя: *Освобождение*. Наши с тобой сердца связаны неразрывно и навеки.

— Так ты за этим привел меня на вершину Пятой горы? Чтобы я увидел Израиль?

— Чтобы ты увидел долину, город, иные горы, скалы и облака. Господь всегда отправлял на вершины гор Своих пророков, чтобы они говорили с Ним. Я спрашивал себя, зачем Он так поступает,

а вот теперь обрел ответ: с высоты все предстает ничтожно малым. Наши победы и наши печали теряют значение. То, что мы обрели или утратили, остается внизу. С высоты, с вершины ты видишь, как велик мир, как широк окоем.

Мальчик огляделся вокруг. С вершины Пятой горы он чувствовал запах моря, омывавшего побережье Тира. И слышал посвист ветра, налетавшего из пустыни Египта.

— Когда-нибудь я стану правителем Акбара, — сказал он Илии. — Я знаю: он велик, но знаю и каждый закоулок его. И еще знаю, что должно быть изменено в нем.

— Что ж, меняй. Миру не пристало быть застывшим.

— Неужели Господь не мог избрать иной способ показать нам все это? Был миг, когда я усомнился в милосердии Его.

Илия долго молчал. Он вспоминал давний разговор с левитом — много лет назад, когда они ждали смерти от руки посланных Иезавелью воинов.

— Разве Бог может быть злым? — допытывался мальчик.

— Бог всемогущ, — отвечал Илия. — Он может все, и для Него нет запретов, ибо в противном

случае должен был бы существовать некто еще более всемогущий и всесильный, чтобы воспрепятствовать Ему. Будь так, я предпочел бы поклоняться тому, кто сильней.

Он выждал немного, давая мальчику время осознать смысл сказанного. Потом заговорил снова:

— И по причине своего беспредельного могущества Он избрал для себя удел творить лишь Добро. Доведется нам дожить до конца нашей истории — может, и увидим, что Добро часто выступает под личиной Зла, не переставая при этом быть самим собой и осуществляя замысел, который Он создал для человечества.

Потом снова взял мальчика за руку и молча повел в обратный путь.

* * *

В ту ночь мальчик спал, крепко обняв Илию. Когда стало рассветать, Илия осторожно, чтобы не разбудить, разомкнул его руки.

Потом оделся — в то единственное, что было у него, — и вышел. По дороге подобрал валявшуюся на земле палку: будет вместо страннического посоха. И — всегда при нем, чтобы напоминал о борьбе с Богом, о том, как пал во прах и восстал Акбар.

Не оглядываясь, двинулся он туда, где был Израиль.

Пять лет спустя Ассирия, собрав новое войско — лучше обученное и возглавляемое более искусными полководцами, — захватила Финикию. Под чужеземным господством оказалась вся страна, кроме Тира и Сарепты, иначе называемой Акбаром.

Мальчик стал мужчиной, правил городом, и современниками был признан мудрецом. Он умер в глубокой старости, окруженный близкими, и неизменно повторял, что «нужно, чтобы город цвел в красоте и силе, ибо мать моя по-прежнему ходит по его улицам». Оборона была продумана и налажена столь искусно и хитроумно, что взять Тир с Сарептой ассирийцы во главе с царем Сенакерибом смогли только в 701 году до н. э. через сто семьдесят лет после описанных здесь событий.

Но с той поры города финикийские уже навсегда утратили былое могущество и значение и переживали волны иностранных вторжений, накатывавших одна за другой — их захватывали нововавилоняне, персы, македонцы, селевкиды и наконец римляне. Тем не менее они существуют и поныне, ибо, как гласит старинное поверье, Господь не случайно избирает места, которым

не грозит запустение. Тир, Сидон и Библ вошли в состав государства Ливан, которое и сейчас остается полем битвы.

Илия вернулся в Израиль и собрал пророков у горы Кармил, а там попросил, чтобы налево отошли те, кто поклоняется Ваалу, направо — кто исповедует веру в Господа. Следуя наставлениям ангела, он предложил первым тельца, с тем чтобы они воззвали к небесам с просьбой принять их жертву. Вот как говорится об этом в Священном Писании:

«В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!

И стали они кричать громким голосом, и кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним. Прошел полдень, а они все еще бесновались до самого времени вечернего жертвоприношения; но не было ни голоса, ни ответа, ни слуха».

Илия же взял своего тельца и принес его в жертву так, как учил ангел Господень. И в этот миг ударил огонь с небес и «ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах».

Еще через несколько мгновений хлынул с небес проливной дождь, и окончилась четырехлетняя засуха.

Но сразу же началась в Израиле междоусобная рознь. Илия приказал казнить пророков, предавших Господа, Иезавель же по всей стране искала убить его. Он, однако, сумел укрыться на западном склоне Пятой горы, обращенном к Израилю.

Меж тем страну захватили сирийцы, и от шальной стрелы, попавшей в створ доспехов, погиб царь Ахав, муж царевны Сидонской. Сама же она спряталась в своем дворце и — после нескольких народных возмущений, возвышения и падения правителей — была в конце концов схвачена. Но предпочла выброситься из окна, нежели предаться в руки посланных взять ее.

Илия оставался на горе до конца дней своих. Повествуется в Священном Писании о том, как однажды, когда беседовал он с неким пророком, предназначенным в преемники, «явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо».

Почти восемьсот лет спустя Иисус позвал Петра, Иакова и Иоанна с собою на гору. Рассказывает евангелист Матфей, что Иисус «перед ними преобразился, лицо Его, как солнце, засияло, а

одежды Его белые стали, как свет. И вот явились к ним Моисей и Илия и говорили с Ним».

Иисус просил апостолов никому не говорить об этом видении, покуда Сын Человеческий не воскреснет из мертвых, но те отвечали, что случится это лишь после возвращения Илии.

Матфей (17:10–13) рассказывает, что было дальше:

«И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?

Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели».

Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Пресвятая Дева, без греха зачавшая, моли Бога о нас, да не постыдимся в уповании на Тебя.